

Ο ΑΜΑΡΑΝΤΟΣ

ΗΤΟΙ

ΤΑ ΡΟΔΑ ΤΗΣ ΑΝΑΓΕΝΝΗΣΕΙΣ ΕΛΛΑΔΟΣ.

ΑΜΑΡΑΝΤΟΣ

ИЛИ

РОЗЫ ВОЗРОЖДЕННОЙ ЭЛЛАДЫ.

Ο ΑΜΑΡΑΝΤΟΣ

ΗΤΟΙ

ΤΑ ΡΟΔΑ ΤΗΣ ΑΝΑΓΕΝΝΗΘΕΙΣΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ

*Δημοτικά ποιήματα τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων,
ΣΥΛΛΕΧΘΕΝΤΑ,*

Ῥωσσις μετερμηνευθέντα

καὶ διὰ φιλολογικῶν καὶ ἰσορικῶν σημειώσεων ἐξηγηθέντα

ὑπὸ

ΓΕΩΡΓΙΟΥ ΤΟΥ ΕΥΛΑΜΠΙΟΥ.

*«Γὰ ἰδοθε τὸν ἀμάραντο,
Σὲ τί ᾿γκρεμὸ φνιτρόνει!
Δίχως νερὸ ποτίζεται,
Δίχως ἀνθὸ καρπίζει.»*

Διμ. τραγουδάκι τῶν νεωτ. Ἑλλήνων.

ΕΝ ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΕΙ

Ἐν τῇ τυπογραφίᾳ τῆς Ἀκαδημίας τῶν Ἐπιστημῶν.

ΑΩΜΓ΄.

АМАРАНТОСЪ

ИЛИ

РОЗЫ ВОЗРОЖДЕННОЙ ЭЛЛАДЫ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ НЫНѢШНИХЪ ЭЛИНОВЪ,

СОБРАННЫЯ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ СЪ ПОДЛИННИКОМЪ,

ПРЕДИСЛОВІЕМЪ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИМИ И ИСТОРИЧЕСКИМИ

ЗАМѢЧАНІЯМИ,

Георгіемъ Эвлампиосомъ.

«Посмотрите, каковъ *амарантъ!*
Одинокъ на скалѣ онъ растётъ,
Безъ воды, — но всегда онъ полптъ,
Не разцвѣтши еще, — плодъ даётъ.»

Ново-греческая народная пѣсенка.

Удостоено Демидовской премии.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

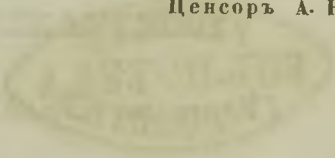
ВЪ ТИПОГРАФІИ Императорской Академіи Наукъ.

1 8 4 3.

Печатать дозволяется въ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ 50-го Октября 1842 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

ΤΟ ΒΙΒΛΙΟΝ ΤΟΥΤΟ ΕΣΤΕΦΑΝΩΘΗ

ΑΠΟ ΤΗΝ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΕΙ

ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΚΗΝ ΑΚΑΔΗΜΙΑΝ

ΤΩΝ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ

ΤΗΝ ΙΖ' ΑΠΡΙΛΙΟΥ ΤΟΥ ΔΩΜΓ' ΕΤΟΥΣ.

Τ Ω Ι

ΦΙΛΟΣΤΟΡΓΩΤΑΤΩΙ ΜΟΙ ΠΑΤΡΙ

ΙΩΑΝΝΗ ΤΩΙ ΕΥΛΑΜΠΩΙ

ΤΗΝ ΒΙΒΛΟΝ ΤΑΥΤΗΝ

ΕΤΣΕΒΩΣ ΑΝΑΤΙΘΗΜΙ

Ο ΕΥΠΕΙΘΗΣ ΥΙΟΣ

ΓΕΩΡΓΙΟΣ Ο ΕΥΛΑΜΠΙΟΣ.

ДРАЖАЙЩЕМУ РОДИТЕЛЮ

ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ

ЭВЛАМПИОСУ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ПРИЗНАТЕЛЬНЫЙ СЫНЪ

ГЕОРГІЙ ЭВЛАМПИОСЪ.

Με καρδίαν πλήρη ἀγάπης ἀγνῆς καὶ ἀνεκλαλή-
του ἀγαλλιάσεως προσφέρω εἰς ἐσὲ τὸν φιλοστοργώ-
τατόν μοι πατέρα τὰ *ΑΜΑΡΑΝΤΑ* καὶ ἀειθαλῆ
ταῦτα *ΡΟΔΑ*, τὰ ὁποῖα μὲ τὴν βοήθειάν σου
ἀνδολόγησα ἀπὸ τὰς ῥοδωνιάς τοῦ Ἑλικῶνος. Ἐκεῖ
αὐτὰ ποτιζόμενα ἀπὸ τὰς Μούσας μὲ τὰ καθαρά
καὶ δροσερά νερά τῆς κλασικῆς πηγῆς, θανμασίως
ἀναθάλλουσιν ὑπὸ τὸν ὠραῖον οὐρανὸν τῆς πατρί-
δος μας Ἑλλάδος.

Ὁ εὐπειθὴς υἱός σου

Съ любовію чистою и радостию неизъяснимою
подношу тебѣ, дражайшій мой родитель, эти
НЕУВЯДАЕМЫЯ РОЗЫ, которыя помощію
твоею я сорвалъ съ кустовъ Элкона. Тамъ ихъ
поливаютъ Музы чистѣйшими водами классическаго
источника; тамъ — чудно процвѣтають онѣ подъ
яснымъ небомъ нашего отечества — Эллады!

Покорный сынъ

С. П. Б.
Ноября 14 дня
1843.

Г. ЭВЛАМПІОСЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Народныя созданія современныхъ намъ Эллиновъ, ихъ пѣсни и сказки, кажется, не безъ основанія названы мною: «*Розами возрожденной Эллады.*» Дѣйствительно, подобно цвѣтамъ Юга, онѣ дышуть свѣжею, безыскусственною прелестью. Считаю моею обязанностью упомянуть о попыткахъ предшествующихъ литераторовъ собрать эти любопытныя произведенія народнаго генія.

Народныя пѣсни нынѣшнихъ Эллиновъ въ первый разъ сдѣлались извѣстными русской публикѣ въ 1825 году, когда ученый Гнѣдичъ издалъ двѣнадцать греческихъ пѣсней съ русскимъ переводомъ. Пѣсни эти, заимствованныя Гнѣдичемъ изъ французскаго изданія Форіеля (*), суть всѣ клефтическія и,

---

(*) Chants populaires de la Grèce moderne, recueillis et publiés avec une traduction française, des éclaircissements et des notes, par C. Fauriel. A Paris 1824.

слѣдовательно, обнимаютъ собою только одну сторону народности новыхъ Эллиновъ.

Изданіе Форіеля почитается въ просвѣщенной Европѣ лучшимъ сборникомъ такихъ пѣсней. Стараія и труды Форіеля, неоспоримо, заслуживаютъ всякаго уваженія. Но, какъ иностранецъ, не вполне знакомый съ народною жизнію новой Эллады, онъ долженъ былъ безпрекословно принимать все, что ему доставляли подъ именемъ народныхъ пѣсней; а потому въ его собраніи встрѣчается много испорченнаго, (*) сшитаго, такъ сказать, на живую нитку; въ числѣ народныхъ созданій и на ряду съ ними помѣщаются творенія ученыхъ, принадлежащія къ письменной, а не изустной поэзіи; — мы говоримъ о военной пѣснѣ *Риги* и гимнѣ на свободу *Саломоса*. Нерѣдко кусокъ изъ одной пѣсни приклеенъ къ другой; почти безъ всякой связи (**), часто между нѣсколькими, довольно картинными стихами, читатель встрѣчаетъ, къ удивленію своему, сущую прозу; наконецъ, площадныя пошлости — произведенія празднаго невѣжества внесены въ

(*) См. напримѣръ: *Пѣснь въ новый годъ*, которую я помѣстилъ въ своемъ собраніи въ настоящемъ ея видѣ. Читатель увидитъ изъ французскаго перевода этой пѣсни Форіеля, до какой степени испорченъ оригиналъ въ его собраніи. (См. стр. 248. II Т. Собр. Форіеля).

(**) См. напр. пѣснь: *ἀλαυωριστός* (Т. II. Собранія Форіеля), которой начало есть ничто иное, какъ дистихи, безъ связи помѣщенные одинъ послѣ другаго

число народныхъ пѣсней (*). Словомъ, эта странная смѣсь, украшенная пышными заглавіями, представляетъ собою безобразное зданіе, въ которомъ немногія мраморныя украшенія зарыты подь кучею необтесанныхъ камней.

Несвязность пѣсней и невѣрность ихъ текста объясняется отчасти и тѣмъ, что авторъ, какъ онъ самъ признается, принялъ на себя трудъ исправлять греческій подлинникъ пѣсней — *въ духъ народномъ*, какъ онъ говоритъ. Я приведу его собственныя слова: *Dans le choix des diverses leçons, j'ai toujours donné la préférence à celles qui m'ont semblé le plus dans le goût et dans l'idiome du peuple; et en général les corrections qu'il a été parfois indispensable de faire à des copies fautes et uniques, ont toutes été faites dans le même sens.* (См. préface du traducteur-éditeur).

Я не знаю, можетъ ли иностранецъ усвоить себѣ духъ чуждаго ему народа до такой степени, чтобъ отважиться поправлять и передѣлывать созданія народнаго генія, когда природный Грекъ, родившійся и воспитанный въ своемъ отечествѣ, наблюдавшій родной языкъ и обычаи своей страны съ юныхъ лѣтъ своей жизни, не можетъ принять на себя такого права. По-крайней-мѣрѣ авторъ доказалъ, какъ хорошо постигаетъ онъ народный

(*) См. Т. II. Собр. Фориеля, пѣснь: *οἱ δῦο δοῦλοι καὶ ἡ κηρά*, пѣснь: *ἡ ἐπιθυμία*, также пѣснь: *τῆς Ἰαγούλας*.

духъ новыхъ Эллиновъ. Прилагая, какъ отрывокъ, четыре первые стиха одной пѣсни, которой онъ даетъ въ своемъ собраніи названіе: *Смерть Зидра*, Форіель изъясняетъ свое сожалѣніе, что продолженіе ея неизвѣстно ему, и, чтобъ показать свою проникаемость, прибавляетъ еще во французскомъ переводѣ смыслъ пятого стиха, угаданный имъ безъ всякаго подлинника греческаго. Я покажу въ-послѣдствіи, какъ ошибочна догадка Форіеля; потому-что пѣснь эта будетъ представлена мною въ цѣлости подъ заглавіемъ: *Завѣщаніе Клефта*; я привожу вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Форіеля французскій переводъ четырехъ стиховъ этой пѣсни. Хотя встрѣчаются довольно замѣчательныя пѣсни въ собраніи Форіеля, но и тѣ не мало пострадали; самое русское изданіе Гнѣдича доказываетъ это, гдѣ почтенный авторъ объявляетъ, что заимствованныя имъ у Форіеля двѣнадцать пѣсней предварительно дополнены К. Экономосомъ, однимъ изъ лучшихъ филологовъ новой Эллады.

Пѣсни новыхъ Эллиновъ, теперь представляемая мною благосклонному вниманію публики, доставляютъ возможность бросить взглядъ на разныя отрасли народной поэзіи современной Эллады. Читатели познакомятся здѣсь съ пѣснями: *Мирологами*, праздничными пѣснями, свадебными, хороводными, любовными, также и клефтическими. Ни одна изъ нихъ не заключается въ собраніи Форіеля, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, некстати при-

ставленныхъ къ другимъ пѣснямъ. Въ слѣдъ за пѣснями я издаю сказку подъ заглавіемъ: *Τ' ἀθάνατο νερό*, *Безсмертная вода*.

Пѣсни, мною издаваемыя, не только ни гдѣ въ Европѣ не напечатаны, но и въ самой Греціи еще ни кѣмъ не изданы; онѣ мною собраны со словъ народа, исключая одной только пѣсни (см. пѣсень: *Γолосъ изъ могилы*), которая была уже напечатана въ греческомъ журналѣ: *Πλάστιγξ*.

Но чтобъ самыя пѣсни были вполнѣ понятны для моихъ читателей, я долженъ распространиться о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ, касающихся пѣсней *Μιρολογεῶν*, свадебныхъ пѣсней и майскихъ праздниковъ въ паргійскомъ племени, также сказать нѣсколько о народныхъ играхъ и, наконецъ, о слѣдахъ элинской мифологіи, сохранившейся до девятнадцатаго вѣка въ памяти народа.

I. Преимущественно я обращаю вниманіе моихъ читателей на пѣсни *Μιρολογι* (*Μοιρολογία* *), на этотъ весьма оригинальный классъ народныхъ пѣсней, которыя первый я издаю. Фориель, не помѣстивъ въ своемъ собраніи ни одной пѣсни изъ *Μιρολο-*

(*) Такъ пишутъ донинѣ названіе этихъ пѣсней. Первый слогъ съ двугласною *οι* значить, что даютъ этому слову этимологію отъ *Μοῖρα* фортуна, участь или рокъ, такъ сказать: рокословіе. Но я думаю, вѣрнѣе писать первый слогъ чрезъ *υ* и произвести его отъ древняго глагола *μύρω*, *μύρωμαι*, проливаю слезы, т. е. пѣсни, при пѣніи конхъ льются слезы. Замѣтимъ при этомъ, что ученые пишутъ *Μοιρολόγι*, а народъ произноситъ: *Μοιρολόγι*.

говѣ (*), говоритъ, что эти пѣсни суть ничто иное, какъ минутное вдохновеніе горести женщинъ, оплакивающихъ покойниковъ, и что все, произносимое ими, по окончаніи обряда надъ умершими, скоро забывается. Издаваемыя мною здѣсь пѣсни — *Мирологи*, доказываютъ неосновательность извѣстія Фориеля. Напротивъ, *Мирологи* суть опредѣленные пѣсни, которыя изучаются также, какъ и прочія народныя пѣсни. Первая изъ представляемыхъ мною пѣсней этого рода, подъ заглавіемъ: *Бѣгство изъ ада*, поется молодой супругъ, оставившей послѣ смерти своей дитя. Вторая, подъ заглавіемъ: *Родители къ дочери*, поется умершей дѣвицы. Третья, подъ заглавіемъ: *Вѣсти изъ ада*, поется каждому

(*) Во второмъ томѣ Фориель, чувствуя невѣрность своего мнѣнія о *Мирологахъ*, приводитъ четыре стиха или, лучше сказать, чистую прозу подъ пышнымъ заглавіемъ: *Мирологи* и, къ довершенію странности, объявляетъ, что мнимый этотъ *Мирологъ* произнесенъ Турчанкою. Вотъ его переводъ, помѣщенный въ собраніи Фориеля.

Qu'allais-tu chercher, que demandais-tu à ce terrible Danube?
L'herbe a poussé sur (le seuil de) tes portes; ta cour est devenue déserte. —

Tes écuries pleurent tes chevaux; ta demeure les agas; — et ton morne tribunal pleure les procès et les sentences. . . . .

Далѣе помѣщены еще четыре подобныя строки, о которыхъ не стоитъ и говорить, какъ читатель самъ о томъ можетъ судить (см. стр. 262, II тома Фориеля).

изъ усопшихъ, безъ различія его возраста и состоянія. Четвертая, подъ заглавіемъ: *Покойникъ къ живымъ*, служитъ приступомъ къ *Мирологамъ*, и поется усопшему, когда онъ еще дома и окруженъ своимъ семействомъ. Пятая, подъ заглавіемъ: *Мирологъ изъ ада*, поется умершимъ добрымъ хозяюшкамъ. Шестая, *Адская рѣка*, поется двумъ братьямъ, умершимъ въ скоромъ времени одинъ послѣ другаго. Наконецъ, седьмая, *Ширъ въ подземномъ царствѣ*, поется умершему младенцу при извѣстномъ случаѣ, который я объясню при самомъ *Мирологѣ*. Пѣсни *Мирологи* поютъ родственницы или знакомки покойника; поютъ ихъ также наемныя женщины, называемыя *Мирологистрами* (*Μοιρολογίστριαι*), тѣ или другія должны принаравливаться къ покойнику и обдумывать, который изъ *Мирологовъ* приличнѣе возрасту и достоинству минувшей его жизни, и отъ опытности и ловкости въ своемъ дѣлѣ *Мирологистры* зависятъ, прибавить къ *Мирологу* что-нибудь отъ себя, имѣющее прямое отношеніе къ жизни усопшаго. Подобныя прибавленія уже не поются, но произносятся жалобнымъ голосомъ. *Мирологи* поются не только надъ тѣломъ умершаго, но и по погребеніи его, каждый разъ, когда въ семействѣ его готовятъ для поминовенія такъ называемые по-гречески *кѳлива* (*κόλιβα*). Гречанки съ особеннымъ стараніемъ готовятъ эти *кѳлива*: варятъ лучшую пшеницу, потомъ устилаютъ ее на металлическомъ листѣ, называемомъ по-гречески

συνή или *γύρισμα*, мѣдномъ или серебряномъ, смотря по состоянію каждаго, разной величины, формою своею весьма сходномъ съ обыкновенными круглыми подносами. Поверхность такъ устланной пшеницы покрываютъ кедровыми орѣхами, миндалемъ, грецкими орѣхами, коринкою, синимъ и краснымъ изюмомъ и зернами гранатоваго яблока; а ежели усопшій — юноша, или дѣвица, или изъ новобрачныхъ, то прибавляютъ, къ украшенію *κόλιβα*, розы и другіе живые цвѣты, сообразные съ возрастомъ усопшаго. Замѣтимъ, что изъ всего этаго получаютъ слѣдующіе цвѣта: бѣлый, черный, синій, красный, желтый и розовый; этими цвѣтами на поверхности пшеницы, какъ бы въ мозаикѣ, изображаютъ разныя украшенія узорами и цвѣтами. Тѣми же веществами изображаютъ въ буквахъ имя покойника, или другія слова, какъ то: *ἀγωνία του ἡ μνήμη, вѣчная память: μνήθητί μου, Κύριε, ὅταν ἔλθῃς ἐν τῇ Βαβυλείᾳ σου, помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствіи Твоемъ:* и тому подобное. Такимъ образомъ приготовленныя *κόλιβα* (*) посы-

---

(*) Нужно различать *κόλιβα* отъ *эсперина* (*ἐσπερινά*); хотя одно сходствуетъ съ другимъ, но назначеніе ихъ совершенно противоположно. *Кόλιβα*, какъ выше сказано, готовятъ въ поминовеніе усопшихъ, а *эсперина* — на поздравленіе именинниковъ. Приготовленіе *эсперина* хотя сходствуетъ съ *κόλιβα*, но *эсперинами* стараются дать веселый видъ. При украшеніяхъ вышеупомянутыми веществами, избѣгаютъ темныхъ цвѣтовъ, прибавляютъ болѣе зернъ гранатоваго яблока, а по желанію и возможности —

паютъ сахаромъ и окропляютъ розовою водою. Приготовляя эти-то *кѣлива*, родственницы покойника поютъ ему пѣсни *Мирологи*. Эти поминки правильно совершаются Гречанками въ 3-й, 9-й, 20-й и 40-й день по кончинѣ покойника, потомъ въ 3-й, 6-й и 9-й мѣсяцы, наконецъ ровно чрезъ годъ послѣ его смерти, т. е. въ каждый изъ этихъ дней, приготовляя *кѣлива*, поютъ *Мирологи*, потомъ *кѣлива* относятъ на могилу усопшаго во время вечерней службы и, по прочтеніи тамъ надъ ними молитвы о упокоеніи душъ усопшихъ, раздаютъ ихъ всѣмъ присутствующимъ въ церкви, и въ особенности нищимъ, обыкновенно собирающимся за церковью при такихъ случаяхъ. Получающій *кѣлива* произноситъ слова: *ὁ Θεὸς συγχωρήσει τοῦ* (*Богъ да отпуститъ ему согрѣшенія*). Смотри по состоянію родственниковъ покойника, въ этотъ день раздаютъ нищимъ и хлѣбы, которые стараются слѣвать лучшей доброты; также подносятъ имъ красное вино-

---

разные конфеты. *Эсперина* приносятъ въ церковь, наканунѣ именинъ, во время вечерней службы (которая называется по-гречески *Ἐσπερινός*, отъ-чего они и получили свое названіе) и ставятъ предъ образомъ Ангела именинника. По окончаніи вечерней службы, ихъ раздаютъ народу; получающій желаетъ многолѣтія имениннику этими словами: *καὶ τοῦ χρόνου, καὶ εἰς ἔτη πολλά, νά χαρῆ τ' ὄνομά του*, т. е.: *и на будущій годъ и на многія лѣта желаю ему жизни, да будетъ ему имя въ радость*. При раздачѣ *эсперина*, часто подчуютъ народъ и винограднымъ виномъ, всегда краснымъ.

градное вино; другіе раздаютъ нищимъ и деньги, а все это, что раздается за покойника, называютъ общимъ словомъ: *συγχωρία*, и именно подъ выраженіемъ: *μοιράζουσι συγχωρία ἕς τὴν ἐκκλησίαν*, разумѣютъ раздачу въ церкви всего вышесказаннаго за покойника. При самыхъ щедрыхъ поминкахъ даютъ обѣды нищимъ подъ открытымъ небомъ.

Впрочемъ, пѣсни *Мирологи* поются не только въ вышепоказанные дни, но и во всякое другое время (*). Когда, напримѣръ, вдова чувствуетъ необходимость облегчить горюющее свое сердце, тогда она собираетъ своихъ осиротѣвшихъ дѣтей и, окруженная ими, поетъ *Мирологи* своему усопшему мужу, и, проливая слезы, доставляетъ тѣмъ облегченіе сердцу.

Мирологи — вотъ единственный классъ пѣсней, который вполне принадлежитъ Гречанкамъ. Пѣсни *Мирологи* служатъ доказательствомъ высшей степени нѣжной любви и привязанности Гречанокъ къ своимъ семействамъ. Гречанка, лишившись любезнаго члена своего семейства, надолго остается безутѣшною, всюду носить съ собою бремя сильной скорби, и вотъ она создаетъ трогательныя пѣсни для облегченія своего скорбящаго сердца. И такъ современная намъ народная греческая поэзія обязана нѣжнѣйшимъ чувствамъ прекраснаго пола Греціи—

(*) См. пѣснь подъ заглавіемъ: *Горестъ вдовы*, гдѣ она, сидя у окна, поетъ *Мирологъ*.

Мирологами этимъ особеннымъ родомъ пѣсней, отличающихся своею оригинальностью отъ народной поэзіи прочихъ народовъ.

II. Помѣщаемая здѣсь «*Майская пѣснь*» принадлежитъ жителямъ города Парги (*). Паргійцы, одно изъ лучшихъ племенъ новой Греціи, были весьма несчастны судьбою своего отечества, котораго независимость однакожь они умѣли сохранить до начала XIX столѣтія. Парга была оплотомъ знаменитаго города Сули противъ Турковъ, какъ равно и Сули былъ тѣмъ же для Парги. Судьба этихъ двухъ славныхъ городовъ была такъ тѣсно сопряжена между собою, что паденіе одного изъ нихъ непременно должно было увлечь за собою паденіе другаго. Али-паша Янинскій употребилъ всѣ силы свои, чтобы покорить себѣ Паргу; но Паргійцы храбро отражали несравненно-сильнѣйшаго непріятеля и благоразумно уничтожали его коварные замыслы. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Паргійцы день и ночь были въ военныхъ дѣйствіяхъ. Раздраженный неудачею, Али-паша прибѣгнулъ къ извѣстной своей коварной политикѣ, съ помощію которой онъ успѣлъ убѣдить сосѣдственное правительство, подъ покровительствомъ котораго состояла и Парга, къ уступкѣ этого города Турціи; и тогда Паргійцы принуждены были избрать одно изъ двухъ: или всѣмъ погибнуть въ борьбѣ противъ несравнен-

---

(*) Приморскій городъ, недалеко отъ острова Корфу.

во-сильвѣйшихъ непріятелей, или переселиться на островъ Корфу, и оставить новымъ Персамъ опустѣлое свое отечество. Изъ любви къ своимъ семействамъ, они избрали второе; и въ 1819 году, на Страсной недѣль, городъ Парга опустѣлъ; жители переселились въ Корфу, гдѣ и понынѣ находятся. При всемъ томъ однакожь продолжаютъ, хотя и не съ такою торжественностью, отправлять свои обычные праздники, ревностно наблюдая отечественные обычаи. Пламенная любовь къ отечеству и надежда возвратиться въ страну родную до такой степени одушевляетъ Паргійцевъ, что они, выдавая дочерей своихъ на чужбинѣ, до-сихъ-поръ пазначаютъ имъ приданое изъ имѣній, прежде принадлежавшихъ имъ въ Паргѣ.

Первое число Мая празднуется по всей Греціи; но въ нѣкоторыхъ городахъ торжественнѣе и живѣе, какъ напримѣръ, въ городѣ Паргѣ первые восемь дней Мая мѣсяца принадлежали къ числу самыхъ увеселительныхъ праздниковъ этаго города. Первое число праздновали они въ садахъ, которыми этотъ городокъ изобилуетъ; тамъ семейства веселились въ объятіяхъ матери - природы, накрывали столы подъ открытымъ небомъ прекраснѣйшей страны. Послѣ стола каждый возрастъ избиралъ приличныя себѣ забавы. Преимущественно же молодые люди упражнялись въ національныхъ играхъ (*), а

(*) См. IV статью этаго предисловія.

дѣвицы плели себѣ вѣнки изъ майскихъ цвѣтовъ, стараясь превзойти другъ друга въ искусномъ составленіи ихъ. Эти вѣнки служили имъ убранствомъ на возвратномъ пути ихъ домой; наконецъ онѣ вѣшали ихъ надъ дверью родительскаго дома, гдѣ они оставались до будущаго Мая, — тогда лишь замѣняли ихъ свѣжими. Такъ проводили они первое число Мая. Второе число Мая Православная Церковь празднуетъ память святаго Великаго Аѳанасія. Въ недалекомъ разстояніи отъ города Парги, на возвышенномъ мѣстѣ, есть храмъ святаго Аѳанасія; сюда рано утромъ собирались семейства слушать святую литургію, и въ особенности дѣвицы, которыя присвоили себѣ этотъ праздникъ. По окончаніи службы, дѣвицы собирались на близлежащее поле (*), украшенное щедрою рукою природы. Отсюда зрителю открывается необозримое море; онъ видитъ Цереру, подающую руку Посидону: берега эти съ живописными садами, то цвѣтущими, то обвѣшанными плодами, отражаются въ морскихъ водахъ. Не рѣдко здѣсь можно видѣть, какъ морская волна обмываетъ виноградную кисть, едва замѣтную въ густотѣ своихъ листьевъ. Здѣсь дѣвицы веселились національными плясками и хороводными пѣснями (**).

(*) Это мѣсто называется Кріонѣри (*Kριονέρι*), что значитъ холодная вода. Название получило отъ холоднаго источника, который отсюда истекаетъ.

(**) См. пѣсни подь № 19 и 20.

Въ этотъ же самый день хоръ мальчиковъ ходилъ по домамъ и пѣлъ помѣщаемую здѣсь *Майскую пѣснь* (*), въ поздравленіе согражданамъ съ наступленіемъ Мая мѣсяца. Мальчики были увѣнчаны вѣнками изъ всевозможныхъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, а въ рукахъ держали большія вѣтви апельсиннаго или лимоннаго дерева, покрытыя цвѣтомъ и плодомъ. Еще зимою на деревѣ отмѣчали вѣтви для этой цѣли и съ нихъ не рвали созрѣвающаго плода, такъ-что когда эти деревья весною опять покрывались цвѣтомъ, то прелестъ было смотрѣть на эти золотые яблоки Эсперійцевъ, утопающіе въ бѣломъ душистомъ цвѣтѣ. Подобныя вѣтви служили для воспѣвающихъ *Майскую пѣснь* символомъ майскаго праздника и назывались именемъ того же мѣсяца (*ὁ μήης, οἱ μήηδες*). Мальчиковъ, воспѣвающихъ *Майскую пѣснь*, вездѣ радушно принимали, угощали всѣмъ, чѣмъ кто могъ.

Въ этотъ же самый день составлялась и другая труппа изъ мужчинъ средняго возраста. Они тоже ходили по домамъ и, при звукахъ различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, пѣли ту же *Майскую пѣснь*. Но ихъ дѣло было гораздо серьезнѣе. Поздравляя согражданъ съ наступленіемъ Мая, они приносили имъ пучекъ отборныхъ цвѣтовъ, а сограждане дарили ихъ деньгами, которыя они собирали въ общую кассу. Кромъ того, старинная

(*) См. пѣснь подъ N° 22.

привилегія давала имъ право пользоваться и пошлиною, взимаемою съ товара, который въ теченіи этихъ восьми майскихъ праздниковъ купцы привозили въ эту гавань или вывозили изъ ней. Всѣ эти суммы употребляли они на общіе столы, которые они продолжали давать до 8 го числа. Въ этотъ день народное веселіе получало видъ мужественный. Граждане раздѣлялись на двѣ стороны; одна сторона называлась паргійское войско, другая турецкое — непріятельское; оба войска вступали въ сраженіе; дѣло казалось весьма серьезнымъ, но всегда оканчивалось тѣмъ, что Греки оставались побѣдителями надъ мнимыми Турками; каждый изъ побѣдителей бралъ одного плѣнника — Турка и связывалъ его за руку. Побѣдители, сопровождаемые своими трофеями, при побѣдоносныхъ кликахъ народа, торжественно шествовали въ крѣпость, гдѣ на другой день давали имъ столъ, и тѣмъ оканчивались майскіе праздники.

III. Помѣщаемыя здѣсь «Свадебныя (*) пѣсенки» принадлежатъ также Паргійцамъ. Ихъ поютъ: мать, родственницы и подруги невѣсты, когда ее одѣваютъ и наряжаютъ идти подъ вѣнецъ. Пѣніе первоначально начинается одна изъ подругъ въ то время, когда она убираетъ волосы невѣсты; разъ она поетъ одна свою пѣсенку, во второй же разъ ей вторятъ прочія подруги, — и хоромъ продолжаютъ

(*) См. пѣснь подъ № 21.

пѣть ту же пѣсенку медленно, въ продолженіи цѣлаго убора, по окончаніи котораго родственницы и подружки начинаютъ одѣвать невѣсту, и въ это время поетъ каждая свою пѣсню тѣмъ же порядкомъ. Между-тѣмъ женихъ, съ своими родственниками, при звукахъ музыки, приходитъ въ домъ невѣсты. Тогда мать начинаетъ свою пѣсенку, а отецъ беретъ за руку свою дочь, наряженную уже ея подругами, по обыкновенію, и вручаетъ ее жениху съ этими словами:

*Σὲ τοῦτο τὸν κόσμον σ' τῆν δίνω·
Καὶ ἔς τὸν ἄλλο, νὰ μοῦ τὴν παραδώσῃς.*

т. е.:

«Въ семь мѣръ я тебѣ ее вручаю;
«Ты въ мѣръ томъ ее мнѣ возвратишь» (*).

Женихъ беретъ невѣсту за руку и, въ толпѣ своихъ родственниковъ, при звукахъ музыки, вводитъ ее въ церковь, гдѣ должна совершиться брачная церемонія. Изъ церкви родственники жениха идутъ за отцемъ посаженнымъ; ихъ провожаетъ также музыка. Отецъ посаженный долженъ придти въ церковь съ вѣнками, которыми будутъ обвѣнчаны женихъ и невѣста. Мальчикъ идетъ передъ отцемъ

(*). Эти слова имѣютъ глубокое значеніе. Отецъ хочетъ ими сказать, что одна лишь смерть можетъ разлучить мужа съ женою.

посаженымъ и несетъ эти вѣнки въ круглой корзинѣ, покрытой краснымъ платкомъ; обязанность приготовления (*) этихъ вѣнковъ принадлежитъ отцу посаженному. По совершеніи таинства брака въ церкви, священникъ позволяетъ молодымъ сѣсть; тогда ихъ отцы и матери и всѣ родственники сперва прикладываются къ святому Евангелію, а потомъ цѣлуютъ вѣнки, которые еще на главахъ супруговъ и поздравляютъ ихъ. Послѣ этаго священникъ снимаетъ вѣнки съ молодыхъ, связываетъ ихъ тѣмъ же краснымъ платкомъ, которымъ были покрыты вѣнки до совершенія обряда, и отдаетъ тому же мальчику, который долженъ отнести ихъ въ домъ новобрачнаго; мальчикъ идетъ впередъ съ вѣнками, а за нимъ молодые и прочіе родственники. Если же домъ новобрачнаго не въ большемъ разстояніи отъ церкви, то вѣнки не снимаются съ молодыхъ: имѣя ихъ на головахъ, они идутъ, въ сопровожденіи священника и родственниковъ до самаго дома. На

(*) Достоинно замѣчанія приготовленіе этихъ свадебныхъ вѣнковъ въ Греціи. Первоначально дѣлаютъ кружки изъ прутьевъ виноградной лозы (замѣтимъ, что этому дереву нашъ Спаситель уподобляетъ Себя сими словами: *Ἐγὼ εἰμὶ ἡ ἀμπέλος ἡ ἀληθινή καὶ ὁ Πατήρ Μου ὁ γεωργός* *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ Мой виноградарь.* Еванг. Іоан. гл. 15. ст. 1); ихъ обматываютъ хлопчатою бумагою, которую покрываютъ розовыми лентами; прибавляютъ еще искусственныхъ цвѣтковъ, которые прикрѣпляютъ къ вѣнкамъ, обвивая ихъ золотыми или серебряными нитками.

этомъ пути родственники, друзья и знакомые осыпаютъ невѣсту деньгами серебряными или золотыми, смотря по состоянію и желанію каждаго. Приблизившись къ дому, одинъ изъ родственниковъ подаетъ новобрачной гранатовое яблоко: она его принимаетъ и держитъ въ правой рукѣ. Мать жениха первая встрѣчаетъ молодыхъ при входѣ ихъ въ домъ, и въ это время она осыпаетъ невѣстку рисомъ и сладкимъ миндалемъ (*). Невѣстка, войдя

(*) Этому обыкновенію даютъ слѣдующее толкованіе: рисъ по-новогреческому называется *ρίζι* (*ρίζι*), въ томъ же языкѣ слово *ρίζα* значить корень; слѣдовательно осыпаніемъ невѣстки рисомъ мать хочетъ пожелать ей укорениться т. е. положить твердое основаніе въ новомъ жилищѣ. Миндальное дерево уже съ Января мѣсяца распускается на поляхъ Греціи; оно покрывается цвѣтомъ, когда другія деревья еще совершенно голы; есть народная пѣсенка, въ которой прочія деревья упрекаютъ (бранятъ) миндальное дерево за то, что оно не дожидается ихъ общаго разцвѣтанія:

*Μορή μαριόλ' ἀμυγδαλιά,
Π' ἀνθίζεις τὸ χειμῶνα
Καὶ δὲν προσμένεις τὴν ἀνοιξί
Ν' ἀνθίσωμ ὄλ' ἐντάμα.*

Ты, плутовка миндаля (миндальное дерево),
Что зимою ты цвѣтешь
И весеннихъ дней не ждешь,
Съ нами вмѣстѣ не цвѣтешь.

Извѣстно, что это дерево, когда цвѣтеть, покрывается множествомъ бѣлаго цвѣта, такъ-что его небольшіе листья едва

въ первую комнату, бросаетъ на полъ гранатовое яблоко, изъ котораго, какъ гранаты, разсыпаются зерна по всему полу: это сѣмволъ изобилія и радости. Священникъ снимаетъ съ молодыхъ вѣнки и, помолвившись, вѣшаетъ ихъ передъ образами Спасителя и Божіей Матери и покрываетъ ихъ прозрачною розовою тканью; опять помолвившись, обращается съ поздравленіями къ молодымъ и ко всѣмъ родственникамъ ихъ. Вѣнки эти должны всегда висѣть передъ образами; они имѣютъ большое вліяніе на нравственную жизнь супруговъ. По-крайней-мѣрѣ дважды въ день, при утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, представляясь взору молящихся супруговъ, напоминаютъ имъ обѣщанія въ вѣрности супружеской любви, данныя ими при совершеніи таинства брака. Вѣнки висятъ передъ образами, пока оба супруга еще живы; если одинъ изъ нихъ оставитъ этотъ мѣръ ранѣе года, то его вѣнокъ кладутъ съ нимъ въ гробъ; если же умретъ позже года, то супругъ, оставшійся въ-живыхъ снимаетъ вѣнки съ образовъ, и если онъ рѣшился не вступать во второй бракъ, то онъ ихъ хранитъ, какъ драгоценный залогъ, оставленный ему умершимъ супругомъ. Вступая во второй бракъ, онъ сжигаетъ вѣнки перваго брака и оставшійся отъ нихъ пепель развѣваетъ по воздуху.

замѣтны. Слѣдовательно мать, осыпая свою невѣстку миндалями, сѣмволически ей желаетъ скораго и изобильнаго плодородія въ домъ роднаго сына.

Чтобы ближе познакомить моих читателей съ важностию супружескихъ вѣнковъ, я приведу здѣсь клятвы, относящіяся до нихъ и употребляемыя при важнѣйшихъ случаяхъ: *Μὰ τὸ σεφάνι μου*, клянусь вѣнкомъ моимъ; *Νὰ χαρῶ τὸ σεφάνο μου*, пусть вѣнокъ мой будетъ мнѣ радостью (подразумѣвается, если я правду говорю, и что, въ противномъ случаѣ, должно совершиться противное), суть страшныя клятвы для женатаго Грека. А слова: *Νὰ σ' ἀξιώσῃ ὁ Θεὸς νὰ φιλήσῃς τὸ σεφάνι τοῦ υἱοῦ σου ἢ τῆς θυγατέρας σου*, чтобы Богъ удостоилъ тебя поцѣловать вѣнокъ сына или дочери, суть лучшее поздравленіе нѣжнымъ родителямъ.

IV. Изъ пѣсни, подъ заглавіемъ: *Дѣва Клефть* видно, что ратники въ день праздника забавляются игрою, метаніемъ диска. Въ разсказѣ о Майскихъ праздникахъ упомянуто, между прочимъ, и о національныхъ играхъ Паргійцевъ. Эти обстоятельства обязываютъ меня сказать немного о главнѣйшихъ народныхъ играхъ нынѣшнихъ Эллиновъ.

Въ пентаѡлѣ (*πένταθλον* *) древнихъ Эллиновъ заключались слѣдующія игры: τὸ Ἄλμα (скачка), ὁ Δρόμος (бѣганіе), ὁ Δίσκος (метаніе диска), τὸ Ἀκόντισμα (метаніе копья), ἢ Πάλη (борьба). Поищемъ,

---

(*) Надобно полагать, что не всѣ племена древней Греціи имѣли одинъ и тотъ же пентаѡлѣ. Плутархъ, вопреки мнѣнію Симонида и другихъ, помѣщаетъ въ числѣ игръ, составляющихъ пентаѡлѣ: *Πυγμαχίαν*, вмѣсто Ἀκόντισμα, см. Плутарха *Συμπλοσ. Β'. Προβλ. 5.*

нѣтъ ли слѣдовъ ихъ въ народныхъ играхъ нынѣшнихъ Эллиновъ.

Представимъ себѣ толпу молодыхъ Эллиновъ на большой равнинѣ, начинающихъ забавляться или упражняться въ національныхъ своихъ играхъ. Вотъ они раздѣлились на разныя кучки: одни начертили на землѣ черту, съ которой начинаютъ прыгать въ даль, шагнувъ трижды сряду; и это называютъ они на родномъ языкѣ: *πήδημα σὲ τρεῖς* (*πηδοῦμε τῆς τρεῖς*). Одинъ изъ нихъ далѣе всѣхъ прыгнулъ; по правиламъ игры, онъ долженъ на время остановиться, пока кто-нибудь изъ состязающихся перегонитъ его; тогда лишь онъ снова начинаетъ играть, и такимъ образомъ продолжается игра. Но обратимъ взоръ на картину другаго рода: тамъ тоже прыгаютъ; но мы видимъ игру уже различную. Посреди избраннаго соперниками мѣста одинъ изъ нихъ стоитъ сначала согнувшись, а потомъ совершенно прямо, наклонивъ только немного одну голову; чрезъ него прочіе стараются перепрыгнуть; перепрыгнувшій долженъ стать на его мѣсто,—это они называютъ: *τὸ Πηδητό* (*πηδοῦμε τῆς ῥαχούλαις*).

Далѣе еще прыгаютъ съ одной черты до другой (*ἄπὸ ἓνα χωράκι ἔς τ' ἄλλο*) съ сомкнутыми ногами (*σραγάλι μὲ σραγάλι*), это называютъ они: *τὸ Κολλητό*.

Наконецъ прыгаютъ еще черезъ ровъ значительной ширины (смотря по ловкости отличающихся въ игрѣ прыганія). Состязающіеся здѣсь должны пред-

варительно хорошо испытать свои силы, потому что свалиться въ ровъ почитается большимъ стыдомъ (*).

Далѣе мы видимъ другаго рода зрѣлище: цѣлая линія молодыхъ Эллиновъ двинулась съ одной черты разомъ по слову: *ἔτοιμος*; всѣ бѣгутъ по одному направленію и стремятся къ какой-то условленной цѣли: дереву, или большому камню. Но вотъ они отстали одинъ отъ другаго и находятся на разныхъ разстояніяхъ. Тотъ, который сначала остался сзади

(*) При осадѣ Месолонги (а) египетскимъ войскомъ, Ибрагимъ паша съ удивленіемъ смотрѣлъ на выходящихъ изъ той крѣпости Суліотовъ, Паргійцевъ и другихъ эпирскихъ и ѳессалійскихъ воиновъ, оставляющихъ за собою его рвы и батареи, подобно летающимъ орламъ. Однажды во время сраженія, этотъ паша обратился къ своимъ тѣлохранителямъ, указывая на удалыхъ месолонгійскихъ ратниковъ. Одинъ изъ его стражи, надѣясь угодить своему пашѣ, громко закричалъ, что: голодь (b) заставляетъ гяуровъ, такъ ловко прыгать. Паша, не сказавъ ему ни слова въ отвѣтъ, приказалъ не давать ему ѣсть въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ, а на другой день велѣлъ ему, въ его присутствіи, показать первые свои успѣхи въ удалствѣ и ловкости въ прыганіи послѣ голода; но Египтянинъ, сдѣлавшись еще слабѣе, принужденъ былъ признаться въ своемъ заблужденіи и просить прощенія у своего паши.

(а) Неправильно пишутъ названіе этого города — крѣпости: Мисулонги. Греки называютъ его *Μεσολόγγι*. Этимологія этого имени отъ *μέσον* и *λόγγος*, т. е. посреди лѣсу.

(b) И въ самомъ дѣлѣ въ крѣпости Месолонги терпѣли большой недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ.

всѣхъ, вдругъ всѣхъ перегналъ и достигнулъ цѣли; старики - зрители кричатъ ему: *γαῖά σου πλληγκαρά*, (браво молодцу), и эта похвала юному сердцу дороже всѣхъ олимпійскихъ вѣнковъ. Игра эта называется: *Παρατρέξιμο* (*παρατρέχο*).

Посмотримъ еще на другую группу. Вотъ двое соперниковъ; они крѣпко держутся и сцѣпившись членами, стоятъ подобно недвижимому изваянію. Кажется, они истощили всѣ силы свои въ этой борьбѣ, а все-таки никто изъ нихъ не падаетъ; но вдругъ одинъ свалился; подумаешь, что борьба кончилась, однакожь упавшій крѣпко держится грудью на землѣ; противникъ всѣми силами старается повернуть его спиною, потому-что тогда лишь упавшаго назовутъ побѣжденнымъ (это говорится по-гречески: *ὡσεὶ γὰρ φάγ' ἢ ῥάχη του χᾶμα*); кажется, онъ скоро его перевернетъ, но вдругъ лежащій грудью на землѣ, быстро перевернувшись, съ необыкновенною ловкостію въ мгновение низвергаетъ противника своего спиною на землю, — и вотъ побѣдитель крѣпко его держитъ въ этомъ положеніи, чтобы показать всѣмъ свою побѣду. Игра эта называется: *Πάλευμα*, и есть та же самая, что у древнихъ: *ἡ Πάλη*.

Тамъ далѣе состязаются въ какой-то другой игрѣ: одинъ держитъ довольно-большой камень (*)

(*) Величина этаго камня соразмѣрна съ силою и лѣтами состязающихся въ этой игрѣ, а форма его кругловатая.

на ладони правой руки горизонтально; съ назначенной черты сильнымъ размахомъ бросаетъ этотъ камень въ даль; на томъ мѣстѣ, гдѣ камень упалъ, ставятъ знакъ. За нимъ этотъ же самый камень бросаетъ другой такимъ же образомъ, и продолжаютъ его бросать всѣ до послѣдняго. Кто дальше всѣхъ его кинулъ, тотъ перестаетъ на-время играть, а прочіе стараются кинуть этотъ камень дальше той черты, до которой отличившійся добросилъ его. Игра эта называется: *τὸ Λιθάρι*, она есть та же самая, что у древнихъ: *ὁ Δίσκος* (дискъ).

Въ большомъ разстояніи отъ этихъ группъ можно представить себѣ еще двѣ небольшія партіи изъ молодыхъ Эллиновъ, отдѣленныхъ значительнымъ пространствомъ; на занятыхъ ими позиціяхъ растутъ разсыянно старыя масличныя деревья; обѣ партіи, замѣтно, собираются къ какому-то серьезному дѣлу; поснѣшно они собираютъ около себя камни; у каждаго праща (*) въ рукѣ; они уже зарядили

(*) Пращи эти составляются слѣдующимъ образомъ: ихъ плетутъ изъ льна, длиною въ два аршина, шириною въ два пальца, а иногда и болѣе; начиная ее плести, съ одного конца дѣлаютъ маленькую петлю, чтобъ въ нее продѣвать указательный палецъ; потомъ плетеніе идетъ ровное, безъ малаго до половины сказанной величины, а тамъ вдругъ вдвое и болѣе расширяютъ ее съ углубленіемъ, такъ-что формируется что-то въ видѣ плоской чашечки, въ которую кладется камень, и съ этой, такъ названной, чашечки продолжается другая половина пращи такимъ же образомъ, а подъ конецъ плетутъ шелкомъ, и постепенно суживая пращу, оканчиваютъ ее въ видѣ шелковаго шнура.

ее камнемъ; каждый продѣваетъ указательный палецъ въ петлю своей пращи. Раздался крикъ: *κτυπᾶτε* — и камни съ обѣихъ сторонъ летятъ градомъ. Соперники часто ранятъ другъ друга при этомъ; но смертельные случаи бываютъ весьма рѣдки; масляныя деревья служатъ имъ нѣкоторою защитою. Игра эта называется: *Πετροπόλεμος*.

Арматолосы, или иначе Клефты, преимущественно упражняются въ играхъ: скачкѣ, борьбѣ, метаніи диска, бѣганіи и стрѣлянн въ цѣль (*Σημάδι*, что замѣняетъ *Ἀκόντισμα* игру древнихъ, метаніе копьемъ), у нихъ и женщины отличаются въ этой послѣдней игрѣ особенною ловкостію, подобно древнимъ Спартанкамъ, искуснымъ въ метаніи копьемъ. Онѣ также участвуютъ и на войнѣ; изъ нихъ нѣкоторыя пріобрѣли извѣстность воинскими подвигами, напримѣръ: *Μόβχω*, *Χαΐδα*, *Σόφω*, *Βουβλίνα*, *Διαμάντω*. Я не буду повторять здѣсь подвиговъ греческихъ героинь въ послѣдней восьмилѣтней греческой войнѣ (*ὑπὲρ πίσεως καὶ πατρίδος*); они давно уже сдѣлались извѣстными просвѣщенной Европѣ.

Пращеносецъ, положивъ камень въ чашечку пращи, продѣваетъ указательный палецъ въ петлю, а шнурокъ держитъ между указательнымъ и среднимъ пальцами. Такимъ образомъ, держа эти два конца пращи, начинаетъ ее вертѣть такъ скоро, что чашечка съ камнемъ представляетъ зрѣнію кругъ, центромъ котораго кулакъ пращеносца. При этомъ сильномъ вертѣнніи, прицѣлившись, онъ выпускаетъ шнурокъ: камень летитъ по данному направленію съ сильнымъ шумомъ, который происходитъ отъ шелковаго шнура.

Бросивъ бѣглый взглядъ на главнѣйшія народныя игры, или тѣлесныя упражненія нынѣшнихъ Эллиновъ, мы ясно видимъ, что пентаѡлъ древнихъ Эллиновъ вполне сохранился; одного только мы здѣсь не находимъ: того торжественнаго порядка, который наблюдался въ играхъ древнихъ Грековъ. Это зависитъ отъ политической жизни народа и отъ духа времени. Впрочемъ, и при нынѣшнемъ состояніи Греціи, стоитъ только греческому правительству оживить эти народныя игры, — и тогда не замедлятъ явиться на поляхъ той же Эллады атлеты, едва ли уступающіе атлетамъ золотыхъ временъ Греціи (*).

V. Въ этихъ народныхъ произведеніяхъ замѣтны и слѣды міеологіи: Харонъ является въ четырехъ разныхъ картинахъ: то онъ мечетъ стрѣлы на свою жертву (**), и вѣстниками ему служатъ птицы;

(*) Греческій полководецъ Одиссей, ознаменовавшій себя воинскими подвигами въ послѣдней греческой войнѣ противу Турковъ однажды держалъ пари съ кровожаднымъ Али-пашею Янинскимъ. Пари состоялъ въ томъ: кто кого перегонитъ, паша ли верхомъ на конѣ, или Одиссей пѣшій. Хотя Одиссей славился скоростію и легкостію въ бѣганіи, но въ побѣдѣ пѣшаго противъ коннаго нельзя было не сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что турецкіе кони отличаются быстротою; однакожъ, не смотря на то и на опытность всадника пѣшій Одиссей перегналъ коннаго пашу и заставилъ удивиться своихъ зрителей, которые и понынѣ съ изумленіемъ рассказываютъ его побѣду надъ пашею, у котораго онъ выигралъ цѣлое вооруженіе, т. е. пару пистолетовъ, ружье, саблю съ дорогою оправою и прочими принадлежностями.

(**) См. пѣснь: *Любовь за могилой*.

то онъ выходитъ на поединокъ съ храбрецомъ (*),
 нося волосы солнца, а глаза молнии; то онъ вер-
 хомъ на конѣ, обремененный своими жертвами (**).
 Еще является Харонъ хранителемъ ключей ада (***);
 ему приписываютъ также храненіе какого-то стран-
 наго ключа, общаго, отворяющаго всѣ могильные
 камни (*τῆς πλάκας τ' ἀντικλειῖδι*). *Ἡ Μοῖρα* нынѣшнихъ
 Эллиновъ суть древнія парки. Вотъ какія имена
 даютъ имъ нынѣ: *ἡ Μοῖρα*, *ἡ Τύχη*, *τὸ Ροιζικό*, (у
 древнихъ: *ἡ Κλωθώ*, *ἡ Λάχεσις*, *ἡ Ἄτροπος*). Въ помѣ-
 щаемой здѣсь сказкѣ онѣ являются въ третій день
 по рожденіи младенца опредѣлить его судьбу. Гре-
 чанки въ тотъ день приготавливаютъ для нихъ осо-
 бенный хлѣбъ съ медомъ, который онѣ называютъ:
παυανόπηττα, и закупаютъ для нихъ же лучшаго
 винограднаго вина, стараясь какъ можно болѣе имъ
 угодить и приласкать ихъ. И въ народныхъ по-
 словицахъ встрѣчается Харонъ, какъ напр.: *Κόσμος*
ψεύτης, *Χάρος κλέφτης*, т. е. *Миръ временный*, и *Ха-*
ронъ-похититель (****), и въ проклятіяхъ: *ποῦ νὰ*
τὸν πὰρ ὁ Χάρος, *чтобъ его Харонъ унесъ*, или: *ποῦ*
νὰ τὸν φάγη ὁ Χάρος, *чтобы его Харонъ пожралъ*,
 и въ сравненіяхъ: *μαῦρος ὡς ὁ Χάρος*, *черный, какъ*
самъ Харонъ, *στέκεται ἕς τὸ προβάφαλό μου ὡς ὁ Χάρος*,

(*) См. пѣснь: *Единоборство героя Дигениса съ Харономъ*.

(**) См. пѣснь: *Въсти изъ ада*.

(***) См. пѣснь: *Бѣгство изъ ада*.

(****) Пословица гласитъ о суетѣ сего міра.

стоитъ у изголовья моего, подобно Харону. *Ἀνεράϊδες* нынѣшнихъ Эллиновъ суть древнія *Νηρηΐδες* (Водяныя нимфы); имъ приписываютъ различныя похождения во время полудня и полуночи. *Δράκονι* (*) суть тоже самое, что у древнихъ *Γίγαντες*. великаны, — исполины. Замѣчательно, что въ сказкахъ нынѣшнихъ Эллиновъ являются они различной величины и числомъ почти всегда сорокъ. Самые большіе изъ нихъ ногами упираются о-земь, а руками касаются неба. Сохранились также до нынѣшнихъ временъ преданія объ Ахеронтѣ (**) и о Тартарѣ (***)).

Различныя картины Харона обращаютъ вниманіе на себя, именно тѣмъ, что древніе Эллины приписывали Харону одно занятіе: перевозъ душъ черезъ Ахеронтъ. Однакожъ нельзя думать, что эти мифологическія понятія суть новыя, принадлежащія только нынѣшнимъ Эллинамъ. Во-первыхъ, мифологія была сильно преслѣдуема христіанскою религіею и, слѣдовательно, исчезая, не могла въ одно время дѣлать новыхъ успѣховъ, это было бы противъ естественнаго порядка вещей. Во-вторыхъ, мы не въ правѣ почитать не древнегреческимъ всего того,

---

(*) Объ *Δράκονι* или объ исполинахъ у нынѣшнихъ Эллиновъ есть презанимательная сказка, которую я намѣренъ издать въ скоромъ времени. Въ ней замѣтны нѣкоторыя оттѣнки скандинавской мифологіи.

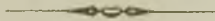
(**) См. пѣснь: *Адская рѣка*.

(***) См. пѣснь: *Мирологъ изъ ада*.

что носить на себя отпечатокъ греческій, потому только единственно, что не вошло оно въ дошедшія до насъ творенія Грековъ. Чтобы отказаться отъ этаго мнѣнія, стоитъ только задать себѣ слѣдующіе два вопроса: 1-й) всѣ ли творенія древнихъ дошли до насъ? 2-й) Вся ли народность древнихъ вошла въ ихъ творенія?

Наконецъ, въ этихъ народныхъ произведеніяхъ, какъ бы въ живой картинѣ, отражается характеръ народа: геройскій духъ, благородная гордость, любовь къ отечеству, нѣжная любовь родительская, вѣрность супружеская, живость въ веселіи, горячее, живое и долгое воспоминаніе о замогильныхъ родственникахъ и друзьяхъ. Современный Эллинь является намъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ передъ святостію Православной своей Вѣры, но онъ любитъ и свою волшебную миѳологію; она отнюдь не прикасается святости его религіи, она лишь забавляетъ его и сохранилась болѣе или менѣе въ памяти народа, какъ отпечатокъ, положенный въ немъ его незабвенными предками.

Г. Эвлампиосъ.

Слѣдующую пѣсню я получилъ недавно изъ Греціи, и потому не успѣлъ помѣстить ее на ряду съ прочими пѣснями. Эта пѣсня принадлежитъ также къ произведеніямъ народной поэзіи; она замѣчательна не только какъ пѣсня - *мирологъ*, но и потому, что ясно въ ней упоминается о мифологической рѣкѣ *Летъ* (*ἡ Λήθη*), которой воды имѣли силу забвенія. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно весьма дорого для историка, изслѣдователя происхожденія народовъ.

ΤΑ ΔΑΚΡΥΑ ΤΗΣ ΧΗΡΑΣ.

Ἐμέ μου πρόπον κλάματα,
δάκρυα καὶ μυριολόγια.
Νὰ κλαίω τὸ βράδυ σιγανὰ,
καὶ τὴν αὐγὴ γεμάτα,
Κὶ αὐτοῦ ἔς τὰ ξημερώματα
νὰ σέβρω μυριολόγι.
«Κλάψετε, μάτια μί, κλάψετε,
νὰ σύρετε ποτάμι,
Νὰ γένη λίμνη καὶ γιᾶλος,
νὰ πάγη ἔς τὸν κάτω κόσμο,
Γιὰ νὰ βραχοῦν οἱ ἄβροχοι,
νὰ πιοῦν οἱ διψασμένοι,
Νὰ βύλουν καὶ οἱ γραμματικοὶ
νερὸ ἔς τὸ καλαμάρι,
Νὰ γράφουνε τὰ βάσινα
τῶν πόλυαγαπημένων,
Ἐποῦ περνοῦν τὸν Ποταμὸ,
καὶ πίνουν τὸ νερό του,
Καὶ λησμονοῦν τὰ σπῆτια τους —
τὰ ὄρφανὰ παιδιὰ τους . . . .»

СЛЕЗЫ ВДОВЫ.

Мнѣ слезы! мнѣ вопли! . . .
Мнѣ *мирологи* пѣть!
Мнѣ вечернею порою
Плакать слѣдуетъ безъ шуму;
Мнѣ утромъ до разсвѣта
Сильно плакать достается.
А зоринька какъ займетъся,
Затяну я *мирологъ* :
«Охъ! глаза вы мои, плачьте!
Охъ! рѣкою, слезы, лейтесь.
Слезы, въ озеро обратитесь,
И въ море, и въ широкое;
Море, быстро лейся — лейся
До другаго-міра — до нижняго,
Тамъ горящихъ освѣжи,
Жажду сильну утоли;
А ученымъ грамотеямъ
Ты черпило замѣни.
Тобою страданія напишутъ
Нашихъ дорогихъ мужей.
Увы! насъ они уже забыли,
Съ-тѣхъ - поръ какъ переплыли
Мрачну — адскую рѣку!
Горькой изъ нея воды напившись,
Не только насъ уже забыли,
Но и домъ — своихъ сиротъ . . . »

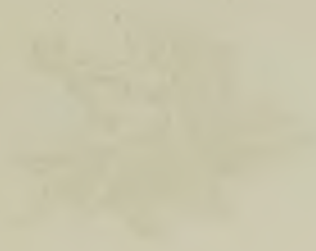
ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΑΙΔΑΥΟΤΑΥΤ

ΥΠΟΦΩΡΑ ΚΑΙ ΥΠΟΦΩΡΑΙΔ

ЧАСТЬ I.

ΠΡΩΤΟ ΤΥΠΟΝ ΕΚΔΕΥΣΑΝ ΤΟΙΣ ΕΤΕΡΟΙΣ
ΕΤΕΡΟΙΣ ΕΤΕΡΟΙΣ ΕΤΕΡΟΙΣ

ΕΤΕΡΟΙΣ ΕΤΕΡΟΙΣ ΕΤΕΡΟΙΣ

ΤΡΑΓΟΥΔΙΑ

ΔΙΑΦΟΡΩΝ ΚΛΑΣΕΩΝ

Ὅπου 'ν' ἀπ' ὄξ' ἀπ' τὸ χορὸ
Πολλὰ τραγούδια ξίρει.

Παροιμία τῶν νεωτ. Ἑλλ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

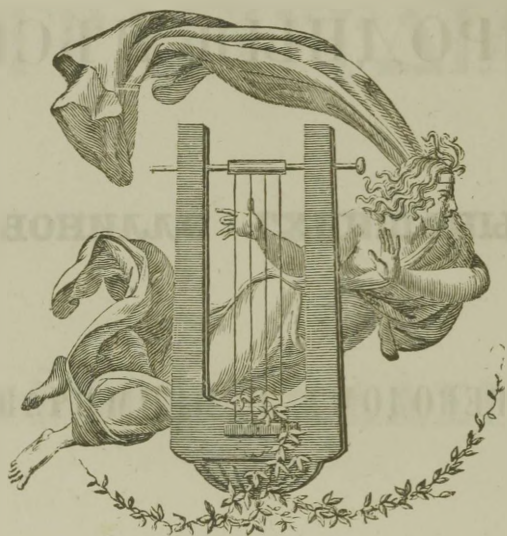
НЫНѢШНИХЪ ЭЛЛИНОВЪ

СЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ.

Не участвующій въ пляскѣ,
Много пѣсней знаетъ.

Греческая пословица. (См. II прим. XIX пѣсни).

A.

ΦΥΓΑΛΕΣ ΑΠΟ ΤΟΝ ΑΔΗ.

Τρεῖς ἀνδρειωμέν' ἐβούλιοντο νὰ βγοῦν ἀπὸ τὸν ἄδη,
Κλέψτουν τοῦ Χίρον τὰ κλειδιά, τῆς πλάκας τ' ἀντικλείδι·
Μιά λίγερη τ'ς ἀντίκρισεν ἀπὸ τὸν ἄδη μέσα.
« Ἄγουρ, αὐτοῦ ποῦ βούλεισθε νὰ βγῆτ' ἀπὸ τὸν ἄδη,
Ἐπαρτε με κ' ἐμε τὴν νιὰν εἰς τὸν ἀπάνω κόσμον,
Ὅπ' ἄφησα μικρὸ παιδί, μικρὸ 'ς τὴ σαρμανίτσα.
Τὴν νύχτι κλαίει γιὰ βυζὶ, τ' ἀποταχνὰ γιὰ μίμμα,

I.

БѢГСТВО ИЗЪ АДА.

Какъ храбрые три силача убѣжать собралися изъ ада,
Украли ключи у Харона, и ключъ отъ всѣхъ камней мо-
гильныхъ:

Завидѣла тутъ ихъ изъ ада красотка одна молодая.
«Удалые братцы! куда вы изъ ада уйти собралися?
Возьмите съ собой и меня, молодую, на верхній тотъ свѣтъ:
Оставила я своё дитячко тамъ, — въ колыбели младенца.
Какъ ночь настаеть, то всё плачетъ оно — груди матерней
просить;

Κὶ αὐτοῦ ἔς τὸ γύρισμα τῆς ἡμερῆς, κλαίει γιὰ τὸ σεργιάνι. »
— Κόρη, τρίζουν τὰ ροῦχά σου, κὶ ἀξοφάρτουν τὰ μαλλιά σου,
Χτυποῦν τὰ χρυσοκάλιγα, καὶ μᾶς ἀκοῦει ὁ Χάρος. —
« Ἐγὼ τὰ ροῦχ' ἀφίνω τα, καὶ τὰ μαλλιά μου κόφτω
Ἐγὼ τὰ χρυσοκάλιγα ἔς τὸν ἄδη τὰ παριάζω. »

В.

ΟΙ ΓΟΝΕΙΣ ΠΡΟΣ ΤΗΝ ΘΥΓΑΤΕΡΑ.

« Κόρη μ', αὐτοῦ ποῦ βούλεισαι
Νὰ καταιβῆς ἔς τὸν ἄδη,
Αὐτοῦ πέτεινας δὲ (ν λαλεῖ (*)),
Κότα δὲν καρκαριέται. »

(*) Скопка отдѣляетъ непрониосимую букву ν, которая хотя вообще выпущена, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ допускается для большей ясности. (См. Ч. II примѣч. къ 1-й главѣ сказки).

Какъ солнышко всходитъ, опять оно плачетъ и маму
зовётъ :

Склоняется солнышко, плачетъ опять — погулять оно
просить!»

— Красавица, нѣтъ! шелестить твое платье, блестятъ
волоса,

Стучать каблочки золотые: насъ тотчасъ услышитъ Ха-
ронъ! —

«Я, братцы, одѣжу оставлю и волосы я остригу,
Сапожки свои золотые въ адъ брошу!» (*)

II.

РОДИТЕЛИ КЪ ДОЧЕРИ.

«Милая дочь, тамъ, куда ты готова сойти ужь,
Въ подземномъ томъ царствѣ,
Не запоетъ тебѣ пѣтель
И курочка не закудахчетъ.

(*) *Примѣчаніе.* Въ этой пѣснѣ народный поэтъ изображаетъ рѣзкою чертою любовь матери, ставитъ её выше всѣхъ мірскихъ ея желаній. Всѣ привязанности земныя уже умолкли въ ея груди; адъ поглотилъ всё; одна любовь къ дитяти пережила всѣ земныя чувства; она горитъ въ сердцѣ матери и за предѣлами гроба. Храбрецы, собирающіеся бѣжать изъ ада, ничего не отвѣчаютъ на рѣшительныя мѣры красавицы, склонявшей ихъ взять её съ собою изъ ада на свѣтъ. Молчаніе это со стороны ихъ тѣмъ трогательнѣе и горестнѣе для присутствующихъ при пѣніи *Миролога*, что представляетъ имъ невозможность воротиться изъ ада

Αὐτοῦ νερὸ δέ(ν) ἔβρισκεται,
Χορτάρι δέ(ν) φυτρώνει.
Ἵοντας πεινᾶς, δέ(ν) γείεσαι,
Ἵοντας διψᾶς, δέν πίνεις,
Κὶ ὄντας θέλης νὰ κοιμηθῆς,
Τὸν ὕπνο δέ(ν) χορταίνεις.
Κάθου, κόρη, ἔς τὸ σπῆτί σου,
Κάθου ἔς τὰ γονικά σου.»
— Δέν ἤμπορῶ, πατέρα μου,
Μητέρ ἀγαπημένη
Ἐγὼ ἐψές πανδρεύθηκα,
Ἐψές ἀργὰ τὸ βράδυ.
Ὁ ἀδης εἶν' ὁ ἄνδρας μου,
Ἡ πλάκα ἡ πεθερά μου. —

Γ.

ΕΙΛΗΣΑΙΣ ΑΠΟ ΤΟΝ ΑΔΗ.

Ἐνα πουλιάκ' ἐξέβγαίνειν ἀπὸ τὸν κάτω κόσμον
Εἶχε τὰ νύχια κόκκινα, καὶ τὰ φτερά του μαῦρα
Τὰ νύχια ἀπὸ τὰ αἵματα, καὶ τὰ φτερὰ ἀπ' τὸ χῶμα.

Тамъ не журчить и вода ключевая
И не растётъ тамъ трава шелковая;
Голодь пробудится, —
Нечёмъ его тамъ тебѣ утолить,
Жажду почувствуешь, —
Нечего будетъ напиться,
Спать ты захочешь —
И сна тамъ вкушать ты не будешь.
Дома останься, дочь милая,
Въ этомъ родимомъ жилищѣ.»
— Охъ! не могу я, родимые;
Стала вчера я замужней,
Вечеромъ поздно вчера
Адъ сталъ мужемъ моимъ;
Камень могильный
Мнѣ сдѣлался свѣтромъ. —

III.

ВѢСТИ ИЗЪ АДА.

Вотъ изъ подземнаго свѣта явилася птица:
Красные когти у ней, перья черны еѣ покрываютъ:
Красные когти отъ крови, а черныя перья отъ черной земли.

Τρέχουν μαννᾶδες γιὰ νὰ ἰδοῦν, κ' ἡ ἀδελφαῖς νὰ μάθουν,
Γυναῖκες τῶν καλῶν ἀνδρῶν νὰ πάρουν τὴν ἀλήθεια.

Ἡ μάνα πάγει ζάχαρι, κ' ἡ ἀδελφὴ τὸ μόσχο,
Γυναῖκες τῶν καλῶν ἀνδρῶν — ἀμάραντο 'ς τὰ χέρια.

«Φάγε, πουλι, τὸ ζάχαρι, καὶ πιε κι' ἀπὸ τὸ μόσχο,
Μυρίσου τὸν ἀμάραντο, γιὰ νὰ μᾶς 'μολογήσῃς.»

— Καυμέναις! τί εἶδα γὰ, καὶ τί νὰ πῶ, καὶ τί νὰ 'μολογήσω!

Εἶδα τὸ Χάρο κ' ἔτρεχε 'ς τοὺς κάμπους καβαλλάρης·

Σέρνει τοὺς μῖους ἀπ' τὰ μαλλιά, τοὺς γέρους ἀπ' τὰ χέρια,

Φέρνει καὶ τὰ μικρὰ παιδιὰ 'ς τὴ σέλλ' ἀρμυθιασμένα. —

Δ.

Ο ΠΟΘΑΜΜΕΝΟΣ ΠΡΟΣ ΤΟΥΣ ΖΩΝΤΑΝΟΥΣ.

«Σὺν τί με τριγυρίζετε

Ὅλαις ἢ πονεμέναις;

Μὴν ἀπ' τὸν ἄδην ἦλθα γὰ;

Μὴν ἀπ' τὸν κάτω κόσμο;

Ἐγὼ τώρα συντάζομαι,

Καὶ τώρα θε νὰ πάγω.

Ὅπ' ὄχει λόγ', ἄς τὸν εἰπῇ,

Καὶ μήνυμ', ἄς μηνύσῃ.

Ἢ' ὄχει πολὺ παράπονο,

Ἄς κάμῃ γραφὴν νὰ στείλῃ.»

Матери, сестры сбѣгаются, видѣть её всѣ желая,
Добрыхъ мужей бѣгутъ жены, чтобъ правду отъ птицы
узнать.

Мать сахаръ, сестры же мускусь для птички несутъ;
Жены же добрыхъ мужей, ей изъ рукъ амарантъ предлагаютъ.
«Бшь, птичка, сахаръ и мускусь ты пей,
И обоняй амарантъ, но открой намъ чудесныя вѣсти!»
— Бѣдные! что я видѣла, и что мнѣ сказать и открыть вамъ!
Зрѣла Харона, — скакалъ по полямъ онъ верхомъ на конѣ;
За волосъ юношей, за руки старцевъ влачилъ онъ,
Милыхъ малютокъ себѣ на сѣдло онъ тму — тму нацѣпилъ. —

IV.

ПОКОЙНИКЪ КЪ ЖИВЫМЪ.

«Зачѣмъ окружили меня вы, скорбящія жены?
Я развѣ изъ ада пришелъ, иль съ подземнаго свѣта?
Я только теперь лишь туда собираюсь,
Теперь лишь туда я намѣренъ идти.
Кто хочетъ послать чрезъ меня свое слово туда,
Пусть дастъ мнѣ свое порученье;
А много кручины въ душѣ у кого,
Пусть тотъ посылаетъ со мною письмо.»

Ε.

ΜΥΡΙΑΛΟΓΙ 'Σ ΤΟΝ ΑΔΗ.

Κάτω 'ς τὰ Τάρταρα τῆς γῆς,
Κάτω, 'ς τὸν κάτω κόσμον,
Μυριολογοῦν ἢ λίγεις,
Καὶ κλαῖν' τὰ παλληκάρια.
Σὰν τί εἶν τὸ μυριολόγι τους;
Σὰν τί εἶν τὸ κλαύσιμό τους; —
«Τάχα νὰ ζέκ' ὁ οὐρανός;
«Νὰ ζέκ' ὁ 'πά ω κόσμος;
«Νὰ ζέκονται ἢ ἐκκλησιαῖς
«Μὲ τῆς χρυσαῖς εἰκόνας;
«Νὰ ζέκονται οἱ ἐργαλειοὶ,
«Ποῦ ὑφαίνουν ἢ κυράδαις.»

МИРОЛОГЪ ИЗЪ АДА.

Внизу — въ жилищахъ ада,
 Внизу — въ подземномъ свѣтѣ,
 Поютъ свой *Миріологъ*
 Красавицы младыя;
 Ихъ пѣснѣ со слезами
 Всѣ юноши внимаютъ.
 Но что за *Миріологъ*,
 При коемъ слезы льются? --
 «*Стоитъ ли твердь небесна?*
Стоитъ ли верхній свѣтъ?
Стоитъ ли рядъ церквей,
Иконъ святынею блистая?
И ткацкіе станки,
Гдѣ наши ткуть хозяйки,
Стоятъ ли такъ, какъ прежде? (*).

(*) Послѣдніе два стиха этаго *Миролога* напоминаютъ намъ Пенелопу — супругу Улисса, которая не почитала униженіемъ своего достоинства тканіе и дала обѣщаніе тогда избрать въ супруги одного изъ ея обожателей, когда

ΣΤ'.

Ο ΠΟΤΑΜΟΣ ΤΩΝ ΝΕΚΡΩΝ.

Ἀπόψε τί μ' ἐπόνεσε τή(ν) μαίρη(ν) ἢ καρδιά μου!
 Κ' ἐξύπνησα, κ' ἐρώταα τη(ν), πάλι ξαναρωτῶ τη(ν)
 «Καρδιά μου! τί ἔχεις καὶ πονεῖς καὶ βαρυνασθενάζεις;
 Ἐσὺ βαρέμι δέ(ν) βαζᾶς, βουνὸ δὲν ἀναβαίνεις.»
 — Κάλλιο ν' ἀνέβαινα βουνὸ, βολύμι φορτωμένη,
 Παρὰ τὸ θαῦμα ποῦ εἶδα γὰρ, ἐφές ἀργὰ τὸ βράδυ.
 Δὺ ἀδέλφια σέ(ν) ὁ ποταμὸς, μὲ τὸ φιλὶ πλεγμένα,
 Κ' ἕνας τὸν ἄλλον ἔλεγε, κ' ἕνας τὸν ἄλλο λέγει
 Βά(ς), ἀδελφέ μου, βά(ς) με, νὰ μὴ ἀποχωρισθοῦμε
 Ἀνίσως καὶ χωρίσωμε, δέ(ν) μετασμίγομ' ἄλλο. —

окончить свою ткань. Замѣчательно, что, по истеченіи тысячелѣтій, это занятіе составляет благородное рукодѣліе и нынѣшнихъ Гречанокъ. Это есть одно изъ множества доказательствъ того, что въ самой домашней жизни нынѣшнихъ Элливовъ сохранились древнѣйшія черты временъ Гомеровыхъ.

АДСКАЯ РѢКА.

Какъ сильно вчера заболѣло въ ночи мое бѣдное сердце!
Я въ страхъ проснулась — и сердцу вопросъ мой я такъ по-
вторяла:
«Что сердце съ тобою, зачѣмъ ты болншь и такъ тяжко
вдыхаешь?
Какъ - будто бы съ ношей свинцовой на гору высокую
всходишь!»
— Ахъ! лучше бъ съ тяжелой свинцовой ношей всходить мнѣ
на гору,
Чѣмъ видѣть то чудо, что видѣло поздней вчера я порою.
Двухъ братьевъ, сплетенныхъ лобзаньемъ, теченье рѣки (*)
увлекало,
И каждый изъ нихъ говорилъ, говоритъ изъ нихъ каждый
другому:
Держись за меня, братъ, держись, чтобы намъ не отстать
другъ отъ друга,
Разставшись однажды, ужъ мы никогда не увидимся снова.—

(*) Этотъ стихъ показываетъ, что въ народныхъ произведеніяхъ новыхъ Эллинговъ сохранились преданія объ Ахеронтѣ.

ΓΑΜΟΣ 'Σ ΤΟΝ ΑΔΗ.

Ἡ μάνα μου κάνει χαρὰ, κάνει τοῦ υἱοῦ μου γάμο.
Πάγει 'ς τῆς βρύσαις γιὰ νερὸ, καὶ 'ς τὰ βουνὰ γιὰ χιόνι,
Καὶ 'ς τῆς περιβολάρισσας γιὰ μῆλο γιὰ κυδῶνι.
« Δόσμοντε, βρύσαις, κρυὸ νερὸ, καὶ σεῖς, βουνὰ, τὸ χιόνι,
Καὶ σεῖς, περιβολάρισσας, τὸ μῆλο τὸ κυδῶνι.
Ἐμένα φίλος μ' ὄρχεται ἀπ' τὸν ἀπάνω κόσμο
Οὐδ' ἀπ' τὰ ξένα μ' ὄρχεται, οὐδ' ἀπ' τὸ ξένον κόσμο,
Μόν' εἶναι τὸ παιδάκι μου, τὸ πόλυγαπημένο.»

VII.

П И Р Ъ
ВЪ ПОДЗЕМНОМЪ ЦАРСТВѢ (*).

Готовить ужь мать моя пирь, — брачный пирь для моего
сына,
Идетъ за водою къ ключамъ, а за снѣгомъ идетъ она въ горы.
И проситъ она у садовницъ кидоней (а) и яблоковъ зрѣлыхъ.
«Вы дайте холодной воды мнѣ, ключи, дайте снѣгу мнѣ, горы,
Кидоней и яблоковъ зрѣлыхъ, садовницы, дайте вы мнѣ.
Идетъ ко мнѣ гость, онъ пришелецъ изъ верхняго міра —
земнаго,
Не изъ чуждой идетъ онъ страны; онъ жилецъ намъ не
чуждаго міра,
Ахъ! родное дитя онъ мое, онъ мой милый, безцѣнный ма-
лютка».

(*) *Примѣчаніе.* Гречанка, лишившаяся уже прежде своей матери, поетъ этотъ *Мифологъ* своему умершему младенцу. Новость и оригинальность содержания поражаетъ читателя съ самыхъ первыхъ стиховъ пѣсни. Представьте себѣ картину: мать Гречанки, лишившейся своего дитяти, находясь въ царствѣ мертвыхъ, готовится угостить своего милаго внучка, идущаго къ ней въ гости въ міръ подземный. Приготовленія, какъ видно, серьезныя; она хочетъ приготовить пирь, неуступающій свадебному. Замѣчательно, что ширшество въ подземномъ царствѣ, по мысли народнаго поэта, имѣетъ цѣлю утолить жжду и освѣжиться; потому-то хозяйка подземнаго праздника заботится только о холодной водѣ, снѣгѣ и плодахъ, оставляя все прочее безъ вниманія:

«Вы дайте холодной воды мнѣ, ключи дайте снѣгу мнѣ, горы,
Кидоней и яблоковъ зрѣлыхъ, садовницы, дайте вы мнѣ.»

Последніе два стиха пѣсни особенно оригинальны и имѣютъ своимъ основаніемъ ту несомнѣнную истину, что міръ духовъ соединенъ тѣсными.

(а) Кидонь (*Κιδών*) плодъ Юга, называемый въ Россіи иностранными словами: *квитомъ* или *айса*, а потому я и оставилъ это слово непереверденнымъ.

Η΄.

Η ΝΕΟΧΗΡΕΤΜΕΝΗ.

Μία κόρη ν ἐτραγούδησεν ἀπ' ὠρο παραθύρι
Κι ὅσα καράβια τ' ἄκουσαν, ὄλ' ἀράζουν καὶ δένουν.
Κ' ἓνα καράβι τρομερὸ, καράβι τοῦ πολέμου,
Οὐδὲ μαζώνει τὰ πανιά, οὐτ' ἠθέλε ν' ἀράξη.
„Μάσε καράβι τὰ πανιά, μάσ' τα καὶ βάλ' τα κάτω,
„Ἐγὼ κι ἂν ἐτραγούδησα, σὲ μυριολόγι τὸ εἶπα.
“Ἐχω ν ἄνδρα κ' εἶν' ἀρρώσως, κ' εἶναι γιὰ νὰ παιδάνη.
“Ξαρρώσικὸ μου ἴγρευσε, νὰ φύγη γιὰ νὰ ἰάνη,
“Τ'ς ἀγριολαφίνας τ' ἄλειμμα, τ' ἀγριογιδιοῦ τὸ γάλα.
“Ὡσε ν' ἀναίβω σὲ βουνό, νὰ κατιβῶ 'ς τοὺς κάμπους,
“Νὰ φτιάσω ζροῦγγα καὶ μανδρὶ, νὰ πιᾶσω τῆ λαφίνα,
“Ἄνδρας μου ν ἐπανδρεύθηκε, κι ἄλλη γυναῖκα ἔπηρε.
“Ἦρε τὴν πλάκι πεθερὰ, τῆ μαιόρη γῆς γυναῖκα.»

хотя невидимыми, узамн съ міромъ живущихъ, что чувства дружбы и нѣж-
ной привязанности не погасаютъ вмѣстѣ съ земною жизнью, и что даже за
предѣлами гроба святой пламень родственной любви согреваетъ людей.
Выразимъ эту мысль словами знаменитаго англійскаго поэта Грея, такъ
удачно переданными въ русскомъ переводѣ:

“Душа, оставя міръ, друзейъ въ немъ видѣть лѣтится.
Глаза, смыкаяся, хотять ихъ зрѣть въ слезахъ,
Изъ гроба вознестись природы гласъ стремится
И прежнимъ пламенемъ горить еще нашъ прахъ.”

(Греева элегія на Сельское кладбище).

ГОРЕСТЬ ВДОВЫ.

Пѣла красавица, распѣвала она, у окошечка у прекраснаго,
Всѣ кораблики, пѣсню слушая, къ бережку пристають, при-
ворачиваютъ,
Лишь корабликъ одинъ, — то огромный былъ и военный
корабль, —
Своихъ парусовъ не спускаетъ онъ, къ бережку пристать не
хочетъ онъ.

«Собери же, корабль, свои парусы
И спусти ты ихъ внизъ на палубу,
Запѣла я, правда, пѣсенку,
Но та пѣсенка Мирологъ лишь мой:
*Лежитъ у меня муженёкъ мой больной .
Онъ близокъ уже къ часу смертному ;
Онъ проситъ у меня лекарства себѣ ,
Чтобъ отвѣдать его и выздороветь .
Проситъ жира себѣ отъ лани дикой онъ ,
Молока онъ проситъ отъ дикой козы .
Но пока же я на горы взошла ,
Пока на поля спустилась я ,
Пока я старалась засаду устроить ,
Чтобъ дикую лань ту поймать , —
Муженёкъ мой успѣлъ ужъ жениться давно ,
И взялъ за себя онъ другую жену :
Онъ камень надѣробный взялъ въ тѣщи себѣ ,
А черную землю — въ супруги.»*

Θ'.

ΦΩΝΗ ΑΠΟ ΤΟΝ ΤΑΦΟ.

«Τί ἔχεις, μνήμα, καὶ βογγᾶς καὶ βαρυνασενάζεις;
Μήπως τὸ χῶμα σὲ βαρεῖ, κ' ἡ πέτρα σου μεγάλη;»
— Μηδὲ τὸ χῶμα μὲ βαρεῖ, κ' ἡ πέτρα μου μεγάλη
Δὲν ἤρως τόπον νὰ διαβῆς, καὶ δρόμον νὰ περάσῃς,
Μόν' ἦλθες καὶ μὲ πάτησες ἀπάνω 'ς τὸ κεφάλι;
Τάχα δὲν ἤμουν κ' ἐγὼ νιός, δὲν ἤμουν παλληκάρι;
Τάχα δὲν ἐπερπάτησα τὴν νύκτα μὲ φεγγάρι,
Μὲ δέκα πιθαμαῖς σπαθί, μὲ μιὰν ὀργυιὰ τουφέκι;
Τάχα δὲν ἐπολέμησα σὰν ἄξιον παλληκάρι;
Τριάντα Τούρκους ἔσφαξα εἰς ἓνα μερονύκτι,
"Ἄλλους σαράντα λάβωσα 'ς τὸν πόλεμον ἀπάνω,
Καὶ τὸ σπαθί τσακίσθηκεν, ἔγεινε δυὸ κομμάτια,
Κ' ἓνας ἐχθρὸς τουρκόσκυλλος μὲ τ' ἄτι μὲ προφθάνει,
Τὸ γιγατάνι ἔβγαλε, κί ἀπάνω μου τὸ σύρει
Τὸ γιγατάνι ἐπίασα μὲ τὸ δεξιό μου χέρι,
Κ' ἔβγαλε τὴν πισόλα του, κί ἀπάνω μου ἀδειάζει,
'Σ τὸ χῶμα μὲ ἐξάπλωσεν, ἐδῶ ποῦ μὲ κυττάζεις·
Κλάψε με, φίλε, κλάψε με. . . . . —

IX.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ.

«Что воешь, могила? что стало съ тобою?
Что стонешь ты такъ тяжело?
Земля ли тебя тяготить, или камень громадою давить?»
— Нѣтъ, нѣтъ! меня не земля тяготить, камень громадою
не давить.
Не могъ ты прохода другаго найти, и пробраться другою
дорогой,
А прямо пошелъ, и мнѣ дерзко на голову такъ наступилъ!!
А развѣ и я не бывалъ молодымъ, не бывалъ удалымъ?
И развѣ при свѣтѣ луны я не ратовалъ такъ же,
Съ мечемъ въ десять пядень длины, и съ саженнымъ
ружьемъ?
Ужель удалцомъ я съ достойной отвагой не бился?
Я въ сутки одни тридцать Турокъ успѣлъ перерѣзать,
Да сорокъ другихъ переранилъ во время сраженья.
Мой мечъ изломался и на два отломка распалъ,
Какъ вдругъ одинъ Турокъ — собака, меня на конѣ догоняетъ,
Взмахнулъ онъ своимъ ятаганомъ, и съ нимъ на меня устре-
мился:
Когда же я правой рукою схватилъ ятаганъ,
Вдругъ вынулъ онъ свой пистолетъ, и далъ выстрѣлъ по
мнѣ,
И сбилъ меня на-земь на этомъ же мѣстѣ, гдѣ видишь
теперь;
Оплачь же хоть ты меня, другъ мой, оплачь!!! —

Ο ΤΑΦΟΣ ΤΟΥ ΚΛΕΦΤΗ.

Νὰ ξερα καὶ νὰ κάτεχα, τί μῆνα θὰ παιθάνω,
Σὲ τί ἐκκλησιὰ θὲ νὰ θαφτῶ, σὲ τί μνήμα με βάνουν!
Νὰ παίρῃ τὰ πελέκια μου, νὰ μβῶ σὲ περιβόλι,
Νὰ βρῶ τ' ἀφράτο μάρμαρο, νὰ κάμῃ ὠριὸ κιβοῦρι,
Νὰ ναι πλατὺ γιὰ τ' ἔρματα, μακρὸν γιὰ τὸ κοντάρι
Καὶ ἔς τὴ δεξιὰ μου τὴ μεριὰ νὰ κάμω παρωτήρι
Νὰ παίρῃ ἀγέρα τὴν αὐγὴ, δροσιὰ τὸ μεσημέρι,
Νὰ μβαινοβγαίνουν τὰ πουλιὰ, νὰ φέρουν τὰ μαντάτα,
Μαντάτ' ἀπὸ τὸ σπήτι μου, μαντάτ' ἀπ' τὰ παιδιὰ μου.

Х.

ГРОБЪ КЛЕФТА

О если бы зналъ я, да если бы вѣдалъ,
Въ которой я мѣсяць умру,
Въ какой меня церкви положить,
Въ могилѣ какой погребуть! —
Я взялъ бы съ собою весь нужный снарядъ,
И съ нимъ бы въ прекрасный отправился садъ,
И бѣлый нашелъ бы тамъ мраморъ,
И сдѣлалъ себѣ бы чудесный я гробъ,
Чтобъ былъ для доспѣховъ моихъ онъ широкъ,
Чтобы для копья моего онъ былъ длинень;
А съ праваго боку бы сдѣлалъ окно,
Чтобъ воздухъ по утру его наполнялъ бы,
А въ полдень живую прохладой дышалъ,
Чтобы пташки могли вылетать и влетать
И вѣсти ко мнѣ приносили,
Ко мнѣ приносили бы вѣсти изъ дома --
Вѣсти изъ дома о дѣтяхъ моихъ.

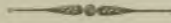
ΙΑ'.

ΕΡΩΤΑΣ 'Σ ΤΟΝ ΤΑΦΟ.

Ἡ Εὐγενοῦλα ἡ εὐμορφη καὶ ἡ μικροπανδρευμένη,
Ἐβγήκε καὶ ἐπαινεύθηκε — τὸ Χάρο δέ(ν φοβᾶται
Γιατ' ἔχει τοὺς ἐννὶ ἀδελφούς, τ' ἄξια τὰ παλληκάρια.
Κι ὁ Χάρος κάπου τ' ἀκουσε (κάποιο πουλί τοῦ τὸ εἶπε),
Καὶ ρίχνει τῆ σαῖτα του, καὶ τῆνε σούτενει
Κ' ἐμβαινοβγαίνουν οἱ ἱατροὶ, καὶ ἱατρευμὸ δὲν ἔχει
Κ' ἐμβαινοβγαίν' ἡ μάννα της, μὲ τὰ μαλλιά 'ς τὰ χέρια.
«Παιθαίνεις, Εὐγενοῦλα μου, καὶ τί μοῦ παραγγέλλεις;»
— Τί παραγγελιά 'χω ἐγώ, καὶ νὰ σοῦ παραγγείλω;
Μάννα, κι ἂν ἔλθ' ὁ Κωσαντᾶς, νὰ μὴν τότε πικράνης. —
Καὶ νὰ, κι ὁ Κῶσας 'π' ὄρχεται 'ς τοὺς κάμπους καβαλλάρης.
Φέρνει τὰ λάφια ζωντανά, τ' ἀγρίμια 'μερωμένα,
Φέρνει καὶ ἓνα λαφόπουλο 'ς τῆ σέλλα του δεμένο.
Βλέπει σαυρὸ 'ς τὴν πόρτα του, παπάδες 'ς τὴν αἰλή του.
Καὶ τοὺς διαβάταις ῥώτησε «τί ζέκοντ' οἱ παπάδες;»
— Ἡ Εὐγενιά σου πέθανε, καὶ πᾶνε νὰ τῆ θάψουν. —
Τὸ χρυσομάχαιρ' ἐβγαλεν ἀπ' τῆ χρυσῆ τῆ θήκη,
'Ψηλά — 'ψηλά τὸ σήκωσε, — καὶ 'ς τὴν καρδιά τ' ἐμβῆκε!
Ἐκεῖ ποῦ θάψανε τὸν νιόν, ἐβγήκε κυπαρίσσι
Κ' ἐκεῖ ποῦ θάψανε τὴν νιάν, ἐβγήκε κυλαμιᾶνας.

XI.

ЛЮБОВЬ ЗА МОГИЛОЙ.

Младая супруга краса — Евгенила,
 Хвалилась однажды, что будто она не страшится Харона:
 «Стоять за меня, вишь, братьевъ моихъ девять, героевъ
 могучихъ.»

Харонъ гдѣ-то это услышалъ (какая то птица сказала),
 Пустилъ въ неё тотчасъ стрѣлу, и смертельно онъ, бѣдную,
 ранилъ.

И вотъ лекаря къ ней ходили, лечили, — лечить отказались.
 Вотъ мать поминутно её павѣщаетъ, да волосы рветъ на себѣ.
 «Голубушка, ты умираешь, скажи хоть, что мнѣ поручаешь?»
 — Охъ, матушка, что порученье, и что мнѣ тебѣ поручить?
 Родимая, если придетъ мой Костасъ, его не печаль ты.

Но вотъ ужъ Костасъ показался, онъ ѣдетъ съ охоты верхомъ,
 Ведетъ онъ оленей живыхъ, ведетъ звѣрей дикихъ ручными,
 И связанъ лежитъ на седлѣ у него молодой олененокъ.
 Вотъ видитъ онъ крестъ у дверей, — дворъ священниковъ
 полонъ.

«Что значить, онъ спроситъ прохожихъ, вся эта духовныхъ
 толпа?»

— Твоя Евгенила скончалась; въ могилу её ужъ несутъ. —
 Тутъ вынулъ кинжалъ роковой изъ ноженъ съ золотою оправой,
 Высоко онъ имъ замахнулся: — кинжалъ ему сердце прон-
 зилъ!

Тамъ, гдѣ погребли удалаго, тамъ выросъ теперь кипарисъ;
 Тамъ, гдѣ схоронили красавицу — выросъ тростникъ.
 Бушуетъ владыка Борей — кипарисъ свои вѣтви склоняетъ;

Κὶ ὄντας φυσάει ὁ κῆρ βορεῶς — σκύφτει τὸ κυπαρίσσι·
Κὶ ὄντας φυσάει ὁ ζέφυρος—λυγίς ὁ καλαμιῶνας,
Λυγίς ὁ καλαμιῶνας — φιλεῖ τὸ κυπαρίσσι. (*)

IB'.

ΜΟΝΟΜΑΧΙΑ ΤΟΥ ΗΡΩΔΑ ΔΙΓΕΝΗ ΜΕ ΤΟ
ΧΑΡΟ.

Τρίτ' ἐγεννήθ' ὁ Διγενῆς, Τρίτη θὲ νὰ παιδάνη
Στέλνει, φέρνει τοὺς φίλους του, ὅλους τ'ς ἀνδρειωμένους·
Νὰ ῥθ' ὁ Μηνᾶς, ὁ Μανραῖλῆς, κὶ αὐτὸς ὁ υἱὸς τοῦ Δράκου.
Κ' ἐπῆγαν καὶ τὸν ἠῆραν εἰς τὸν κάμπο ξαπλωμένο.
Βογγαί — τρέμουν τὰ βουνά, βογγᾶ — τρέμουν οἱ κάμποι.
«Σὰν τί νὰ σ' ἦρε, Διγενῆ, καὶ θέλεις νὰ παιδάνης;»
— Ὅγδόντα χρόνους ἐζῆσα εἰς τὸν ἄπάνω κόσμον,
Κἀκεῖ δὲν ἐφοβήθηκα ἀπὸ τ'ς ἀνδρειωμένους·

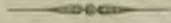
(*) *Примечание.* В этой пѣснѣ замѣчательно мифологическое лице Харонъ (см. въ предисловіи V статьи), который является ангеломъ смерти, бросающимъ стрѣлы въ свою жертву. Последняя картина этой пѣснѣ весьма оригинальна своею поэзіею: у могилы удалаго растетъ кипарисъ, а у могилы красавицы — тростникъ (*καλαμιῶνας*). Кто видѣлъ растущіи на Югѣ трост-

Лишь только повеет Зефиръ — и сгибается ивжннй
тростникъ,
Наклонится чуть лишь тростникъ — цѣлуеть его кипарисъ (*).

ХII.

ЕДИНОБОРСТВО ГЕРОЯ ДИГЕНИСА СЪ ХАРОНОМЪ.

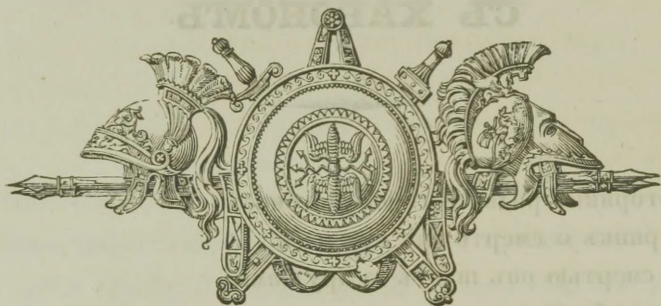

Во вторникъ родился герой Дигенисъ,
Во вторникъ и смерть ему суждена.
Предъ смертью онъ шлётъ за друзьями,
Могучими богатырями,
Чтобъ тотчасъ явились къ нему
Минасъ, Мавраилсъ и сынъ самъ Дракоса.
Отправились въ поле друзья, и его
Нашли на землѣ распростертымъ.
Чу! вотъ заревѣль онъ — колеблются горы,

никъ, или, вѣрнѣе сказать: *калацибонас*, тотъ вполне понимаетъ вѣрность и прелесть изображенной картины. Трость (*калаци*) гибкое растеніе, при малѣйшемъ дуновеніи Зефира вѣжно наклоняетъ свою маковку, какъ печальная красавица свою головку; ея дугообразные темнозеленые листья придаютъ этому растенію какую-то упылую красоту, пріятную замогильной красавицѣ.

Τώρα εἶδα ἄνα ξυπόλυτο καὶ λαμπροφορεμένο·
Φορεῖ τοῦ ἡλίου τὰ μαλλιά, τῆς ἀστραπῆς τὰ μάτια·
Με κράζει νὰ παλεύσωμε ἔς τὰ μαρμαρένι ἄλώνια·
Κι ὅποιος νικήσ᾽ ἀπὸ τοὺς δυό, νὰ παίρνῃ τὴ ψυχὴ του. —
Κ' ἐπῆγαν κ' ἐπαλεύσανε ἔς τὰ μαρμαρένι ἄλώνια.
Κι ὄθε κτυπάει ὁ Διγενῆς, τὸ αἶμ' αἰλάκι κάνει·
Κι ὄθε κτυπάει ὁ Χάρωντας, τὸ αἶμα τράφο κάνει. . . . . (*)

(*) *Примѣчаніе.* Эту пѣснь я почитаю древнѣе всѣхъ, доселѣ изданныхъ ново-эллинскихъ народныхъ пѣсней. Встрѣчаемая въ ней имена: Минасъ, Маврай.песъ и сынъ Дракоса, или исполина, носить на себѣ печать старивы и, можетъ быть, принадлежать довольно древнимъ героямъ, о которыхъ преданіе молчать, и самое имя Дигенисъ показываетъ древность этой пѣсни. Гомеръ часто жалуетъ своихъ героевъ прилагательнымъ *διογενής*; это имя

Ревѣтъ — и колеблются долы.
«Какое, Дигенисъ, пришло къ тебѣ горе,
Зачѣмъ умирать такъ собрался ты скоро?»
— Ужъ восемь десятковъ годовъ я убилъ,
Какъ тамъ, подъ луной, я свой кругъ совершилъ,
И въ жизни не зналъ я своей
Кого-либо трусить изъ богатырей;
А нынѣ босаго я зрѣлъ одного,
Въ блестящей одеждѣ, не знаю кого;
На немъ волоса, словно солнце сіяли,
А очи, какъ молнія, ярко сверкали.
Сказалъ онъ мнѣ: ну выходи! какова будетъ наша борьба;
Да станемъ на мраморномъ долѣ гумна,
И кто изъ двухъ насъ здѣсь кого побѣдитъ,
Тому побѣжденный пусть жизнь подаритъ. —
И вотъ на гумнѣ ужъ они появились,
И тотчасъ бороться схватились.
И тамъ, гдѣ Дигенисъ ударъ нанесетъ,
Кровь брызнетъ, и ровъ наполняетъ;
Тамъ, гдѣ-же Харонъ поражаетъ,
Кровь будто ложбиной рѣчною течетъ. . . . . (*)

по этимологіи своей значить: родомъ отъ Зевеса. Замѣчательно очень, что оно осталось въ устахъ только иѣжвнхъ матерей - Гречанокъ, когда онѣ осыпаютъ ласками сына, котораго очень любятъ: *μάτα μου, φῶς μου, Διγενῆ μου* говорятъ; т. е. глаза мои, свѣтикъ мой, Дигенисъ ты мой! Выраженіе: *χαίδευ'ει τὸν Διγενῆ τῆς* значить: она ласкаетъ своего Дигениса, т. е. своего сына, которымъ она такъ много дорожитъ.

ΙΓ'.

ΚΟΡΗ-ΑΡΜΑΤΩΛΟΣ.

Ποιός εἶδε ψάρι 'ς τὸ βουνὸ, καὶ θάλασσα σπαρμένη;
 Ποιός εἶδε κόρην εὐμορφη 'ς τὰ κλέφτικα ἴνδυμένη;
 Δώδεκα χρόνους ἔκαμεν ἀρματωλὸς καὶ κλέφτης.
 Κάνεις δὲν τὴν ἐγνώρισε πῶς ἦταν ἡ Διαμάντω.
 Μιὰ μέρα καὶ μιὰν ἑορτὴν, καὶ μιὰ λαμπρὴν ἡμέρα,
 Βγῆκαν νὰ παίξουν τὸ σπαθί, νὰ ρίξουν τὸ λιθάρι.
 Κι ὅπως ἐπαίζαν τὸ σπαθί, κ' ἐρρίζναν τὸ λιθάρι,
 Ἐπόπη τὸ θηλύκι της, κ' ἐφάνη τὸ βυζὶ της. —
 Τότες ὁ ἥλιος ἔλαμψε, καὶ τὸ φεγγάρι ἀσράφτει,
 Κ' ἓνα μικρὸ κλεφτόπουλο τὸ βλέπει καὶ γελᾷ.
 «Τί ἔχεις, μωρὲ κλεφτόπουλο, κι ὅλο γελᾷς μ' ἐμένα;»
 — Εἶδα τὸν ἥλι ὅπ' ὤλαμψε, καὶ τὸ φεγγάρι ἀσράφτει,
 Εἶδα καὶ τ' ἄσπρο σου βυζί, 'ποῦ 'ν' ἄσπρο σὰν τὸ χιόνι. —
 «Σώπα, μωρὲ κλεφτόπουλο, καὶ μὴν τὸ μαρτυρήσης·
 Καὶ νὰ σὲ πάρω ψυχογυιὸ, βαρεὰ νὰ σὲ πλουτίσω
 Γιὰ νὰ βαζᾷς τὸ δημησκί καὶ τὸ χρυσὸ τουφέκι.»
 — Ἐγὼ δὲν θέλω ψυχογυιὸς, βαρεὰ νὰ μὲ πλουτίσης,
 Γιὰ νὰ βαζῶ τὸ δημησκί καὶ τὸ χρυσὸ τουφέκι
 Μόν' θέλω σε γυναῖκά μου, καὶ νὰ μὲ πάρης ἄνδρα! —
 Σὰν τότε πιάν' ἀπ' τὰ μαλλιά, καὶ τότε ρίχνει κάτω. . . .

ХІІІ.

ДѢВА-КЛЕФТЪ.

Кто видѣлъ, чтобъ рыба гвѣздилась въ горахъ?
Кто видѣлъ, чтобъ море, какъ нива, покрылося житомъ?
Кто видѣлъ красавицу-дѣву, одѣтую Клефтомъ?
Двѣнадцать ужъ лѣтъ, какъ она прожила арматоломъ и клеф-
томъ.

Никто не узналъ, что тѣ дѣва была Діаманто.
Какъ въ праздникъ одинъ, въ часы яснаго дня,
Всѣ вышли на игры, — то шпагами биться, то дискомъ
метать.

Вотъ шумъ лишь начался отъ шпагъ и метанія диска,
Какъ запонъ сорвался и грудь показалась дѣвы; —
И солнце ярчей засіяло, и мѣсяцъ въ тотъ мигъ заблестѣлъ.
Тѣ видя, Клефтъ юный съ улыбкой на дѣву взглянулъ.
«Что́ сталося съ тобою, безумный, что ты надо мною
смѣшся?»

— Я видѣлъ, какъ солнце внезапно блеснуло и мѣсяцъ
сверкнулъ,

А вмѣстѣ и грудь твою видѣлъ, что сіѣга былѣе. —
«Молчи же ты, глупенькій Клефтъ, и о томъ никому ты не
молви ни слова;

Приму я тебя въ сыновья и богатствомъ тебя награжу;
Поси ты за мною дамасскую шпагу, ружье золотое.»

— О нѣтъ! не хочу быть я сыномъ твоимъ и добра твоего
не желаю,

Ни шпаги дамасской твоей, ни ружья золотого носить;
Я самъ на тебѣ же жениться хочу, выходи за меня! —

Тутъ за волосъ Клефта схватила она и грянула о-земь его.

“Αφσε με, κόρ', ἀπ' τὰ μαλλιά, καὶ πιάσε μ' ἀπ' τὸ χέρι·
Καὶ νὰ σοῦ γένω ψυχογυιὸς, πιασὰ νὰ σὲ δουλεύσω.”

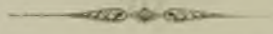
— 11' —

Η ΔΙΑΘΗΚΗ ΤΟΥ ΚΛΕΦΤΗ.

“Ἐνα πουλάκι κάθονταν ἔς τοῦ Ζίδρου τὸ κεφάλι.
Δὲν ἐκελάειδει σὰν πουλλί, σὰν ὅλα τὰ πουλάκια,
Μόν' ἐκελάειδει κ' ἔλεγεν ἀνθρωπινὴ λαλίτσα
“Ζίδρο μ' ἐσ' ἦσουν φρόνιμος, ἦσουν καὶ παλληκάρι,
Ἦσουν καὶ πρῶτος ἐπαρχος ἔς ὅλα τὰ μονασήρια,
Κι ὅσα βουνὰ περπάτησες, ὅλα βοτάνια γ' ἦταν,
Δὲν τὸ ἔξερεις, κακόμοιρε, νὰ φῶς νὰ μὴν ποθάνης!”
— Τί λες, μωρὲ πουλάκι, αὐτοῦ, γιατί με καταριέσαι;
Σαράντα χρόνους ἔζησα γ' ἀρματωλὸς καὶ κλέφτης,
Κι ἄλλους σαράντα νὰ ἔζηνα, πάλι θεὸ νὰ παιδιάνω.
Δὲν τὸ ἔχω πῶς θεὸ νὰ χαθῶ, καὶ πῶς θεὸ νὰ παιδιάνω,
Μόν' τὸ ἔχω σὲ παράπονο καὶ ἔς ἐντροπὴ μεγάλη,
Ποῦ θὰ τὸ μάθῃ γ' ἡ Τουρκιά, νὰ πάῃ ἔς τὴν Ἀλασῶνα,
Νὰ μοῦ χαλάσῃ τὰ χωριά, τὰ ῥημα βιλαΐτια.
Παρακαλῶ τὴ σοντροφιὰ κι ὅλα τὰ παλληκάρια

Νὰ μοῦ νοιωθοῦν τὸ σπῆτί μου, νὰ σφάζουνε τοὺς Τούρκους,
Νὰ μοῦ κυττάζουν τὸ παιδί τὸ μαῦρο τὸ Δημήτρι·
Ποῦ 'ναι μικρὸ κι ἀνήλικο, κι' ἀπὸ κλεφτιά δὲν ξέρει! —

(1) ΑΥΤΟΤΕΛΕΣ ΠΙΣΙΝΑ

la chanson, c'est le commencement d'une autre pièce sur la capture et la mort de Zidros, qui, complète, serait probablement plus claire et plus intéressante que la précédente. Le dernier trait du fragment, celui qui en indique le sujet, est censé correspondre à un cinquième vers, dont j'ai donné le sens dans la traduction, sans en pouvoir donner le texte.

Вотъ и самый отрывокъ съ французскимъ переводомъ:

*Ἐνα πουλάκι κάθισε ὅσ τοῦ Ζιδρου τὸ κεφάλι.
Δὲν ἐλαλοῦσε σὰν πουλι, σὰν ὅλα τὰ πουλάκια,
Μόν' ἐλαλοῦσε κ' ἔλεγε, ἀνθρωπινὰ μιλοῦσε·
Ζιδρο μ' ἐστ' ἦσον φρόνιμος ἀπ' ὅλα τὰ πρωτάτα.*

Un petit oiseau s'est posé sur la tête de Zidros;
— il parle, non comme un oiseau, non comme tous
les oiseaux; — il parle et converse en langue d'homme:
•O Zidros, tu étais (prudent), le plus prudent des douze
primautés, — et cependant tu l'es laissé prendre; tes
ennemis l'ont pris.» —

Последнія эти слова, указывающія содержаніе самой пѣсни, угаданы Форіелемъ, какъ онъ самъ говоритъ, безъ всякаго греческаго подлинника. Вотъ одна изъ знаменитыхъ догадокъ и дополненій почтеннаго автора, которыя онъ дѣлалъ *сѣ духъ народномъ* (см. введеніе Форіеля). Читатель видить изъ помѣщаемой мною въ цѣлости пѣсни, что не только пѣтъ въ настоящемъ подлинникѣ этаго пятаго стиха Форіелева, но что даже о пѣтнѣ Зидра въ ней вовсе не говорится. Это есть, просто, произведеніе французской фантазіи автора, считавшаго себя въ правѣ по четыремъ стихамъ судить о содержаніи цѣлой пѣсни.

Не то, моя пташка, печалитъ меня, что погибъ я и умеръ,
Но горе большое мнѣ то и великій мнѣ стыдъ,
Что Турки узнаютъ о томъ и пойдутъ въ Аласону,
Деревни мои разорятъ, всѣ несчастны мои Виллаэты (*).
Прошу же моихъ я тсварищей и молодецвъ:
Защитою будьте вы крова роднаго и бейте враговъ.
И не забудьте несчастнаго Митю, онъ сынъ мнѣ;
Мой сынъ еще малъ и Клефта не знаетъ еще ремесла! —

(*) Помѣстья, подвластныя Арματοлосу.

ΙΕ΄.

ΤΡΑΓΟΥΔΙ Τ' ΑΝΑΠΛΙΟΥ.

«*Ἀνάπλι γιὰ δὲ χαιρεσαι, γιὰ δὲ βαρεῖς παιχνίδια;*
Ποῦ σ' εἶς Ἀνάπλι ξακουσὸ, κί Ἀνάπλι ξακουσμένο,
'Σ τὴν Πόλι καὶ 'ς τὴ Βενετιά καὶ 'ς ὅλη τὴν Εὐρώπη.»
— *Σὰν πῶς μου λέτε νὰ χαρῶ, καὶ νὰ βαρῶ παιχνίδια;*
Ποῦ 'μένα μ' ἀποκλείσανε ξεριῶς καὶ τοῦ πελάγους;
Πέφτουν ἢ βόμβαις σὰ βροχή, τὰ τόπια σὰ χαλάζι,
Πέφτουν τὰ λιανοτούφεκα, σὰν ἄμμος τῆς θαλάσσης. — (*)

ΙΣΤ΄.

ΤΩΝ ΝΑΡΤΩΝ ΗΙ ΓΥΝΑΙΚΕΣ.

Σὲ περιγιάλι κάθουνταν τῶν ναύτων ἢ γυναῖκες,
Τῶν ναύτων καὶ τῶν ναύκληρων, τῶν καρaboκυρέων
Ἐχουν γουλιὰ 'ς τὸν κόρφο τους, χαλίκια 'ς τὴν ποδιά τους,
Τὴ θάλασσα πετροβολοῦν, τὴ θάλασσα λιθιάζουν
«Θάλασσα πικροθάλασσα καὶ λευκοκυματοῦσα,

(*) *Примѣчаніе.* Эта пѣснь довольно старинная; она относится къ той epochѣ, когда крѣпость Анапли принадлежала Венеціанцамъ и когда Турки осаждали еѣ. Анапли называется также Навплиа и Наполи-ди-Романія; почитается неприступною крѣпостью; только пзмѣною или голодомъ можно

КРѢПОСТЬ АНАПЛИ.

«Что такъ ты печаленъ, Анапли? Зачѣмъ же затихла музыка
твоя?»

О ты, нашъ всегда знаменитый Анапли, Анапли нашъ славимъ
Въ Царьградѣ, въ Венеціи и въ цѣлой Европѣ!»

— Ахъ, что мнѣ за радость, и что за веселье въ музыкѣ,

Когда я и съ суши и съ моря кругомъ осажденъ? —

Какъ дождь, въ меня бомбы, какъ градъ, въ меня ядра
стремятся,

Какъ-будто поморскій песокъ, — въ меня пули летаютъ. — (*)

ЖЕНЫ МОРЯКОВЪ.

На берегу морскомъ сидѣли жены моряковъ,

Матросовъ, лоцмановъ и шкиперовъ,

За пазухой, въ полахъ всѣ камешки держали

И въ море съ гнѣвомъ ихъ швыряли:

«О море, ты горькое море съ пѣнистой волной,

овладѣть ею; у Венеціанъ Турки взяли еѣ цѣлѣною. При графѣ Каподистриѣ Анапли была резиденціею новой Эллады, а нынѣ она есть только главный городъ эпархіи Арголиды.

Θάλασσα, ποῦ ἔναι οἱ ἄνδρες μας, καὶ ποῦ ἔναι καὶ οἱ καλοῖμας;»
— Τί νὰ σᾶς ἔπω, καὶ μέναις μου, τὰ μαῦρα τὰ μαντάτα;
Οἱ ἄνδρες σας ἐπνίγηκαν ἔς τὴν ἄβυσσό μου κάτω! —

ΙΖ΄.

Ζ Ω Η Τ Σ Α.

Αὐγήτσα θεὲ νὰ σηκωθῶ, δὴ ὥραις νὰ ξημερώσῃ,
Παίρνω νερὸ καὶ νίβομαι, νερὸ νὰ ξαγρυπνήσω,
Καὶ παίρνω τὸ σρατὶ—σρατὶ, τὸ ὥριον τὸ μονοπάτι,
Γιὰ νὰ ἔβρω πέτρα ῥιζαμιὰ, νὰ διπλωθῶ νὰ κάτσω,
Ν’ ἀκούσω ἱερακιοῦ λαλιὰ, συρισματιὰ πετρίτη,
Ν’ ἀκούσω καὶ τὴν πέριδικα τὴν ἀηδονολαλοῦσα,
Παραπονιέται ἔς τὸν ἀετὸ, κλαίεται ἔς τὸν πετρίτη
«Πετρίτη, εἰς τὰ πετρωτὰ, καὶ σαυραετέ, ἔς τοὺς κάμπους,
Μοῦ φάγετε τὸ ταῖρι μου, μὴ ἀφήσετε μονάχη.» (*)

(*) *Примѣчаніе.* Въ небольшой этой пѣснѣ подъ словомъ куропатка разумѣется жена известнаго героя Фото-Тзавела, отравленнаго его врагами. По смерти мужа, сильно скорбящая жена Зоцца, пѣбѣгая многолудныхъ мѣстъ,

Скажи намъ, гдѣ наши мужья, гдѣ наши теперь дорогіе?»
— Ужель я скажу вамъ, несчастныя, черныя вѣсти?
Всѣ ваши мужья, всѣ здѣсь въ безднѣ моей потонули! —

XVII.

ЗОИЦА.

Ужъ какъ встану ранѣхонько я, до разсвѣта,
Прогоню я дремоту водой ключевою,
Изберу на пути я красиву тропинку
И найду себѣ дикой тамъ камень.
И здѣсь стану я слушать свистанье петрита и крикъ журавля,
И пѣснь куропатки, поющей какъ самъ соловей,
Внимать ея жалобѣ на орла, на петрита:
«О петритъ, что летаешь въ мѣстахъ каменистыхъ,
И ты, крестообразно парящій орѣлъ въ небесахъ,
Пожрали вы моего друга милаго,
Сиротой одинокой меня вы оставили.» (*)

удалилась въ уединеніе въ окружностяхъ горы Оссы, въ Оессалии. Потому въ пѣснѣ сказано: изберу прекрасную тропинку; эта тропинка, вѣроятно, дорожка, которая вела къ ея жилищу. Куропатка жалуется и на орла и на петрита — на хищныхъ птицъ, подъ которыми разумѣются враги мужа Зоицы

ΙΗ'.

ΔΕΝΔΡΟ ΜΕ ΧΡΥΣΑ ΦΥΛΛΑ.

Δένδρον εἶ —, μωρὴ Διαμάντω,
Δένδρον εἶχα ᾿ς τὴν αἰλή μου.
Δένδρον εἶχα ᾿ς τὴν αἰλή μου,
Γιὰ παρηγοριὰ δική μου.
Καὶ δὲν ξέ —, μωρὴ Διαμάντω,
Καὶ δὲν ξέρω τί δένδρο ᾿ναι.
Καὶ δὲν ξέρω τί δένδρο ᾿ναι,
᾿Π ᾿χει ὀλόχρυσα τὰ φύλλα.
᾿Π ᾿χει ὀλόχρυσα τὰ φύλλα,
Κι ᾿σημένια τὰ κλωνάρια.
Καὶ ᾿ς τὴ ρίζ —, μωρὴ Διαμάντω,
Καὶ ᾿ς τὴ ρίζα κρού βρούση.
Καὶ ᾿ς τὴ ρίζα κρού βρούση,
Ποιὸς τὴν κάνει τέτοια κρίσι!
Κ' ἐκ ἔσχυμα νὰ πιῶ νερό,
Φιλῶ τὰ μάτια της τὰ δυνό.
Νὰ πιῶ καὶ νὰ γεμίσω,
Καὶ τὴν κόρη νὰ φιλήσω. (*)

(*) *Примѣчаніе.* Эту пѣсню поетъ влюбленный своей милой, по имени Діаманто π, вѣроятно, соседѣ, судя по словамъ: *на моемъ дворѣ*; онъ еѣ уподобляетъ деревцу, пмѣющему серебряныя вѣтви съ золотымъ лпстыямъ и пр. Греческіе стихи этой пѣсни отличаются отъ прочихъ, а именно изъ

ДЕРЕВО СЪ ЗОЛОТЫМИ ЛИСТЬЯМИ.

(Любовная пѣсня.)

Растётъ деревцо — милая Діаманто,
Растётъ деревцо на моемъ дворѣ.
Растётъ деревцо на моемъ дворѣ,
И къ моему утѣшенію.
Я не знаю, что́ за дерево то,
Что́ за дерево то; что листья у него —
Злато чистое.
Что листья злато чистое,
А вѣтви серебряныя;
А у корня его, милая Діаманто,
У корня его — ключъ холодной воды,
У корня его — ключъ холодной воды. . . . .
И ктобъ могъ судить такъ о деревцѣ!
Наклоняюсь я тамъ, чтобъ напиться воды, —
И прелестные глазки цѣлую;
Склоняюсь я тамъ, чтобы черпать и пить —
И прелестную дѣву цѣлую. (*)

слова: *εἶχα* (имѣлъ), въ первомъ стихѣ выпускается второй слогъ, а во второмъ стихѣ повторяется это слово въ-цѣлости. То же самое встрѣчается и въ послѣдующихъ стихахъ съ словами: *εἶρα* (знаю), *ῥίζα* (корень). Напѣвъ этой пѣсни прелестней; на эти раздѣленные слова поющій ударяетъ граціознымъ тономъ.

ΜΙΑ ΚΟΡΗ ΜΑΛΟΝΕΙ ΜΕ ΤΟΝ ΗΛΙΟ. (*)

Ἀνάμεσα τρεῖς θάλασσαις,
— Τριανταφυλλάκι μ' κόκκινο —
Πύργος θεμελιωμένος
— Νεράντζι μου γραμμένο —
Καὶ μέσα κόρη ἐκάθητο,
— Τριανταφυλλάκι μ' κόκκινο —
Καὶ τὰ φλωρὶ ἀρμαδιάζει,
— Νεράντζι καὶ λεμόνι —
Ἀρμαδιάζει, ξαρμαδιάζει,
— Τριανταφυλλάκι μ' κόκκινο —
Ἐννὶ ἀρμαθούλαις κάνει,
Κ' ἐμὲ τον νοῦ μου χάνει!
Τῆς πέντε βάνει 'ς τὸ λαιμο,
— Τριανταφυλλάκι μ' κόκκινο —
Τῆς τέσσερες 'ς τὰ χέρια,
— Νεράντζι καὶ λεμόνι —
Καὶ μὲ τον ἥλιο μάλονε,
— Τριανταφυλλάκι μ' κόκκινο —

(*) Примпчаніе I. Пѣсня эта поется при весьма граціозной пляскѣ, называемой: χορὸς σαυρωτός. Дѣвпцы представляютъ открытый кругъ. Каждая пзъ нихъ обвязываетъ себя платкомъ вокругъ пояса, за который взаимно онѣ держутся, такъ-что дѣвпца, стоящая въ началѣ круга, держитъ за тотъ платокъ вторую отъ себя дѣвпцу лѣвою рукою, а эта держитъ первую

СПОРЪ ДѢВЫ СЪ СОЛНЦЕМЪ. (*)

(Пѣсня хороводная.)

Межь трехъ океановъ-морей,
— Мой розанъ багряный — (а)
Стояль теремъ высокій;
— Померанецъ прелестный —
Въ немъ дѣва сидѣла,
— Мой розанъ багряный —
Червонцы визала,
— Мой померанецъ-цитронъ. —
Низала она, перенизывала,
— Мой розанъ багряный —
Девять нитокъ она нанизала уже,
— Моя дѣвица-роза. —
Пять на шейку надѣла,
— Заглядѣнье — и только!
Вотъ на обѣ руки четыре надѣла,
— Мой померанецъ-цитронъ —
И съ солнцемъ заспорила,
— Мой розанъ багряный —

правую рукою, и такъ далѣе до конца круга. Такимъ образомъ держась, дѣвицы руками представляютъ кресты, и вотъ почему пляска эта называется *χορός σταυρός*, т. е. крестообразный танецъ. Одна изъ дѣвицъ, которая отличается пріятнымъ голосомъ и искусствомъ игнія (см. пр. II) открываетъ пляску Она поетъ *соло* перваго стиха съ припѣвомъ: *τριανταφυλλάκι μ' κόκκινω* (мой розанъ багряный); хоръ повторяетъ пропѣтое ею. Она опять

(а) Припѣвъ, который различно повторяется до конца пѣсни.

Μὲ τὸν ἥλιο μαλόνει

— Νεράντζι καὶ λεμόνι —

«Γιὰ ἔβγα ἥλιε, γιὰ νὰ ἴβγῶ»

— Τριανταφυλλάκι μὲ κόκκινο —

«Γιὰ λάμψε, γιὰ νὰ λάμψω»

«Πολλαῖς καρδιαῖς νὰ κάψω»

«Νὰ κάψω νιούς, νὰ κάψω νιαῖς»

— Τριανταφυλλάκι μὲ κόκκινο —

«Νὰ κάψω παλληκάρια»

— Νεράντζι καὶ λεμόνι —

«Νὰ κάψω τὴν ἀγάπη μου»

— Τριανταφυλλάκι μὲ κόκκινο —

«Μέσα ἔς τὰ φυλλοκάρδια.»

— Νεράντζι μου γραμμένο! —

начинает пѣть solo, а хоръ повторяетъ тоже, и такимъ образомъ продолжаютъ до конца пѣсни. Слова и мѣра слоговъ этой пѣсни совершенно гармонируютъ съ правилами и граціею этаго танца. Обращаю вниманіе читателя на эти смѣлые и исполненные живости стихи:

Γιὰ ἔβγα ἥλιε, γιὰ νὰ ἴβγῶ,

Γιὰ λάμψε, γιὰ νὰ λάμψω,

Πολλαῖς καρδιαῖς νὰ κάψω.

т. е. «Выдь солнце, пѣль выйду къ тебѣ я сама. Сіяй же ты солнце, пѣль я засіяю сама. Сама засіяю и много сердець я сожгу» и пр.; мнѣ кажется, что эти греческіе стихи можно смѣло противопоставить лучшимъ стихамъ классическихъ поэтовъ.

Примѣчаніе II. Кстати я познакомлю моихъ читателей съ народною пословицею, которая ведетъ свое начало отъ пѣнія при пляскѣ, а именно: Ὅπου ἴν' ἀπ' ὀξ' ἀπ' τὸ χορὸ, πολλὰ τραγούδια ξίρει, т. е. *неучаствоюиій съ пляскъ много пѣсней знаетъ*. Вотъ какъ народъ толкуетъ происхожденіе этой пословицы: когда-то молодой человѣкъ, неучаствовавшій въ пляскѣ,

И съ солнцемъ такъ спорить;

— Мой померанецъ-лимонъ. —

«Видь солнце, иль выйду къ тебѣ я сама.

Сіяй же ты, солнце, иль я засіяю сама,

Сама засіяю, и много сердець я сожгу,

Сожгу юношей я, сожгу я дѣвщъ,»

— Розанчикъ мой, —

«Сожгу молодцовъ я»

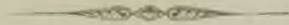
— Лимончикъ мой милый. —

«Сожгу я дружка своего»

— Мой розанъ багряный. —

«Сожгу самое сердце его.»

— Померанчикъ мой ты прелестный! —

хвастаяся, что онъ зналъ много хорошихъ и веселыхъ пѣсней. Этотъ хвастунъ, стоящій вокругъ танцующихъ и поющихъ, старался обличить ихъ въ неумѣнн пѣть и, издѣваясь надъ ихъ пѣснями, указывалъ другимъ на мнѣнья ихъ ошибки, которыя онъ толковалъ по-своему, согласно съ его природною злобою. Такого хвастуна, отравляющаго общее веселіе, старикъ замѣтилъ и учтиво предложилъ ему принять участіе въ пѣніи. Хвастуну не ловко было отказать; дѣлать нечего, онъ показалъ видъ, будто съ радостію принимаетъ предложеніе, началъ свою пѣсню — такую дичь, что, при всей учтивости, наблюдаемой при подобныхъ веселіяхъ, присутствовавшіе невольно захохотали. Состояніе хвастуна было ужасно, но подѣломъ. Вотъ откуда родилась пословица: *Неучастующій въ пляскѣ много пѣсней знаетъ*; подразумѣвается: а заставь его самого запѣть, такъ услышишь звуки нечаянныхъ колесъ. Эту пословицу я сдѣлалъ эниграфомъ первой части моей книги, уважая пословицы всѣхъ народовъ, какъ народную философію, объясняющую важныя истины немногими словами.

ΔΕΝΔΡ' ΟΠΟΥ ΜΙΛΕΙ. (*)

Ἐνας ἄγουρος κ' ἕνας καλὸς ζρατιώτης,
Κάσρο γύρευε, καλέ μου,

— Τρίκλωνε βασιλικέ μου —

Κάσρο γύρευε, χωριὸ νὰ πάγη νὰ μείνη
Οὐδὲ κάσρ' ἦρε, καλέ μου,

— Τρίκλωνε βασιλικέ μου —

Οὐδὲ κάσρ' ἦρε, οὐδὲ χωριὸ νὰ μείνη
Μόν' ἕνα δεινδρὶ, καλέ μου,

— Τρίκλωνε βασιλικέ μου —

Μόν' ἕνα δεινδρὶ, τὸ λένε κυπαρίσσι.

«Δέξου με, δεινδρὶ, καλέ μου»

— Τρίκλωνε βασιλικέ μου —

«Δέξου με, δεινδρὶ, δέξου με, κυπαρίσσι.»

— «Νὰ κ' οἱ κλῶνοί μου, καλέ μου»

— Τρίκλωνε βασιλικέ μου —

(*) *Примечание.* При греческихъ танцахъ обыкновенно присутствуютъ родители и братья дѣвицы. Каждая изъ танцующихъ дѣвицъ поетъ поочередн пѣснь, какую она захочетъ. Къ числу такихъ пѣсней принадлежитъ и пѣснь: *о говорлицемъ деревѣ.* Молодой воишь, о которомъ говорится въ этой пѣснѣ, что онъ ищетъ города и села остановиться отдохнуть, означаетъ молодаго человѣка, который ищетъ друга на пути жизни. чтобъ отдать ему сердце и съ нимъ провести остальную жизнь, обыкновенно болѣе обуреваемую житейскими вихрями. Далѣе въ пѣснѣ сказано, что молодой воишь не нашель ни села, ни города, но онъ нашель дерево, которое предлагаетъ ему свои вѣтви, свою тѣнь и пр. Деревомъ этимъ народ-

ГОВОРЯЩЕЕ ДЕРЕВО. (*)

(Пьсня хороводная.)

Шель воинъ пригожій и удалю славный;
Онъ града искаль,
— Мой пригожій, мой вѣтвистый базиликъ — (а)
Онъ града искаль, онъ деревни искаль, чтобы стать отдохнуть;
Ни града онъ не нашель;
— Мой пригожій, мой вѣтвистый базиликъ —
Ни града-то онъ не нашель, ни села, гдѣ бы могъ отдохнуть;
Лишь деревцо тамъ онъ нашель, его всѣ зовутъ кипарисомъ.
«Прими меня деревцо!»
— Мой пригожій, мой вѣтвистый базиликъ —
«Прими меня деревцо. прими ты меня, кипарисъ;»
— «Вотъ вѣтви мои»
— Мой пригожій, мой вѣтвистый базиликъ —

ный поэтъ уподобилъ дѣву, будущую супругу молодого воина. Дерево принимаетъ на свои вѣтви вооруженіе воина — его тяжести. Да и кто болѣе участвуетъ въ тяжелыхъ заботахъ мужа, какъ не добрая жена — истинный другъ и товарищъ?

(а) Растеніе это пользуется народнымъ уваженіемъ. Это, кажется, надобно приписать религиозному обстоятельству. Это растеніе расло въ изобиліи на томъ мѣстѣ, гдѣ Царица Елена выкопала Честный Крестъ. Гласъ народный говоритъ, что та же Царица дала этому растенію и названіе *βασιλικός* базиликъ, т. е. царское растеніе. Въ праздникъ Воздвиженія Креста (*Ἡ Ἐγείρωσις τοῦ Σταυροῦ*) въ Греціи дѣлаютъ вѣнокъ изъ этого растенія вокругъ Животворящаго Креста, и, по отелуженіи Св. Литургіи, священникъ раздастъ православнымъ по вѣточкѣ базилика. Растеніе это, какъ

«Νὰ κ' οἱ κλῶνοί μου, καὶ κρέμασ' τ' ἄρματά σου.

Νὰ κ' ἡ ρίζα μου, καλέ μου»

— Τρίκλωνε βασιλικέ μου —

«Νὰ κ' ἡ ρίζα μου, καὶ δέσε τ' ἄλογό σου.

Νὰ κί ὁ ἴσκιος μου, καλέ μου»

— Τρίκλωνε βασιλικέ μου! —

«Νὰ κί ὁ ἴσκιος μου, καὶ πέσ' ἀποκοιμήσου!»

ΚΓ'.

ΤΡΑΓΟΥΔΙΑ ΤΟΥ ΓΑΜΟΥ.

Α'. "Όταν κτενίζουν τὴν νύφη.

Ἐχεις μαλλιά τετράξανθα,

Ἵς τῆς πλάταις σου ῥιμμένα,

Ἴπου δ' τὰ κτενίζουν οἱ ἄγγελοι,

Μὲ τὰ χρυσᾶ τὰ κτένια.

Β'. "Όταν ἐνδύνουν τὴν νύφη.

Ἵντας δ' ἐγέννα ἡ μάννα σου,

Ἵλα τὰ δένδρ' ἀνθοῦσαν,

известно, и само собою хорошенькое, приятнаго ароматическаго запаха, бываетъ двухъ родовъ: πλατύφυλλος или λεμονόφυλλος и σγουρός или πολύφυλλος, т. е. широколистный или лимоннолистный и кудрявый или многолистный. Въ греческихъ пѣсняхъ базиликъ часто встрѣчается.

«Вотъ вѣтви мои, ты развѣсь здѣсь свое вооруженье,
Вотъ мой стволнкъ тебѣ»

— Мой пригожій, мой вѣтвистый базиликъ —

«Вотъ стволнкъ тебѣ, привяжи ты къ нему и копя своего.
«Вотъ тѣнь здѣсь моя»

— Мой пригожій, мой вѣтвистый базиликъ —

«Вотъ тѣнь здѣсь моя тебѣ, лягъ, милый, лягъ и усни!»

XXI

СВАДЕБНЫЯ ПѢСЕНКИ. (а)

Поютъ подруги

1-я пѣсня (поется, когда убираютъ голову невесты).

Ужъ какъ волосы твои свѣтлорусые
По плечкамъ распнулись; —
Тебѣ ангелы ихъ расчесываютъ,
Расчесываютъ золотымъ гребнемъ.

2-я пѣсня (поется, когда одѣваютъ невесту).

Когда мати тебя родила на свѣтъ,
Всѣ деревца уже расцвѣтали;

(а) Прошу читателя взглянуть на страницу 256, 2-го тома Форіеля, гдѣ, кромѣ заглавія крупными буквами: *Свадебныя пѣсни*, ничего свадебнаго болѣе незамѣтно. То, что подъ этимъ титуломъ помѣщаетъ Форіель, скорѣе можно отнести къ числу такъ называемыхъ въ Греціи хромыхъ пѣсней: *χοιτοτραγούδα*, которыя сочиняютъ на смѣхъ.

Καὶ τὰ πουλάκια ἔς τῆς φωλιαῖς,
Κ' ἐκεῖνα κελαιδοῦσαν.

Γ'. Ὄταν ζολίζουν τὴν νύφη.

Ὅντας σ' ἐγέννα ἢ μάννα σου,
Ὁ ἥλιος ἐκατέβη,
Καὶ σ' ἔδωκε τὴν ἐνμορφιά,
Καὶ πάλι μετανέβη.

Δ'. Ὄταν ἀποζολίσουν τὴν νύφη.

Σήμερα λάμπ' ὁ οὐρανός,
Σήμερα λάμπ' ἡ ἡμέρα,
Σήμερα ξεφανώνεται,
Ἄετός τὴν περιζέου.

Ε'. Τραγοῦδι τῆς μητέρας.

Ἀνοῖξαν οἱ ἐφτὰ οὐρανοὶ,
Τὰ δώδεκα Εὐαγγέλια,
Κ' ἐπῆραν τὸ παιδάκι μου,
Μέσ' ἀπ' τὰ δύο μου χέρια.

Сами пташечки въ своихъ гнѣздышкахъ
Тебѣ пѣсенки запѣвали.

3-я пѣсня (поется, когда наряжаютъ невѣсту).

Когда мати тебя родила на свѣтъ,
Сошло на землю тогда солнышко,
Подарило тебѣ красоту свою
И опять поднялось оно на небо.

4-я пѣсня (поется подѣ конецъ убора).

Возсіяло небо синее,
Возсіялъ нашъ денѣчекъ,
Вѣнчается нашъ нынѣ
Орель съ голубицей.

5-я пѣсня, (поетъ мать).

Семь небесъ предо мною открылся,
Да двѣнадцать еще всѣ Евангелій, (а)
Взято дитятко мое съ рукъ моихъ,
Съ рукъ обѣихъ моихъ — рукъ матернихъ.

(а) Здѣсь разумѣется 12 Евангелій, которыя читаютъ въ Православной Церкви на страстной недѣлѣ въ великій четвергъ. Эти двѣнадцать Евангелій, заключающія страданія нашего Спасителя, по справедливости составляютъ въ устахъ Грека особенное выраженіе, которое онъ произноситъ только въ важнѣйшихъ случаяхъ своей жизни и съ большимъ благоговѣніемъ.

ΚΒ'.

ΤΟΥ ΜΑΗ ΤΟ ΤΡΑΓΟΥΔΙ.

Ἐμβῆκ' ὁ Μάης, ἐμβῆκ' ὁ Μάης, ἐμβῆκ' ὁ Μάης κι ὁ μῆνας,
Ὁ Μάης μέ τὰ τριαντάφυλλα, κι Ἀπρίλλης μέ τὰ ρόδα.
Ἀπρίλλ' Ἀπρίλλ' ἀφόρετε, Μάη μου κανυκάρη,
Ὅλο τὸν κόσμο γέμισες 'ς τ' ἄνθη καὶ 'ς τὸ λουλουδι,
Κ' ἐμένα περικίλωσες 'ς τῆς κόρης τῆς ἀγκάλαις.
Γιὰ μῆνυσέ μου, λίγερη, γιὰ μῆνυσέ μου, κόρη,
Νὰ δώσω τὸν χαιρετισμὸν (*), ὅσω 'π' ἀνθοῦν οἱ κάμποι,
Στεφάνια νὰ μᾶς πλέξουνε μέ τ' ἀνθισμένο κλῆμα,
Νὰ εὐφραστούνε τὴν κλίνη μας μέ τῆς μυρτιάς τὰ ἄνθη.
Ἐδῶ ποῦ τραγουδήσαμε, πέτρα νὰ μὴ ραῖση,
Κε' ὁ νοικοκύρης τοῦ σπητιοῦ χίλιους χρόνους νὰ ζήση.
Αὐθέντη μου εὐγενικέ, 'π' ὄχεις μεγάλη χάρι,
Ποῦ σ' ἔχομε 'ς τὸν τόπο μας, σὺν τὸ λαμπρὸ φεγγάρι
Ἄνοιξε τὸ πουγγάκι σου, τὸ μάργαριταρένιο,
Ἄν ἔχης γρόσα, δός μᾶς τα, ἂν ἔχης καὶ παράδες,
Ἄν ἔχης καὶ γλυκὸ κρασί, 'βγάλε νὰ μᾶς κεράσης.
Πολλὰ εἶπαμε τ' αὐθέντη μας, ἄς ποῦμ' καὶ τῆς κυρῆς μας
Κυρὰ σεμνή, κυρὰ τρανὴ, κυρὰ καμαρωμένη!
Κυρὰ, γ' ὄντας ἐβούλιοςουν γιὰ νὰ 'νδυθῆς ν' ἀλλάξης,
Ἡ φάρσα φέρνει τὸ νερό, κ' ἡ κίσσα τὸ σαποῦνι,

(*) Зде́сь слово: χαιρετισμός, значить визитъ жениха въ домъ родителей невесты съ тѣмъ, чтобы просить ея руки.

XXII.

МАЙСКАЯ ПѢСНЬ.

(Изображающая три важнѣйшія эпохи человѣческой жизни:
любовь, бракъ и жизнь семейную.)

Ужъ какъ Май-то насталь, да нашъ Май наступилъ, Май
мѣсяцъ,
Съ триандафлами (а) Май, Апрельъ съ розами.
О мой теплый Апрель! о мой Май, мой прелестный Май!
Лишь наполнилъ весь свѣтъ ты цвѣтами полей и деревъ,
Какъ меня заключилъ ты въ объятіяхъ дѣвы:
О скажи, дѣва, мнѣ, ты согласна ль на то,
Чтобъ просить бы спѣшилъ я руки твоей
Въ отчій домъ твой, пока цвѣтъ полей не увялъ,
Чтобъ вѣнки (б) намъ плели изъ цвѣтущихъ лозъ,
Чтобы миртомъ (в) полей ложе устлали намъ?
Пусть же въ домѣ семь, гдѣ пропѣли мы,
И трещинки не окажется.
Пусть хозяишъ нашъ живетъ тысячу лѣтъ!
О хозяинъ мой, ты радушный мой! мужъ достойнѣйшій,
Ясный мѣсяцъ ты въ нашемъ городѣ;
Ты раскрой свой кошель, свой жемчужный кошель,
И дай ты намъ, если грѣсы (г) есть, если пѣры (д) въ немъ;
А есть сладкое, да вино у тебя, — вынь и подчуй насъ!
Много пѣли мы хозяину, скажемъ мы теперь и хозяйшкѣ:

(а) *Рода* въ особенности называются въ Греціи небольшія полевая розы, которыми Апрельъ изобируетъ, а триандафлами — садовая розы, которыя въ Маѣ цвѣтутъ во всей своей красѣ. Впрочемъ, часто *рода* замѣняетъ *триандафлла*.

(б) Смори въ предисловіи III статью.

(в) *Миртъ* есть дерево, посвященное Венерѣ.

(г) *Монета*. состоящая изъ сорока паръ.

(д) Сорокъ паръ составляютъ одинъ грѣсъ (піастръ).

Κ' ἡ πέριδικα ἢ ὠριόπλουμη φέρνει τὰ τρία ῥοῦχα·
Τὸ κόκκινο, τὸ πράσινο, τ' ἄσπρο καὶ τὸ χιονάτο.
Κυρὰ, γ ὄντας ἐκίησες, νὰ πᾶς εἰς τὴν ἐκκλησίαν,
Βάνεις τὸν ἥλιο πρόσωπο, καὶ τὸ φεγγάρι ζήθη,
Καὶ τοῦ κοράκου τὸ φτερὸ βάνεις καμαροφρούδι
Ἡ σράτα ῥόδα γέμισε, κ' ἡ ἐκκλησιὰ τὸ μύσχο.
Κυρὰ, γ ὅπ' ἄχεις τοὺς υἱούς, ὁ Θεὸς νὰ σ' τοὺς χαρίνη,
Κι ὁ μέγας Ἀγιθανάσιος νὰ σ' τοὺς πολυχρονήση.

О сударыня, наша добрая, наша скромная, наша важная!
Какъ подъ-часъ ты собираешься наряжать себя въ платье
новое —

Фарса (е) воду тебѣ, кисса (ж) мыло тебѣ подають тогда,
А узорчатая куропаточка (з) три платья тебѣ приносятъ:
Платье красное, да зеленое, третье бѣлое свѣгу бѣлаго.

О! сударыня, когда въ церковь ты, когда въ Божій храмъ
отправляешься,
Солнцемъ личико одѣваешь ты, грудь свою луной полною,
Твои брови — перо ворона, то брови твои въ дугу согнутыя;
Путь во храмъ тебѣ усыпанъ розами, церковь вся полна
мускуса.

О! какихъ сыновей родила ты на свѣтъ! Да хранить же ихъ
Богъ на радость тебѣ,
А великій — Св. Аѳанасій нашъ да даруетъ имъ лѣта многая!

(е) Хорошенькая птица, любитъ гвѣздиться при источникахъ и ручей-
кахъ.

(ж) *Κίσσα*, соя (*corvus glandarius*, le geai d'Europe), есть прекрасная
птица сѣровато-краснаго цвѣта, пѣющая верхнія перья на крыльяхъ го-
лубыя съ бѣлыми и черными поперечными узенькими полосками, голова съ
хохолкомъ, а глаза голубые.

(з) Эта птица въ ново-эллиническихъ пѣсняхъ играетъ важную роль. Въ
нихъ нерѣдко красавица уподобляется куропаткѣ, какъ напр.

*Πέρδικά μου πλουμισμένη, ποῦ 'ς τὰ δάση περπατεῖς,
Βρόχια καὶ βερνὰ θὰ εἴσω, νὰ πετάξῃς — νὰ πιωθῇς.*

Узорчатая куропатка,
Что въ поляхъ ты порхаешь?
Я сѣти разставлю, рѣзвушка, тебѣ.
Ты мимо пролетишь — и поймана будешь.

Прилагательныя: *πλουμισμένη*, *ὀριόπλουμη*, *ἀγδονολαλοῦσα*, т. е. *узор-
чатая*, *прекрасно узорчатая*, *поющая какъ соловей*, которыми выхваляются
эти птицы, въ народныхъ ново-эллиническихъ пѣсняхъ (смотри пѣсни подъ
№ 17 и 25) показываютъ, что куропатка, или, вѣрнѣе сказать: *πέρδικα*,
въ Греціи есть птица прекраснаго вида и пріятнаго пѣнія.

ΚΓ'.

ΤΑ ΔΙΚΤΥΑ ΤΑ ΜΕΤΑΞΩΤΑ.

Μιά περδικούλα γ ἔβγαίνεν
Ἀπ' τὸ λουτροῦ λουσμμένη,
Κ' ἐκεῖ τὴν ἐχαιρέτησα,
Κ' ἐκείνη δέ(ν μου κρένει.
Νὰ σήσω βρόχια ἔς τὰ βουνά,
Καὶ ξόβεργα ἔς τοὺς κάμπους,
Τὰ δίκτυα τὰ μεταξωτά
Ἐς τῆς μαρμαρένιας βούσσις,
Νὰ πάγ' ἢ πέρδικα γιὰ νερό,
Νὰ ἔμπερδενιδῆ ἔς τὰ δίκτυα.
Καλῶς τῆνε τὴν πέρδικα,
Κι ἂν ἔκαμε καὶ κόπον,
Ὅπου ῥθε κ' ἐνοσίμησε
Τὸν ἔρημο τὸν τόπο.

XXIII

ШЕЛКОВЫЯ СЪТИ.

(*Любовная пьсня.*)

Выходила моя куропатка
Изъ купальни бѣла и чиста,
И на мой къ ней радушный привѣтъ —
Лишь молчанье ея — былъ отвѣтъ.
Западно я поставлю въ горахъ,
Я устрою засаду въ поляхъ;
Гдѣ бѣжить черезъ мраморъ ручей —
Берегись тамъ шелковыхъ сѣтей!
Куропатка, пойдешь за водой —
И останешся въ сѣти такой!
Куропаточка, здравствуй, моя!
Ну, съ трудомъ же поймалъ я тебя!
Оживить мнѣ твоя красота
Эти мрачны, пустынны мѣста.

Η ΠΙΣΤΗ ΣΤΖΖΓΓΙΟΣ. (*)

Ἐνας καλὸς ἀρματαλὸς κ' εὐμορφο παλληκάρι,
 Τὸν ἴσκιον — ἴσκιον πάγαινε, κί ὄλο τή ρίζα — ρίζα,
 Νὰ μὴ τὸν κάψ' ὁ κορνιακτὸς, καὶ τὸν μαρὰν ὁ ἥλιος.
 Σε κρούα βρούσ' ἐπῆγ' ὁ νιὸς, τὸν μαῦρον νὰ ποτίση.
 Μιὰ κόρη ν' ἔβγαυε νερὸ μὲ τὸ χουσό τὸ σύκλο.
 Σουράντα σύκλους ἔβγαυε, 'ς τὰ μάτια δὲν τὴν εἶδε,
 Κί ἀπάνω 'ς τοὺς σαραντιδνὸ, τήν βλέπει δακρυσμένη.
 «Τ' ἔχεις, κόρη, καὶ θλίβεσαι καὶ βαρυνασεναΐεις;»
 — Ἐχω ν' ἄνδρα 'ς τὴ ξενιτεῖα, καὶ λείπει δέκα χρόνια
 Κί ἀκόμη δυὸ τὸν καρτερῶ, κί ἀπὲ καλογρηεύ. —
 «Κόρη μ', ἄνδρας σ' ἀπέθανεν, ἐδᾶ καὶ τρία χρόνια.
 Ἐγὼ κερὶ τοῦ μοίρασα, κ' εἶπε νὰ μὲ πλερώσης.»
 — Ἀνὶ κερὶ τοῦ μοίρασες, ἐγὼ νὰ σ' τὸ πλερώσω. —

(*) *Примѣчаніе.* Содержаніе этой пѣсни изображаетъ вѣрность супружеской любви Гречанки. Молодая супруга двѣнадцать лѣтъ ожидаетъ возвращенія мужа пазъ чужбины и даетъ себѣ обѣщаніе удалиться въ монастырь, по окончаніи срока, который она сама себѣ назначила. Между тѣмъ мужъ возвращается, случайно узнаетъ еѣ и самъ, ея не бывъ узнавъ, пзвѣщаетъ еѣ о смерти супруга, желая пспытать ея сердце; но въ ея отвѣтахъ онъ видить все ту же неизмѣнную и пламенную любовь ея къ нему. Здѣсь народный поэтъ вѣрно изображаетъ главную черту характера Гречанокъ — постоянство ихъ супружеской любви. Привязанность Гречанки къ супругу нпскольکو не уступаетъ привязанности ея къ своимъ дѣтямъ. Этпмъ чувствамъ обязаны своимъ существованіемъ и пѣсни *Μυρολογι* (Смотри въ предисловіи I статью). Отсутствие мужа, сына, или другаго какого-либо члена изъ ея семейства, есть немалое несчастіе для Гре-

ВѢРНОСТЬ СУПРУЖЕСКАЯ. (*)

Одинъ молодой Арमतолосъ подъ тѣвную деревъ пробирался
Всё ближе къ ихъ корнямъ, чтобъ пыль не душила, и зноемъ
его не палило.

Вотъ шель и пришелъ онъ къ колодцу студеной воды, чтобъ
коня напоить.

Красавица чернала воду, склоняся, золоченымъ ведеркомъ.

Вотъ сорокъ ужъ разъ имъ она почерпнула, но глазъ ея всё
онъ не видѣлъ,

Какъ вотъ наконецъ, послѣ двухъ онъ ведерокъ, красавицу
видитъ въ слезахъ.

«О чемъ ты, красотка, печалишься, и такъ тяжело ты взды-
хаешь?»

— Ужъ десять годовъ, какъ мой мужъ далеко на чужбинѣ.

Но два еще года ждать буду его, а потомъ и запрусь въ
монастырь. —

чанки. Тогда она не смѣетъ предаваться веселію, безпрестанно повто-
рять: *ἔχω παιδιὰ ἔς τὰ ξίνα! ὁ ἄνδρας μου λείπει ἔς τὰ ξίνα! ἢ ξεντιὰ
μὲ μάρανε!* то есть: «У меня дѣти въ чужбинѣ! «Мужъ мой на чужбинѣ!
Чужбина мевя тяготитъ!» Церковнымъ закономъ положено семь лѣтъ
ожидать пропадающаго безъ вѣсти мужа; но простествіи этого вре-
мени, молодая жена имѣетъ право вступить въ новый бракъ. Но не-
рѣдко можнц видѣть въ Греціи, что Гречанки не пользуются этимъ
закономъ, онѣ умпраютъ въ ожиданіи; такъ долго священный огонь
супружеской любви согрѣваетъ безпорочныя сердца! Гомеръ воспѣваетъ въ
безсмертныхъ своихъ твореніяхъ вѣрную и постоянную Пенелону, которая,
будучи окружена искателями ея руки, терпѣливо ожидаетъ своего Улисса,
котораго всё считали уже погибшимъ. Современные Гречанки оправдываютъ
собою Гомера.

«Ἐγὼ φιλὶ τοῦ δάνεισα, πρέπει νὰ μοῦ τὸ δώσης.»
— Ἀνὶ φιλὶ τοῦ δάνεισες, σύρε καὶ χάλεινέ το. —
«Κόρη μ', ἐγὼ εἶμ' ὁ ἄνδρας σου, ἐγὼ εἶμαι κί ὁ καλός σου.»
— Ἄν ἦσαι σὺ ὁ ἄνδρας μου, ἂν ἦσαι κί ὁ καλός μου,
Πές μου σημάδια τοῦ σπητιοῦ, κ' ἐγὼ νὰ σοῦ πισεύσω. —
«Ἐχεις μηλιὰ ἔς τὴ θύρα σου, κληῖμι μέσ' τὴν αὐλή σου,
Ἐχεις καὶ χρυσοκάνδηλο ἔς τὴ μέση τοῦ σπητιοῦ σου.»
— Εἶπες σημάδια τοῦ σπητιοῦ, νὰ πῆς καὶ τοῦ κορμιοῦ μου.—
«Ἐχεις ἐλιά ἔς τὸ μάγουλο, ἐλιά ἔς τὴν ἀμασχάλη,
Ἐλιά ἔς τὸ παραδάγκαλο, ποῦ δὲ σ' τὴν εἶδαν ἄλλοι.»
Ἄπο τὸ χέρι τὸν κρατεῖ, ἔς τὸ σπῆτί τους πηγαίνουν,
Τῆς μάννας τῆς ἐφώνηξε, τῆς μάννας τῆς καὶ λέγει
— Μάννα μ', ἐδῶ ναι κί ἄνδρας μου, ἐδῶ ναι κί ὁ καλός μου. —

«Красавица! умерь твой мужъ, тому будетъ три гола,
И свѣчки я самъ за него раздавалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я
ужь съ тобой разочтусь
За свѣчки и тотъ поцѣлуй мой прощальный, которымъ его я
ссудилъ.»

— Когда за покойника свѣчки ты роздалъ, отдамъ за нихъ всё,
что должна я;

Но тотъ поцѣлуй его требуй ты самъ отъ него же обратно. —

«Такъ знай же, красавица, твой муженёкъ и любезный
твой — я.»

— Ну если ты мужъ мой и если ты другъ мой любезный,
Скажи, по какимъ ты примѣтамъ узнаешь нашъ домъ — и
повѣрю тебѣ. —

«Предъ домомъ стоитъ у насъ яблонь, растётъ виноградъ
на дворѣ,

А въ домѣ у насъ же виситъ средь покоевъ свѣтильникъ
златой.»

— Ты дома примѣты мнѣ вѣрно назвалъ; но скажи же примѣ-
ты мои. —

«Родимое пятнышко есть на щекѣ, есть оно у тебя и подъ
мышкой,

Есть также родимое и на ногѣ — одинъ я его видѣлъ. . . .»

Красавица, тутъ его за руку взявъ, ведётъ къ дому съ собою

И матери издали громко навстрѣчу въ восторгѣ кричитьъ:

«Здѣсь, — матушка, — здѣсь! вотъ онъ здѣсь, муженёкъ мой
любезный!»

ΚΕ΄.

ΑΠΟΧΩΡΙΣΜΟΣ ΥΙΟΥ ΜΕ ΤΗΝ ΜΗΤΕΡΑ.

«Διώχνε με, μάνα, διώχνε με, και να μισεύσω θέλω,
Μακρυνά θε να ξενιτευθῶ, και θε ν' ἀργήσω να ῥθω.
Νὰ πᾶς, μάνα μ', τ' Ἀγιγιωργιοῦ, να κάμης τὸ σαυρό σου,
Νὰ ἰδῆς τοὺς υἱοὺς, να ἰδῆς τῆς νιαῖς, να ἰδῆς τὰ παλληκάρια,
Νὰ ἰδῆς τὸν τόπο μ' ἀδειανὸ και τὸ σασιδικό μου
Νὰ καταβῆς εἰς τὸ γιαλὸ, και να ῥωτᾶς τοὺς ναύταις.»
— Ναύταις μου, παλληκάρια μου, μὴν εἶδετε τὸ γυιό μου;—
«Εμεῖς ἐφῆς τὸν εἶδαμε, ἔς τὸν ἄμμο ποῦ κοιμᾶτο,
Εἶχε τὸν ἄμμο πάπλωμα, τῆ θάλασσα σενδόνη,
Τὰ πετραδάκια τοῦ γιαλοῦ, τὰ ἔχε προσκεφαλάκι,
Μαῦρα πουλιὰ τὸν τρώγανε, κι ἄσπρα τὸν τριγυρίζαν·
Κι ἓνα πουλι, καλὸ πουλι, δὲν ἤθελε να φάγη.»
— Φάγε και σὺ, καλὸ πουλι, ἀπ' ἀνδρειωμένου πλάτη,
Νὰ κάμης πιδαμὴ φτερό, και πήχη τῆ φτεροῦγα,
Νὰ γράψω τρία γράμματα, τρία φαρμακωμένα
Τὸ ἴνα τὸ πᾶς τῆς μάνας μου, τ' ἄλλο τῆς ἀδελφῆς μου,
Τὸ τρίτο, τὸ φαρμακερὸ, τὸ πᾶς τῆς ποθητῆς μου
Νὰ τὸ διαβάς ἢ μάνα μου, να κλαι' ἢ ἀδελφή μου
Νὰ τὸ διαβάς ἢ ἀδελφή, να κλαι' ἢ ποθητή μου
Νὰ τὸ διαβάς ἢ ποθητή, να κλαι' ὁ κόσμος ὅλος. —

ΚΣΤ'.

ΤΡΑΓΟΥΔΙ ΤΟΥ ΝΕΟΥ ΕΤΟΥΣ.

Ἄν ἦναι μὲ τὸ θέλημα τὰ κάλανδα νὰ ποῦμε; —
Ἄρχῃ μηνιᾶ, κί ἀρχῇ χρονιᾶ, κί ἀρχῇ καλὸς σας χρόνος.
Ἄγιος Βασίλης ἔρχεται, Γεννάρης ξημερώνει,
Ἄγιος Βασίλης ἔρχεται ἀπὸ τὴν Καισαρεία,
Βασῆ κονδύλι καὶ χαρτὶ, χαρτὶ καὶ καλαμᾶρι.
«Βασίλη, πόθεν ἔρχεσαι, καὶ πόθεν μᾶς κοπιάζεις;»
Ἄπὸ τὸ σπῆτι μ' ἔρχομαι, καὶ ἔς τὸ σχολειό μου πάγω. —
«Βασίλη, ξέρεις γράμματα; πές μας τ' ἀλφαβητάρι.»
Καὶ ἔς τὸ ραβδί τ' ἀκούμβησε, νὰ πῆ τ' ἀλφαβητάρι
Χλωρὸ δὲν ἦταν τὸ ραβδί, χλωροὺς βλασοὺς ἐβγάλε,
Κί ἀπάνω ἔς τοὺς χλωροὺς βλασοὺς, πέρδικα κελαειδοῦσε,
Ἄχι πέρδικα μοναχὰ, μόνε καὶ περιζέφα. (α)

(α) Прилагаю, для сравненія, французскій переводъ этой пѣсни пѣзъ Φορίελα :

Saint Basile vient de Césarée: — il porte des souliers de bronze, un vêtement de fer. — «Saint Basile d'où viens-tu, et où vas-tu?» — «Je viens de l'école, et m'en vais chez ma mère.» — «Si tu viens de l'école, dis-nous ton A, B, C.» — Il s'est appuyé sur sa crosse, pour dire son A, B, C; — et sa crosse a verdoyé, elle a poussé une branche, — une branche à rameaux d'or, (à feuilles) brodées d'argent.

XXVI.

ПѢСНЬ ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Позволишь ли поздравить, хозяинъ, съ новымъ годомъ? —
Въ началѣ мѣсяца, въ началѣ года, хозяйна счастье встрѣчаетъ:
Грядетъ Святой Василій, Январь ему навстрѣчу (а),
Грядетъ Святой Василій, грядетъ изъ Кесаріи,
Несетъ съ собой бумагу, бумагу и чернила.
«Откуда и куда идешь Святой Василій?»
— Изъ дому я иду и въ школу отправляюсь. —
«А грамоту ты знаешь? скажи намъ: алфа-виту.»
Оперся онъ на посохъ, сказать имъ алфа-виту.
Давно изсохшій посохъ пустилъ зелены вѣтви (б),
И на зеленыхъ вѣтвяхъ запѣла куропатка,
Запѣла куропатка и съ нею голубица (с).

(а) Эти три стиха, составляющіе начало пѣсни, весьма важные и потому, что содержатъ въ себѣ главное ея обстоятельство, выпущены въ изданіи Форіеля.

(б) Прошу читателя обратить вниманіе на этотъ стихъ, въ которомъ состоитъ вся сила чуда, потерявшаго въ изданіи Форіеля все свое значеніе.

(с) Последняя очень интересная картина также опущена у Форіеля. Другія искаженія настоящаго греческаго подлинника читатель самъ замѣтитъ.

ΚΖ'.

ΚΤΗΝΗΓΟΣ ΠΡΟΣ ΤΑ ΠΟΥΛΙΑ.

Μὴ φοβῆσθε, ὦραϊά πουλάκια,
 Νὰ σᾶς πάρω τὴν ζωὴν.
 Τραγουδεῖτε, τραγουδεῖτε
 Τὸν σκοπὸν σας τὸν γλυκύν.
 Μάθετε κι ἐμεῖ, πουλάκια,
 Σὰν ἐσᾶς νὰ τραγουδῶ,
 Καὶ τὸν πόνον μου νὰ ψάλλω,
 Εἰς τὴν νέαν π' ἀγαπῶ.
 Τὸ ξανθὸ — ξανθὸ κοράσι
 Ἐστὸ τραγουδι θὰ χαρῆ,
 Κι ὄρεχθ' ἴσως νὰ φιλήσῃ
 Τὸν καλὸν τραγουδιστήν.
 Ἐστὰ φιλήματά μ' ἐπάνω,
 Σᾶς θὰ εὔχομαι, πουλιά,
 Ποῦ μ' ἐδείξετε τὸν τρόπον,
 Νὰ ἡμερώσω τὴν θεάν.

*Слѣдующія дѣя пѣсни не принадлежатъ къ народной
изустной поэзіи, а къ письменной, и потому я ихъ по-
мѣстилъ на концѣ отдѣльно, въ видѣ прибавленія.*

XXVII.

ОХОТНИКЪ КЪ ПТИЧКАМЪ.

Не бойтесь, птички, не бойтесь!
Я жизни отнять не намѣренъ у васъ;
Вы пойте, прекрасныя, пойте
Своимъ сладкозвучнымъ напѣвомъ!

Меня научите вы, птички,
Пѣть такъ же, какъ сами поёте,
И вздохи мои воспѣвать и тоску
По милой, которую я обожаю.

Быть можетъ, моя бѣлокурая дѣва
Съ восторгомъ услышитъ ту пѣсню;
Быть можетъ, она удостоитъ лобзаньемъ
Красавца-пѣвца молодого.

Въ минуты взаимныхъ лобзаній
Всѣмъ сердцемъ васъ буду я благословлять
За то, что меня научили умѣнью,
Какъ можно богиню впередъ укрощать!

ΚΗ'.

ΘΡΗΝΟΣ ΕΙΣ ΤΟΝ ΜΑΡΚΟΝ ΒΟΤΣΑΡΗΝ.

Ἐλληνες κλαύσωμεν ἄνδρα γενναῖον,
Τὸν Μάρκον Βότσαρην ἥρωα νέον,
Οὗτος ἀπέθανεν ἠρωϊκῶς.
Τοῦτον τὸν ἥρωα ἄς μιμηθῶμεν,
Ἄν τὴν ἐλευθερίαν μας ὄντως ποθῶμεν,
Καὶ θέλει θρᾷσομεν ἐχθροὺς ἡμῶν.
Ἄνδρες, ὁμόνοια εἰς ἡμᾶς ἀνήκει,
Καὶ ὁ Ὑπέρτατος μᾶς τάζει νίκην,
Νίκην βεβαίαν τε καὶ ἀσφαλῆ.
Τοῦρκοι σκληρότατοι, ἂν ἐφρονεῖσθε
Ὁ Μάρκος Βότσαρης, δὲν λιγοσεύσθη
Ἡ ἐναντίον σας Ἑλλήνων ὀρμῆ.
Ἡρωα Βότσαρη, Ἡπείρου θαῦμα,
Ἵς ὅλους τοὺς Ἕλληνας ἄφησες τραῦμα,
Σῶμά σου ᾗχάσαμε, κί ὄχι ἀρεταῖς.
Ἵπαγ', ἀθάνατε, Ἵς τὰς οὐρανόους
Σκηναὺς τοῦ Πλάσου μας, με ὕμνους θείους,
Καὶ δέου πάντοτε ὑπὲρ ἡμῶν.

XXVIII.

ПЛАЧЪ ПО МАРКЪ БОТСАРИ.

Оплачемъ же, Эллыны, храбраго мужа,
Героя младаго Марка Ботсариса!
Онъ умеръ, какъ истый герой:
Да будетъ примѣромъ онъ намъ подражанья!
Коль истинно жаждемъ спасенья,
Тогда сокрушимъ мы враговъ.
Друзья! встрепенѣмтея единодушно.
Всевышній уснѣхъ ниспешлетъ:
Нетлѣнну и вѣрну побѣду!
О варвары-Турки! погибъ Марко Ботсари;
Но съ нимъ никогда не умрѣтъ
Къ вамъ наша вражда и презрѣнье.
О чудо Эпира, герой нашъ Ботсари!
Ты всѣхъ насъ кончиной своей поразилъ;
Но тѣло твое, — мы не доблесть твою потеряли;
Иди же, безсмертный, въ небесныя страны Творца.
Священный тебѣ да сопутствуетъ гимнъ,
Молися тамъ Богу за насъ.

Примѣчаніе. Я помѣщаю эту пѣснь болѣе изъ уваженія къ памяти молодаго героя возрожденной Эллады. Исторія ему обязана многимъ, смѣю сказать, лучшимъ своимъ страницамъ; она обязана ему не только какъ герою, но и какъ добродѣтельному мужу. Въ Месолонги показываютъ путешественникамъ два скромныхъ монумента; на каждомъ изображена буква Б., хотя они воздвигнуты двумъ разнымъ великимъ мужамъ: герою и поэту, Боцарису и Байрону.

★

ΜΕΡΟΣ Β'.

Τ' ΑΘΑΝΑΤΟ ΝΕΡΟ

ΠΑΡΑΜΥΘΙ ΗΘΙΚΩΤΑΤΟ.

ЧАСТЬ II.

НАРОДНАЯ СКАЗКА

О

БЕЗСМЕРТНОЙ ВОДѢ.

Я считаю моею обязанностью обстоятельно предупредить моих читателей, когда и откуда почерпнул я сказку под заглавиемъ: *Безсмертная вода*. Объясненіе съ моей стороны тѣмъ болѣе необходимо, что никто до меня не издавалъ сказокъ нынѣшнихъ Эллиновъ.

Въ 1823 году я имѣлъ случай посѣтить большую часть архипелагскихъ острововъ и приморскихъ городовъ восточной Греціи, Пелопонеса и даже Кандіи. Очень любопытно видѣть различныя племена Греціи, какъ они являются одно за другимъ архипелагскому путешественнику, какъ бы на сценѣ великаго зрѣлища, имѣющаго основаніемъ своимъ Архипелагъ, а кровомъ — небесный сводъ. Но посѣщеніе различныхъ племенъ

новой Эллады не может занимать столько иностранца, сколько природнаго Грека, понимающаго народный ихъ языкъ и духъ, что служитъ ключемъ къ уразумѣнiю народности и отличительнаго характера каждаго племени. Здѣсь я не намѣренъ описывать морскихъ приключенiй тогдашней отдаленной эпохи моей жизни, но я хочу извлечь изъ нихъ только обстоятельства, касающiяся до издаваемой мною сказки.

12-го числа Юня 1823 года я отправился съ острова *Псаръ* на греческомъ кораблѣ *Дѣлфинасъ* (*Δέλφινας*), который отсюда направлялъ свой путь къ острову Андросу. Тридцать пять человекъ обоаго пола составляли число нашихъ пассажировъ. Погода была тихая, небольшой попутный вѣтерокъ давалъ прямой и ровный ходъ нашему кораблю; но не прошли мы в пяти часовъ ровнымъ плаванiемъ, какъ вѣтерокъ началъ мало-по-малу ослабѣвать, море становилось все тише и тише и скоро намъ показалось, что нашъ корабль остановился посреди хрустальнаго необозримаго зеркала, — состоянiе, съ перваго взгляду весьма прiятное, но скоро сдѣлавшееся для насъ скучнымъ, какъ совершенно противное нашей цѣли. Время уже склонялось къ вечеру; солнце спѣшило кончить дневное поприще; атмосфера постепенно освѣжалась; пассажиры, одинъ за другимъ, выходили на палубу подышать свѣжимъ воздухомъ. Я замѣтилъ, что большая изъ нихъ часть собралась у кормы въ кучку. Любопытство и меня привлекло къ нимъ; я слышалъ какъ они обращались другъ къ другу съ просьбою разсказать что-нибудь, для развлеченiя. Мушина, среднихъ лѣтъ, котораго, какъ я слышалъ, спутники мои называли: *Кирiе Амаранте*, обѣщалъ разсказать сказку. Не долго онъ думалъ до начала разсказа, и ни разу не потеръ себя лба рукою, чтобы припомнить обстоятельства обѣщанной сказки; только разъ взялъ за кисточку свою красную *фессу* и, приподнявъ слегка, опять опустилъ её на свою маковку.

Вѣроятно, этимъ онъ освѣжилъ себѣ голову, освободивъ её отъ сжатія фессы. А что касается до физіогноміи моего рассказчика, то въ этомъ не могу удовлетворить любопытству моихъ читателей: время изгладило её изъ моей памяти; но зато я передаю его сказку собственными его словами. Сказка его очень меня занимала; онъ рассказывалъ её такъ живо, ясно и медленно, что мнѣ легко было записывать её карандашомъ и сохранить въ точности его собственные слова и выраженія, не съ намѣреніемъ издать её — этаго и на мысль мнѣ тогда не приходило, — но я любилъ съ молодыхъ лѣтъ записывать все то, что можетъ тронуть, плѣнить или, просто, занимать сердце человѣка.

Основываясь на томъ, что мой сказочникъ ѣдетъ чрезъ сидоново царство, я могъ бы, по праву, присвоенному нѣкоторыми писателями, рассказать для удовольствія моихъ читателей, нѣчто и о Тритонахъ и о морскихъ Нимфахъ, представить ихъ какъ блестящую свиту, сопутствующую колесницу Амфитриты; или описать бѣлизпу жемчужной раковины — колесницы Венеры, влекомой маленькими голубками, порхающими надъ поверхностію зыбкаго моря; можно было бы даже поднять, растревожить все царство морскихъ божествъ, окружить ими мой корабль и моего рассказчика; но я никакъ не могъ позволить себѣ ничего подобнаго; я не хотѣлъ занять моихъ читателей вымышленными картинами, ненатуральными, въ природѣ несуществующими. Иное дѣло, когда человѣкъ окруженъ цвѣтущею природою, садами, лугами, долинами, высокими горами, живописными холмиками съ пасущимися по нимъ стадами разнообразныхъ животныхъ, гдѣ все цвѣтеть, все кипитъ жизнію и гдѣ разнообразіе такъ богато, что всегда можно открыть себѣ новыя занимательнѣйшія картины, не опасаясь повторенія; но здѣсь, на этомъ кораблѣ, окруженный однообразною природою — небомъ и

Τ' ΑΘΑΝΑΤΟ ΝΕΡΟ.

“Ἀρχὴ τοῦ παραμυθιοῦ — καλὴ ὄπερα σας.”

(Κεφ. Α')

Μιά φορά ἦταν ἓνας βασιλέας πολλὰ ἐνάρετος καὶ θεοφο-
βούμενος. Ὁ λαὸς του τὸν ἀγαποῦσε σὰν πατέρα, καὶ αὐτὸς
ἀγαποῦσε τὸν λαόν του, σὰν καρδιακὰ παιδιὰ του. Ἐχθρὸς

Примѣчаніе. При изданіи этой сказки, сохранивъ весь типъ, всю простоту языка моего рассказчика, я вмѣняю себѣ въ обязанность слѣдующее объясненіе. Живой эллинскій языкъ въ устахъ народа не терпитъ буквы *ν* на концѣ словъ (а иногда и на среднѣхъ, напр.: πεθερά = πενθερά), въ нѣкоторыхъ случаяхъ; то отбрасываетъ еѣ, одну или съ соотвѣсною гласною, то прибавляетъ къ ней *ε*, какъ напр.: δίδω τιμημένω λόγω = δίδω τιμημένον λόγον; δόσε μία ματιά = δόσε μίαν ματίαν; ἔξυπνο καὶ γνωσικὸ παιδί, = ἔξυπνον καὶ γνωσικόν παιδίον; νὰ μὴν τόνε πικράνη; καὶ ρίχνι τῆ σαίτα του καὶ τῆνε σαίτεύει (см. XI пѣснь); ἔγραφ' ὅλη τὴν ἡμέρα = ἔγραφεν κтл. Издатели народныхъ ново-эллинскихъ пѣсней часто прибавляли къ нимъ эту непронишимую *ν*. Замѣтимъ здѣсь, что подобное прибавленіе отнимаетъ много живости и благозвучія въ народныхъ произведеніяхъ. Народный языкъ вытѣшнихъ Эллиновъ весьма благозвученъ; онъ языкъ музыкальный; его не

необозримымъ моремъ, — я не могу ничего представить занимательнаго, и потому я долженъ прекратить собственный рассказъ и просить моихъ читателей обратить свое любознательное вниманіе на греческую сказку моего Амарантоса, который простымъ языкомъ такъ началъ занимать своихъ сопутниковъ:

«Начало сказки; — добрый вечеръ, господа!» (*)

(Г л а в а I.)

Жилъ былъ нѣкогда одинъ добродѣтельнѣйшій и богобоязливый Царь. Народъ любилъ его какъ отца, и онъ самъ любилъ свой народъ, какъ своихъ кровныхъ дѣтей. Врагъ

нужно подчинять аттическимъ правиламъ, какъ иные неосторожно это дѣлаютъ; онъ имѣетъ свои правила и свою грамматику отдѣльно отъ языка, образующагося съ политическою жизнью возрожденной Эллады. Много служитъ къ его благозвучію и это частое отбрасываніе буквы *v*; отъ этаго значительное число словъ кончается гласными буквами. Неоспорно то, что главная гармонія италійскаго языка происходитъ отъ этаго обстоятельства, т. е. что его рѣченія оканчиваются гласными буквами. И въ древнемъ греческомъ языкѣ замѣтна нетерпимость буквы *v* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. среднія мѣстоименія: *τοῦτο*, *ἐκεῖνο*, *ἄλλο*. Въ предлогахъ *οὐ* и *ἐν* передъ согласными *μ*, *π*, *β*, *φ*, буква *v* перемѣнялась въ *μ*, напр. *οὐμυαχός*, *οὐμπαδία*, *ἐνβαίνο*, *ἐμπόρος*, *ἐμφυρός*; передъ *γ*, *κ*, *χ*, перемѣнялась въ *γ*, а передъ *ς* совсѣмъ исчезала и такъ далѣе. Еще яснѣе можно замѣтить

(*) Обыкновенное привѣтствіе въ Греціи, съ которымъ рассказчикъ обращается къ слушателямъ, при началѣ своего рассказа.

δὲν ἀποκοτοῦσε νὰ ἔμβη ἔς τὸ βασιλείου του ἐπειδὴ αὐτὸς ὁ βασιλέας, ὅσο καλὸς ἦτανε γιὰ τὸν λαόν του, τόση τρομάρα ἔπιανε τοὺς ἐχθροὺς, σὰν ἀκούανε τ' ὄνομά του. Πάντα του ἐνικοῦσε τοὺς ἐχθρούς· ἐπειδὴ ἦτανε φρόνιμος καὶ παλληκάρι ἔς τὸν πόλεμο. Ὅλοι ἐξοῦσαν ἤσυχα καὶ εὐτυχισμένα ἔς τὸ βασιλείου του, καὶ ἐπαρακαλοῦσαν τὸν Θεόν γιὰ τὴν ὑγεία τετοιανοῦ καλοῦ βασιλέα! «Ὁ Θεὸς, ἔλεγαν, νὰ κόψῃ ἀπὸ τῆς ἡμέρας μας, καὶ νὰ τοῦ δίνῃ χρόνους.» Ἐφθασ ὅμως ἓνας καιρὸς, ὅπου τὸν καλὸν αὐτόνε βασιλέα, τὸν ἐπλάκωσαν τὰ πικρὰ γεράματα ἀρρώσῃσε μιὰ φορὰ βαρεά· ὁ κόσμος ἄρχισε ν' ἀελπίζεται γιὰ τὴν ζωὴν του· ἐμαζώχθησαν ἀπ' ὅλο τὸ βασιλείου του οἱ καλλήτεροι ἰατροὶ γιὰ νὰ τότε βοηθήσουν τὸν ἐγιάτρευαν, τὸν ἐγιάτρευαν, καὶ ἰατρευμὸ δὲν εἶχε. Μιὰν ἡμέρα, ἓνα γεροντάκι ἦλθε πωρὸν — πωρὸν ἔς τὸ παλάτι, καὶ ἐζήτησε θέλημα νὰ ἰδῇ τὸν ἀρρώσο βασιλέα. Τὸ εἶπανε τῆς βασιλίσσας, καὶ ἐκείνη παρευθὺς τὸ ἔκανε γνωστὸ τ' ἀνδρός της. Δὲν ἐπέρασε πολλὴ ὥρα, καὶ ἡ θύραις ἀνοίξαν, — τέσσερες δοῦλοι, ὀλόχρυσα ἵνδυμένοι, ἐπῆραν τὸ καλὸ μας γεροντάκι, καὶ τὸ παρῆρσιάσανε ἔς τὸν ἀρρώσο βασιλέα, ὅπου ἦτανε πλαγιασμένος ἔς ἓνα μαλαματένιο κρεβάτι, σολισμένο μὲ κάθε λογῆς πλουμιδία, ἀνθρωπάκια, λουλούδια, πουλάκια, ποῦ ἠμοιάζανε σὰ ζωντανά,

---

неловкое произношеніе буквы *ν* въ слѣдующихъ народныхъ ново-эллипскихъ пословицахъ: «Τὸ καλὸ τὸ παλληκάρι ξίφει καὶ ἄλλο μονοπάτι» = «Τὸ καλὸν τὸ παλληκάριον ἡξίφει καὶ ἄλλο μονοπάτιον» — «Μὲ τὸ νοῦ βρίσκουνε τὸ Θεό» = «Μὲ τὸν νοῦν εὐρίσκουν τὸν Θεόν.» Языкъ свободно и плавно произноситъ эти пословицы въ первомъ случаѣ, т. е. съ гласными окончаніями, а при второмъ неприятно задѣваетъ за остроконечную букву *ν*. Немаловажное это обстоятельство обязало меня выкинуть совсѣмъ эту букву въ концѣ тѣхъ словъ, гдѣ языкъ ея не терпитъ и народъ не произноситъ. Я

никогда не осмѣливался вторгнуться въ его царство; ибо сколько этотъ Царь былъ добръ для своихъ подданныхъ, столько же непріатели въ сильномъ страхѣ трепетали при одномъ его имени. Онъ побѣждалъ всегда непріателей, потому-что былъ умница и молодецъ на войнѣ. Въ его царствѣ всѣ жили спокойно и счастливо и молились Богу о здоровьи такого добраго Царя! «Да отниметъ Богъ дни жизни нашей, говорили они, и да обратитъ ихъ въ годы нашему доброму Царю.» Но пришло время, когда Царя настигла горькая старость, и однажды онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. Народъ началъ отчаяваться въ его жизни; со всѣхъ концовъ государства собрались лучшіе врачи, чтобъ помочь Царю; лечили, лечили — и не могли вылечить. Въ одинъ день незнакомый старецъ пришелъ очень рано во дворецъ и просилъ позволенія видѣть Царя. Доложили объ этомъ Царицѣ, которая немедленно извѣстила о томъ и своего мужа. Спустя немного времени, растворились двери — и четверо слугъ, всѣ въ золото одѣтые, повели нашего старика и представили его больному Царю, который лежалъ на кровати, изукрашенной золотомъ и всякими узорами, изображеніями то человѣчковь, то цвѣтковь, то птичекъ, которыя издали казались живыми, такъ-что подумаешь, онѣ

её оставилъ при весьма немногихъ случаяхъ, отдѣливъ скобкою тамъ, гдѣ нужно было яснѣе показать читателю эту перемѣну. Буква *ν* означена съ подстрочною черточкою *ν*, когда она народнымъ поэтомъ прозвонится между двумя гласными, для избѣжанія какофоніи. Что же касается до знака подстрочнаго *ν*, этотъ знакъ сливается въ одинъ слогъ два разныхъ слога напр.: *ἰατρὸς* нужно читать *иатрѸсѣ*, *νιός* = нюсь, *λιανὸ* = лянѸ, *πᾶλλη-καριὰ* = палликаря; вообще этимъ знакомъ означается болѣе или менѣе ощутительное сліяніе двухъ слоговъ въ одинъ.

ἔλεγες πῶς κελαιδοῦνε. «Τί θέλεις;» ἐρώτησ' ὁ βασιλέας τὸ γεροντάκι, πολλὰ ἀγάλια, ἐπειδὴ εἶχε ἀδυνατήσει ἀπὸ τὴν ἀρρώστια. «Πολυχρονιμένε μου βασιλέα, ἀποκριθῆκε ὁ γέροντας, ξέρεις πολλὰ καλὰ, ὅτι ἀπὸ τὴν ἡμέρα ποῦ ἀρρώσησες, ὅλος ὁ λαός σου εὐρίσκεται σὲ μεγάλη ἀνησυχία τὸ ἴδιο πάσχω κ' ἐγώ. Ἐχθὲς τὸ βράδυ πολλαῖς ὥραις ἐπέρασα πλαγιασμένους, χωρὶς νὰ κλείσω μάτι. Ἐσοχάζουμουνε σὲ τί ὀρφάνια θὰ μείνωμε, ἂν σὲ χάσωμε. Ὅλη τὴν νύχτα ἐπέρασα ἔτσι, μόλις πρὸς τὰ ξημερώματα ἐσφάλισα τὰ μάτια μου, καὶ μ' ἐπῆρ' ἕνας γλυκὸς — γλυκὸς ὕπνος. Μοῦ φάνηκε, σὰν νὰ περπατοῦσα 'ς ἕνα εὐμορφο λιβάδι, ὅπου ψυχὴ δὲν ἦταν ἄλλος ἀπὸ 'μένα. Σὰ γέροντας, ὅπου εἶμαι, ἐκουράσθηκα, κ' ἐζήτησα κάμμια πέτρα νὰ καθήσω — νὰ ξαποσιάσω, ἀμμὴ δὲν ἦρα παντοῦ ἢ γῆς ἦτανε καταπράσινη. Ἐκεῖ 'ς τὰ χορταράκια ἐπλάγιασα δὲν ἐπέρασ' ὅμως πολλὴ ὥρα, κ' ἔξαφνα αἰσθάνθηκα, σὰν νὰ μ' ἐγγίξε 'ς τὴν πλάτη ἄνθρωπος μὲ τὸ χεῖρι του γυρίζω — καὶ βλέπω ἕνα παιδάκι, εὐμορφο σὰν ἀγγελόπουλο. «Σήκω, μοῦ λέγει, γέροντα, τί κάθεσαι; πήγαινε νὰ πῆς τοῦ βασιλέα σου, ἀνὰ ξεῖλη τὸ γλιγωρότερο πισὸν ἄνθρωπο, νὰ τοῦ φέρῃ τ' «ἀθάνατο νερό, νὰ τὸ πιῇ, κ' εὐθὺς θὰ γιάνῃ.» Ἐγὼ ἐκαμύρονα τὸ παιδάκι, ὅπου ἔτσι μικρὸ, κ' ἔλεγε τέτοια φρόνιμα λόγια ἀπλωσα τὰ χεῖρια μου νὰ τὸ χαϊδεύσω, εὐθὺς ὅμως ἐκεῖνο ἔγειν' ἄφαντο, κ' ἐγὼ ἔξαφνίδθηκα κ' ἐξύπησα. Πολυχρονιμένε μου βασιλέα! τόσα χρόνια ἔχω 'ς τὸν κόσμον, καὶ ποτέ μου δὲν εἶδα τέτοι' ὄνειρο! Τὸ εἶδα, σὰν νὰ 'μουνε ξύπνος, κ' ἔλαβα μεγάλη χαρὰ. Φαίνεται, ὅτι ὁ Θεὸς θέλει νὰ σοῦ δώσῃ τὴν ὑγεία σου. Θυμοῦμαι — ἤμουν ἀκόμη μικρὸς — ὅπου ἄκουσα τοὺς προεσούς μας νὰ λένε γιὰ τ' ἀθάνατο νερό, ὅτι καὶ τὸν ἀρρώστο

поютъ. «Что тебѣ надобно?» спросилъ Царь старика слабымъ голосомъ. «Царь мой многолѣтній, отвѣчалъ старецъ, тебѣ весьма хорошо извѣстно, что съ того дня, какъ ты занемогъ, весь твой народъ находится въ большомъ безпокойствѣ; то же самое терплю и я, и вчера вечернею порою нѣсколько часовъ провелъ я не смыкая глазъ. Я разсуждалъ съ самимъ собою: въ какомъ сиротствѣ мы останемся, если тебя потеряемъ. Всю ночь провелъ я съ этой думою, и лишь-только предъ разсвѣтомъ я закрылъ глаза, какъ мною овладѣлъ сладкій, сладкій сонъ. Миѣ казалось, что я прохаживаюсь по прекрасному лугу, гдѣ ни одной души не было видно, кромѣ меня. Какъ старикъ, я скоро утомился и сталъ искать удобнаго камня, чтобы присѣсть и отдохнуть; но не находилъ. Вездѣ была прекрасная зелень, и потому я легъ на муравкѣ. Спустя немного времени, я вдругъ почувствовалъ, что какъ-будто челоуѣкъ дотронулся до меня своею рукою; я обернулся и вижу маленькаго, прекраснаго, какъ ангельчикъ, мальчика. «Встань, говоритъ онъ миѣ, не время сидѣть: поди скажи «своему Царю, чтобъ онъ велѣлъ послать скорѣе върнаго «человѣка за безсмертною водою; пусть Царь её напьется — «и онъ тотчасъ выздоровѣетъ.» Любовался я мальчикомъ, который былъ такъ малъ, и говорилъ такія смѣлыя и умныя рѣчи; я простеръ руки, чтобъ его погладить, но въ одно мгновеніе исчезъ онъ — а я отъ испуга проснулся. Царь мой многолѣтній, сколько лѣтъ ни живу я на свѣтѣ, а никогда въ жизни моей не видалъ еще такого сновидѣнія; я все это видѣлъ какъ будто наяву и ощущалъ въ себѣ большую радость. Видно, Богу угодно возвратить тебѣ здоровье. Миѣ

ιατρύνει, όσο βαρεὶ ἀρρώστια κί ἂν ἔχη, καὶ τῆ ζωῆ τ' ἀνθρώπου γλυτόνει ἀπ' τὸ θάνατο. Τί μεγαλύτερη εὐτυχία ἤμπορεῖ νὰ γένη γιὰ τὸ λαό σου! Ἡ δύναμις σου εἶναι μεγάλη, ἀνθρώπους πισοὺς ἔχεις, ὅπου ξέρον ὅλα τὰ κατατόπια. Ὁ ἄνθρωπος ἐρωτῶντας ἤμπορεῖ νὰ εὖρη καὶ τὴν ἄκρη τοῦ κόσμου.»

Ἔτσι μίλησε τὸ γεροντάκι ἀκουμβῶντας ἔς τὸ ραβδάκι του. Ὁ βασιλέας πολὺ ἐχάρηκε βλέποντας τὴν ἀγάπη ὅπου τοῦ εἶχε ὁ λαός του. Εὐχαρίστησε πολὺ τὸν γέροντα, ἐπρόσβαξε νὰ τοῦ χαρίσουνε μιὰ φορεσιὰ ρούχα ὀλοκαίνουρι ἀπ' τὸ ψαλίδι, καὶ τοῦ ἔδωκε τὴν ἄδεια ἔς τὸ ἔξῃς νὰ ἐμβαίη ἐλεύθερα εἰς τὸ παλάτι του. Τὸ γεροντάκι ἀπ' τὴ χαρὰ του ἐπετοῦς ἐβγαίνοντας ἀπὸ τὸ παλάτι. Ὁ βασιλέας ἔσειλ' εὐθύς κ' ἔκραξε τὴ βασίλισσα καὶ τὸν υἱό του, καὶ τοὺς ἐδιηγήθηκε ὅλα, ὅσα τοῦ εἶπε τὸ γεροντάκι. Μόλις τὸ βασιλόπουλο ἄκουσ' ὅτ' ἦταν ἀκόμη ἐλπίδα νὰ ἰδῆ τὸν πατέρα του γερό, ἐδάκρυσ' ἀπ' τὴ χαρὰ του, καὶ, «Δὲ χρειάζεται, εἶπε, πατέρα μου, νὰ στείλῃς ἄλλοι γιὰ τ' ἀθάνατο νερό. Κάνενας ἄλλος ἀπὸ μένα δὲν ἔχει μεγαλύτερο χρέος νὰ νοιασθῆ γιὰ τὴν ὑγεία σου πρόσβαξε μόνε, νὰ μοῦ δώσουν ἕνα ἀπὸ τὰ καλλίτερ ἄλογα, καὶ πισὸ δοῦλο. Ἐγὼ τώρα εὐθύς μισεῖω. Στοχάζομαι ὅμως ὅτι εἶναι ἀνάγκη πρῶτα νὰ πάγω ἔς τὸν ἀδελφὸ τῆς μάνας μου, ὅπου τώρα βασιλεύει σὲ δώδεκα βασιλεία. Ὅλα αὐτὰ τὰ βασιλεία τ' ἀπόκτησε μὲ τὴ γνῶσι του ἐπειδὴ εἶναι κοσμογυρισμένος, καὶ ξέρει ὅλαις τῆς τέχναις τοῦ κόσμου. Αὐτὸς μοῦ δείχνει, τί δρόμο πρέπει νὰ πάρω γιὰ τ' ἀθάνατο

помнится, что когда я еще былъ малъ, я слыхалъ отъ старожилловъ, что безсмертная вода и большаго вымечиваетъ, какъ бы ни была опасна его болѣзнь, и предохраняетъ жизнь чловѣка отъ смерти. Какое счастье можетъ быть лучше этаго для твоего народа!! Твоя же сила велика, ты имѣешь и вѣрныхъ людей, которые знаютъ всѣ мѣста и всю подпоготную въ мѣрѣ. Съ разспросами чловѣкъ можетъ найти и край свѣта.»

Такъ говорилъ старикъ, опираясь на свой посохъ. Царь очень обрадовался, видя любовь, которую питалъ къ нему его народъ. Царь благодарилъ много старика, велѣлъ наградить его новою, только-что съ иглочки, одеждою и дозволилъ ему впредь свободный доступъ къ себѣ во дворецъ. Старикъ, выходя изъ дворца, летѣлъ отъ радости. Царь тотчасъ послалъ за Царицею и сыномъ своимъ и рассказалъ имъ все, что слышалъ отъ старика. Царевичъ прослезился отъ радости, когда узналъ, что еще есть надежда видѣть здоровымъ своего отца. «Родитель мой! сказалъ онъ ему, нѣтъ пужды посылать тебѣ другаго за безсмертною водою. Никто болѣе меня не долженъ заботиться о твоёмъ здоровьи: прикажи только дать мнѣ одного изъ лучшихъ коней, да вѣрнаго слугу. Я немедленно отправлюсь; но думаю, что мнѣ необходимо будетъ сперва заѣхать къ брату моей матери, который теперъ царствуетъ въ двѣнадцати царствахъ. Всѣ эти царства онъ приобрѣлъ своимъ умомъ; ибо долго странствовалъ по бѣлу свѣту и знаетъ всѣ искусства, какія только есть въ мѣрѣ. Онъ мнѣ скажетъ, какую я долженъ избрать дорогу къ безсмертной водѣ.» Хотя Царь и очень любилъ

νερό. Ἀγκαλιὰ καὶ ὁ βασιλέας ἀγαποῦσε πολὺ τὸν υἱὸ του, ὄχι τόσο γιὰ τὸν εἶχε μονάκριβο, ὅσο γιὰ τὸν εἶχε ὅλαις τῆς χάρις, ὅπου σολλίζουεν ἕνα καλὸ παιδί· ἐθυμήθηκε ὁμως τὰ λόγια τοῦ γέροντα, ὅπου τοῦ εἶπε νὰ ζεῖλη πιστὸν ἄνθρωπο καὶ πιστότερον ἀπὸ τὸν υἱὸ του δὲν ἤμποροῦσε νὰ εὕρη. Ὅθεν ἀποφάσισε νὰ τὸν ὑπερηθῆ γιὰ ἄλιγον καιρὸ. Τοῦ ἔδωκε τὸ ἴδιόν του ἄλλογο, ὅπου καλῆτερο δὲν εὐρίσκουτανε ἔς τὴν Οἰκουμένην, καὶ τὸν πλειὸ πιστὸν ἀπὸ τοὺς ἀνθρώπους του, σύντροφο ἔς τὸ ταξίδι του.

Τὸ βασιλόπουλο ἐπῆγε νὰ ἴδῃ τοὺς φίλους του, καὶ νὰ τοὺς ἀφήσῃ ἄγρια. Τέλος πάντων, ἀποχαιρετήθη καὶ μετὰ τοὺς γονεῖς του, καὶ ἦταν ἔτοιμο νὰ ἀναίβῃ ἔς τὸ ἄλλογόν του, καὶ νὰ ἀρχίσῃ τὸ ταξίδι του ἀμμη ἕξαφνα ἤλθε ἔς τὸν νοῦ του μιὰ καλὴ συμβουλή τῆς μάνας του, ὅπου, ἀπὸ μικρὸς, συχνὰ — συχνὰ ἄκουε ἀπὸ τὸ στόμα τῆς. Ἡ φρόνιμη μητέρα, κάθε ἡμέρα καὶ κάθε ὥρα σχεδὸν, ἔλεγε τὴν ἀκριβοῦ τῆς «Παιδί μου! εὐχὴ γονέων ἔπαρε καὶ σὲ βουνὸν ἀναίβα.» Ἀγκαλιὰ καὶ οἱ καλοὶ γονεῖς, ἀποχαιρετῶντας τὸν υἱὸν τους, πολλὴν ὥρα τὸν εἶχαν ἀγκαλιασμένον, καὶ τὸν ἐβρέχανε μετὰ τὰ δάκρυά τους, ἀπὸ τὴν μεγάλην τους ὁμως πίκραν, ὅπου πρώτη φορὰ ἔπρεπε νὰ ἀποχωρισθοῦνε μετὰ τὸν ἀκριβὸν τους, ἀπομωρώθησαν καὶ δὲν ἐνώσανε, πῶς αὐτὸς ἔφυγε ἀπὸ τῆς ἀγκάλαις τους, χωρὶς νὰ πάρῃ τὴν εὐχὴν τους. Τὸ βασιλόπουλο ἐκείνη τὴν στιγμήν ἐσκυψε τὸ κεφάλι του, καὶ ἔτσι ἔλεγε μέσα του «Τὴν ἐντροπὴν ἔς ἐμένα, ὅπου εἶμι βασιλόπουλο, νὰ λησμονήσω ἐκεῖνο τὸ χρέος, ὅπου καὶ οἱ ἄλλοι ἄνθρωποι πολλὰ καλὰ τὸ γνωρίζουεν, καὶ συχνὰ τὸ λένε ἔς τὰ παιδιά τους· «Εὐχὴ γονέων ἔπαρε καὶ σὲ βουνὸν ἀναίβα.» Ἔτσι τὸ βασιλόπουλο

своего сына, и не столько за то, что онъ у него былъ одинъ-одинёхонекъ, сколько за всѣ его качества, украшающія добраго сына; однако же онъ вспомнилъ слова старика, который, толкуя свое сповидѣніе, совѣтовалъ послать вѣрнаго челоуѣка; а вѣрибе своего сына, онъ ничего не могъ пайти. И такъ, онъ рѣшился разстаться съ нимъ на короткое время. Онъ далъ ему своего коня, лучше котораго не было въ цѣломъ свѣтѣ, и самага вѣрнаго изъ своихъ людей въ спутники.

Царевичъ еще разъ пошелъ повидаться съ своими друзьями и распрощаться съ ними. Наконецъ, онъ простился съ своими родителями, и былъ уже готовъ сѣсть на коня и начать свое путешествіе, какъ вдругъ пришелъ ему на мысль тотъ добрый совѣтъ, который онъ съ малолѣтства привыкъ такъ часто слышать изъ устъ матери. Каждый Божій день и каждый часъ умная мать повторяла своему дорогому сыну: «Дитя мое! передъ каждымъ дѣломъ, если возьмешь родительское благословеніе, тогда и крутая гора — поляна предъ тобою.» Хотя родители при прощаніи долго держали въ объятіяхъ своего дражайшаго сыночка, орошая его слезами, но отъ великой печали, что въ первый разъ они должны были разстаться съ нимъ, не могли еще почувствоваться, какъ ихъ сызъ уже ускользнулъ изъ ихъ объятій, не получивъ отъ нихъ благословенія. Царевичъ остановился на минуту и, склонивъ голову, шепталъ про себя: «Какой стыдъ мнѣ, Царевичу, забыть такой долгъ, который и простые люди хорошо знаютъ и частёхонько повторяютъ его своимъ дѣтямъ: *«Съ родительскимъ благословеніемъ хоть на крутую го-*

*

ἐσυλλογίζονταν ἐκεῖνη τῇ στιγμή, καὶ οἱ ἄνθρωποι, ὅπου ἔξέκουντανε τριγύρω του, ἀπορούσανε τῇ μεγάλῃ του συλλογῇ· ἔπειτα ἐσήκωσε τὸ κεφάλι του, ἐπρόξασε τὸ δοῦλο του νὰ κρατήσῃ τὰ χαλινάρια τ' ἄλογου του, καὶ παρευθὺς ἀνέβηκε ἔς τὸ παλάτι, ἐπῆρε τὴν εὐχὴ τοῦ πατέρα του καὶ τῆς μάννας του, καὶ, χωρὶς νὰ χάσῃ καιρὸν, ἐκατέβηκε πάλι, ἤλθ' ἐκεῖ ποῦ τὸν ἐπροσμένανε, ἐκάθησε ἔς τ' ἄλόγόν του, καὶ ἐκίνησε ἔς τὸ δρόμον του.

Δὲν ἔκαμε πολλὰ πατήματα, καὶ πάλ' ἐθυμήθηκε τὰ ἴδια λόγια τῆς μάννας του ἀμμὴ ἐτότες ἢ καρδιά του ἦταν ἡσυχὴ ἐπειδ' εἶχε πλέον μαζί του τὴν εὐχὴ της. Μέρα καὶ νύχτα ἐταξείδευε, ἐπερνοῦσε βουνὰ, κάμπους, λιβάδια, δάση, λόγγους, ἐρημιαῖς, χωριά, πολιτείας· βασιλεία ὀλόκληρα ἔπρεπε νὰ διαβῆ, ὡς νὰ φθάσῃ ἔς τὸν ἀδελφὸν τῆς μάννας του. Παντοῦ ἐρωτοῦσε γιὰ τ' ἀθάνατον νερὸν πολλοὺς ὁμως κόπους καὶ δυσκολίας, τοῦ ἔλεγαν, ὅτι πρέπει νὰ ὑποφέρῃ, ὡς νὰ τὸ εὔρη. Οἱ νέοι μάλιστα ἐπεριγελοῦσανε τὸ σκοπὸν τοῦ ἀμμὴ οἱ φρόνιμοι γέροντες ἔτσι ἔλεγαν τοῦ βασιλοπούλου· «Παιδί εὐλογημένο! ἂν ἦναι καὶ δύσκολο τὸ ζήτημά σου, ὁ Θεὸς ὁμως θὰ τὸ εὐλογήσῃ γιὰ δυὸ αἰτίαι· ἢ μιὰ αἰτία εἶναι, ἐπειδὴ κινδυνεύεις γιὰ τὸν πατέρα σου, καὶ ἢ ἄλλη, ἐπειδὴ βασανίζεσαι γιὰ τὴν εὐτυχία ὅλου τοῦ λαοῦ, ὅπου βασιλεύει ὁ καλὸς πατέρας σου.» Τέλος πάντων ἔφθασε ἔς τὸ συγγενὴ του βασιλέα. Κοντολογῆς ἐφανέρωσε τὸ σκοπὸν του. «Ὁ πατέρας μου, τοῦ εἶπε, κινδυνεύει νὰ παιτάνῃ, κανένα ἰατρικὸν δὲν ἠμπόρεσε νὰ τόνε βοηθήσῃ· ἓνας φρόνιμος καὶ θεοφοβούμενος γέροντας ἄκουσε ἔς τ' ὄνειρόν του ἀπὸ τὸ ζῶμα ἐνοῦς ἀθώου παιδιοῦ, ὅπου ἴμοιαζε σὺν ἀγγελόπουλο,

ру! (*)» Такъ размышляя въ ту минуту Царевичъ и люди, которые стояли вокругъ его, удивлялись, что онъ остановился въ великой задумчивости; но онъ, приподнявъ голову, велѣлъ своему слугѣ подержать за узду лошадь и въ одинъ мигъ взбѣжалъ наверхъ — во дворецъ, получилъ благословеніе и, не теряя времени, сошелъ опять внизъ, явился на то мѣсто, гдѣ его ожидали, сѣлъ на своего коня и отправился въ путь-дороженьку.

Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ вспомнилъ опять тѣ же слова матери; но тогда сердце его было спокойно: онъ уже, имѣя съ собою родительское благословеніе. День и ночь ѣхалъ онъ; проѣзжалъ горы, поля, луга, лѣса, пустыни, села, города; и цѣлыя царства онъ долженъ былъ проѣхать для свиданія съ братомъ своей матери. Вездѣ разспрашивалъ онъ о безсмертной водѣ, но ему всегда представляли большія затрудненія, говоря, что много еще предстоитъ трудовъ и опасностей на пути къ безсмертной водѣ. Молодые люди даже смѣялись надъ его предпріятіемъ; но умные старики такъ говорили Царевичу: «Сынъ добрый, хотя и трудно твое предпріятіе, но Богъ благословитъ тебѣ его по двумъ причинамъ: первая, что ты подвергаешься опасности изъ-за своего отца, а другая, что терпишь для счастья всего народа, гдѣ царствуетъ твой добрый отецъ.» — Наконецъ онъ пріѣхалъ къ родному Царю. Въ краткихъ словахъ онъ объявилъ ему цель своего пріѣзда: «Отецъ мой, сказалъ онъ ему, въ опасности смерти и никакое леченіе не могло ему

(*) Греческая пословица.

ὅτι μόνη τ' ἀθάνατο νερό ἤμπορεῖ νὰ ἰατρεύῃ τον πατέρα μου, καὶ νὰ ξείλῃ τὸ γλιγωρότερο νὰ τὸ ζητήσῃ. Καὶ νὰ, ὁποῦ μ' ἐξεῖλ' ἐμένα νὰ σ' ἐρωτήσω, τί πρέπει νὰ κάνω; ποῦ καὶ πῶς πρέπει νὰ ζητήσω τ' ἀθάνατο νερό;» Αὐτὸς ὁ βασιλεὺς τέτοι' ἀπόκρισι εἶδωκε τοῦ βασιλόπουλου. «Παιδί μου, τοῦ εἶπε, εἶσαι πολὺ νέος, καὶ ὁ δρόμος εἶναι μεγάλος· πρέπει νὰ περάσῃς ὅλα τὰ βασιλείά μου, κ' ἀκόμη σοῦ μένει ἑφτά 'μέραις δρόμος, ὡς ἐκεῖ 'ποῦ τρέχει τ' ἀθάνατο νερό. Ἐφτά 'μέραις δρόμο θα περάσῃς μέσ' ἀπὸ θηρία φαρμακερὰ, λογιῆς — λογιῆς, κ' ἔπειτα φθάνεις 'ς τὴν ἄκρη τοῦ κόσμου. Ἐκεῖ ζέκονται δυὸ βουνὰ ὑψηλὰ — ὑψηλὰ, σοῦ φαίνονται πῶς ἐγγιζοῦνε τὸν οὐρανὸ· κ' ἄλλο δὲν κάνουνε, παρὰ ν' ἀνοίγοκλειοῦνε· κάθε ξιγμὴ ἀνοίγουνε καὶ σφαιλοῦνε. Ἄν κατορθώσῃς καὶ περάσῃς αὐτὰ τὰ βουνὰ, πρῶτο προῶγμα ὁποῦ βλέπεις, εἶναι ἓνα δένδρο, ὁποῦ, ἂν σοῦ τὸ παρομοιάσω με τὰ 'δικά μας δένδρα, μοιάζει σὰ ροδιὰ, ὅλη γεμάτη 'ς τ' ἄνθη, τὰ φύλλα της ἀσφάφτουνε, καὶ μέσ' ἀπὸ τὰ ροδοκόκκινὰ της ἄνθη, σὰν ἀπὸ χιλιάδες κοράλλιναις βουσοῦλαις, τρέχει τ' ἀθάνατο νερό. Ἐκεῖ εἶναι ὁ μεγαλῆτερος κίνδυνος, ὁποῦ θὲ ν' ἀπαντήσῃς. Ὅταν ἀνοίγουνε τὰ βουνὰ, τὸ μάτι σου γελιέται, σοῦ φαίνεται ὅτι προφθαίνεις νὰ περάσῃς· κ' ἐτότες δὲ τὰ βουνὰ σὲ πλακόνουνε, καὶ χάνεσαι γιὰ πάντα. Πολλοὶ μεγάλοι ἄνθρωποι καὶ βασιλεῖς παλληκαράδες ἐχάθησαν ἐκεῖ, ἐλπίζοντας 'ς τὰ γλιγοῦρα καὶ βαρβάρτα τους ἄλογα. Αὐτ' ἀκουσ' ἀπὸ τοὺς γέροντάς μας. Εἰς τὸν καιρὸ τους, μ' ἔλεγαν, ἓνας ἥρωας, ὁποῦ εἶχε κάνει πολλὰς παλληκαριὰς, ἐκατώρθωσε νὰ περάσῃ καὶ τὰ βουνὰ, ἐφθασε 'ς τ' ἀθάνατο δένδρο, ἀμμη 'ς τὸ γυρισμὸ, ἐβγαίνοντας πρὸς τὸ τέλος, τὰ

помочь; одинъ умный и богобоязливый старикъ слышалъ во снѣ своемъ изъ устъ невиннаго дитяти, которое похоже было на ангельчика, что одна только безсмертная вода можетъ спасти моего отца. И вотъ онъ послалъ меня спросить у тебя, что мнѣ должно дѣлать, гдѣ и какъ долженъ я искать безсмертную воду.» Этотъ Царь такой отвѣтъ далъ Царевичу: «Сынъ мой, сказалъ онъ, ты очень молодъ, а дорога велика: надо тебѣ проѣхать всѣ мои царства, и тогда еще тебѣ останется пути на семь дней до того мѣста, гдѣ течетъ безсмертная вода. Семь дней ты долженъ ѣхать, пробираясь между дикими звѣрями разнаго рода и тогда-то уже пріѣдешь на край свѣта. Тамъ стоятъ двѣ высочайшія горы, которыя, кажется, будто касаются неба. Онѣ безпрестанно, то раздвигаются, то смыкаются между собою; каждую минуту расходятся и сходятся. Успѣвъ быстро пробраться межъ этихъ горъ, первое, что ты встрѣтишь, будетъ дерево, которое похоже на нашу гранатовую яблоню; все оно покрыто цвѣтомъ, листья его сверкають переливами, а изъ его багрянаго цвѣта, какъ-будто изъ тысячи коралловыхъ крановъ, струится безсмертная вода. Тамъ-то самая великая опасность, какую только ты можешь встрѣтить! Въ ту минуту, когда расходятся горы, глазъ твой тебя обманываетъ и тебѣ кажется, что ты успѣешь пробраться промежъ нихъ: но въ это-то время горы надъ тобою сдвинутся — и ты погибнешь навсегда. Многіе великіе люди и Цари-удальцы погибли тамъ, надѣясь на своихъ ретивыхъ коней. Все это я слышалъ отъ нашихъ стариковъ. Въ ихъ время, сказывали они мнѣ, какому-то герою, который

βουνά είχανε τόσο ζυγώσει, όπου παρὰ τρίχα νὰ τόνε ζουπίσουνε ἔς εκείνη τὴν τρομερὴ σιγμῇ, γιὰ νὰ ἐλαφρωθῆ ἀπὸ τὸ βάρος καὶ νὰ γλιωρεύσῃ τὸ τρέξιμο τ' ἀλόγου του, ἔρριψε τὸ λαγῆμι μὲ τ' ἀθάνατο νερὸ, καὶ μόλις ἐπρόφθασε νὰ ἴβγῃ καταξεσχισμένος καὶ καταζουλισμένος. Ὀλίγαις ἡμέραις ἔζησ' ἔπειτα, καὶ ὁ κόσμος ἐπηγαίνανε ἔς αὐτόνε νὰ μάθουνε, τὸ τί εἶδε, καὶ τὸ τί ἄκουσε περναῖντας τὰ βουνά. Τόσο ξέρω, καὶ τόσο σοῦ λέγω, παιδί μου· νὰ σ' ἐμποδίσω ἀπ' τὸ σκοπὸ σου, δὲν τὸ κάνω, ἐπειδὴ ποῖός ἤξερει, τί εἶναι γραμμένο τοῦ καθενὸς εἰς τὸ βιβλίον τῆς τύχης του.

Τὸ βασιλόπουλο κατάκαρδα ἐλυπήθηκε, ἀκούοντας τέτοιαις μεγάλαις δυσκολίαις· χωρὶς ὅμως νὰ χάσῃ τὸ θάρρος του, εἶπε· «Ἐγὼ δέ(ν φοβοῦμαι οὔτε κόπους, οὔτε κινδύνους, ὅσο μεγάλοι κί ἂν ἦναι· ἕνα πρᾶγμα μόνε μοῦ δίνει ἀνησυχία· μὴ δὲν προφθάσω τὸν πατέρα μου ζωντανὸ, καὶ πᾶν οἱ κόποι μου τοῦ κάκου· γιὰ τοῦτο δὲ δὲν πρέπει νὰ χάνω καιρὸ, οὔτε μιὰ σιγμῇ.» Ἐν τῷ ἅμα λοιπὸν ἀποχαιρετήθηκε μὲ τὸ συγγενῆ του βασιλέα, κ' ἐκίνησ' ἐμπρός.

Ἰμέρα καὶ νύχτα ἐταξείδευε, πούθενά δὲν ἐσαματοῦσε· πολλαῖς φοραῖς ἐξεχνουῖσε καὶ τὸν ὕπνο καὶ τὸ φαγί· σὰν ἀσφατὴ ἐπερνοῦσ' ἀπὸ βασιλεῖο σὲ βασιλεῖο· καὶ ποῦ νὰ διηγηθῶ τὰ ὅσα εἶδε, καὶ τὰ ὅσα ἐπέρυσε τὸ βασιλόπουλο ἔς

совершилъ много славныхъ подвиговъ, удалось проникнуть межъ этихъ горъ. Уже онъ достигъ безсмертнаго дерева, уже наполнилъ свой сосудъ безсмертною водою, уже онъ начиналъ оттуда обратный путь, какъ вдругъ, при самомъ выходѣ, горы такъ близко сошлись, что на волосокъ только недоставало имъ сдвинуть его; въ это страшное для него мгновеніе, чтобы болѣе облегчить себя отъ тяжести и ускорить шагъ своего коня, онъ бросилъ кувшинъ съ безсмертною водою, и, весь оборванный и подавленный, едва успѣлъ вырваться изъ опасности. Послѣ этаго онъ прожилъ еще немного дней, и въ это время всѣ ходили къ нему узнавать, что онъ видѣлъ и слышалъ за тѣми горами. Вотъ, дитя мое, я сказалъ тебѣ все, что только знаю объ этомъ; удерживать тебя отъ твоего намѣренія я не рѣшаюсь, ибо кто можетъ знать, что каждому написано въ книгѣ судебъ.»

Царевичъ внутренно опечалился, услышавъ о такихъ большихъ трудностяхъ, но не терялъ духа. «Я не страшусь, сказалъ онъ, ни трудовъ, ни опасностей, какъ бы они велики ни были; одно лишь только меня беспокоитъ: боюсь, что не успѣю застать въ-живыхъ моего родителя; тогда всѣ труды мои будутъ напрасны; и потому я не долженъ терять ни одной минуты времени.» Царевичъ тутъ же простился съ родственникомъ-Царемъ и отправился впередъ.

День и ночь ѣхалъ онъ, нигдѣ не останавливаясь; часто забывалъ онъ и сонъ и пищу; какъ молнія, быстро переѣзжалъ изъ царства въ царство; и гдѣ мнѣ все рассказать, что видѣлъ Царевичъ и что случилось съ нимъ въ его столь

ἓνα τόσο μακρυνό, καὶ τόσο γλίγωρο ταξίδι. Ὅταν ἐφθάσ' ὁμως ἔς τὸ ὑψεινὸν βασίλειο, ἐσοχάσθηκε ὅτι ἔπρεπε ν' ἀρμιατωθῆ καλῆτερα, γιατί ἀπὸ ἐκεῖ ἄρχιζ' ὁ δρόμος, ὅπου ἦτανε γεμάτος ἀπὸ φαρμακερὰ θηρία ἦταν ἀκόμη καὶ πολλὰ κουρασμένοι ἀπὸ τοὺς πολλοὺς κόπους, καὶ εἶχε ἀνάγκη νὰ κονεύσῃ σὲ κανένα μέρος· ἀμμή οὔτε χώρα, οὔτε χωριὸ πουθενὰ δὲν ἔβλεπε· ὁ δρόμος του ἔφερνε μὲς' ἀπὸ δάσος, ὅπου ψυχὴ ἄνθρωπος δὲν εἰφαίνοντανε. Πολλὴ ὥρα ἐπερπατοῦσ' ἀποκάτ' ἀπὸ δένδρα, τόσο παλαιὰ καὶ πυκνὰ καὶ φουντωτὰ, ὅπου φαίνοντανε σὰν νύχτα, ἀπ' τὸ πολὺ σκοτάδι. Ἐκεῖ ἄλλο δὲν ἄκουες παρὰ τὰ θειρὰ νὰ μουγγρίζουνε ἔς τῆς σπηλαιῶν τους. Τρομάρα ἔπιανε τὸν ἄνθρωπο ν' ἀκούῃ τὸ θόρυβο τῶν θειρῶν, ὅπου περνούσανε μὲς' ἀπὸ τὰ κλαδιά· τὰ μάτια τους ἐγυαλοκοπούσανε, καὶ σοῦ φαίνοντανε σὰν νὰ βλέπῃς ὑσπίθαις ἐδῶ κ' ἐκεῖ νὰ πετοῦνε ἔς τὸ σκοτάδι. Τὸ βασιλόπουλο μὲ τὸ σπαθὶ ξεγυμνωμένο ἔτρεχε πρὸς ἐκεῖνο τὸ μέρος τοῦ δάσους, ὅπου εἰφαίνοντανε, σὰν ἄρχιζε νὰ μωροφέγγῃ. Ὁ ἰδρωτὰς του ἔρῃε ποτάμι δὲν ἐπρόφθασ' ὁμως νὰ κάμῃ ἀκόμη μερικὰ πατήματα, κ' ἔξαφνα δυὸ — τρεῖς ἀκτῖνες τοῦ ἡλίου ἐγλίωσανε μὲς' ἀπὸ μυριάδες φύλλα, κ' ἐχτύπησαν τὰ ἴσα μὲς' τὰ μάτια τ' ἀλόγου του. Τὸ ζῶο ἐξαφνίσθηκε, καὶ μετὰ κάμποσ' ἄτακτα πηδήματα, ἄρχισε νὰ τρέχῃ μὲ ὄρμη, ὥσε ποῦ πέρασ' ὅλο τὸ δάσος. Ἐδῶ τώρα τὸ βασιλόπουλο ἐβγήκε σὲ μιὰ πεδιάδ' ἀνοιχτῆ, ὅσο φθάνει τὸ μάτι τ' ἀνθρώπου.

дальнемъ и скоромъ путешествіи! Но наконецъ, когда онъ пріѣхалъ къ послѣднему царству, то счелъ необходимымъ получше вооружиться, ибо оттуда уже начинался такой путь, который наполненъ былъ ядовитыми звѣрями; къ тому же онъ былъ очень утомленъ безчисленными трудами, и ему хотѣлось на-время гдѣ-нибудь остановиться и отдохнуть; но на пути нигдѣ не было видно ни города, ни деревни; дорога пробиралась сквозь лѣсъ, гдѣ также не было ни одной души. Долго ѣхалъ онъ между деревьевъ, которыя были такъ стары и такъ вѣтвисты, что темнота отъ нихъ казалась ночью. Тамъ слышенъ былъ одинъ только ревъ дикихъ звѣрей, который раздавался изъ ихъ логовищъ. Страшно было слышать пробирающихся промежъ деревьевъ звѣрей, которые потому только были замѣтны, что ихъ сверкающіе глаза казались во мракѣ летающими искрами. Царевичъ, съ обнаженнымъ мечемъ, ѣхалъ въ молчаніи, направляя свой путь къ той сторонѣ лѣса, гдѣ въ густомъ мракѣ, казалось ему, мелькнулъ свѣтъ. Потъ ручьями съ него катился; онъ проѣхалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, — вдругъ два-три солнечные луча проскользнули сквозь мѣріяды древесныхъ листьевъ и прямо ударили въ глаза его коню. Животное содрогнулось и, послѣ нѣсколькихъ неправильныхъ скачковъ, пустилось бѣжать во всю прыть дотѣхъ-поръ, пока не оставило за собою лѣса. И вотъ Царевичъ выѣхалъ на открытую поляну, которая простиралась предъ нимъ на столько пространства, сколько можетъ обнять во-кругъ себя глазъ человѣческій.

Τὸ βασιλόπουλο ἔμειν ἑκκατὶκὸν, βλέποντας καταμεσῆς ἐκείνης τῆς πεδιάδας ἕνα ὠραιότατο παλάτι. Τρέχει, σὰ διψασμένος, πρὸς ἐκεῖνο τὸ μέρος, ζυγόνει ἔς τὸ παλάτι, καὶ πρῶτος ἄνθρωπος, ποῦ εἶδανε τὰ μάτια του, ἦτανε μιὰ κόρη, ὅπου ἐκάθητο ἔς τὸ παραθύρι, καὶ φαίνοντανε σὰν νὰ μιλοῦσε μὲ τὸ περιζεράκι, ὅπου ἐκρατοῦσε ἔς τὰ χέρια της, καὶ συχνὰ — συχνὰ τὸ χαίδευε. Ἀπὸ δώδεκα βασιλεία εἶχε διαβῆ ὡς τώρα τὸ βασιλόπουλο, καὶ πουθενὰ δὲν εἶχε ἰδεῖ τέτοια κάλλη ἢ εὐμορφιὰ αὐτῆς τῆς κόρης τοῦ σκότισε τὸν νοῦν, τοῦ σκλάβωσε τὴν καρδιά. Ἡ κόρη ἔγειν ἄφρατη, ὅταν ἐπαυτῆρησε τοὺς δυὸ ξένους. Τὸ βασιλόπουλο ἔσειλε τὸν ἄνθρωπό του νὰ ρωτήσῃ, ἂν δίνουνε τὴν ἄδεια σὲ δυὸ ξένους νὰ κονέψουν ἐκεῖ. Ὁ δοῦλος δὲν ἐπρόφθασ' ἀκόμη νὰ κἀνῃ τὸ θέλημα τοῦ βασιλόπουλου, κι' ἀπὸ τὸ παλάτι ἐβγήκ' ἕνας ἄνθρωπος μεσόκοπος, ἐζύγωσε ἔς τὸ βασιλόπουλο, καὶ μὲ ταπεινῶσι καὶ καλωσύνη ἔτσι τοῦ εἶπε: «Ἀπὸ τὰ φορέματά σου βλέπω ὅτι εἶσαι ξένος, καὶ σὲ παρκαλῶ ν' ἀναπαυθῆς ἔς τὸ σπητι μου.» Τὸ βασιλόπουλο εὐχαρίστησε, καὶ μὲ καρδιά γεμάτη ἀπὸ χαρὰ ἀκολούθησε τὸν ἀγνώριστον ἄνθρωπο. Αὐτὸς ὁ ἄνθρωπος ἦταν ὁ πατέρας τῆς ὠραίας κόρης, ὅπου εἶδε τὸ βασιλόπουλο ἔς τὸ παραθύρι. Πρῶτα ἦτανε πτωχὸς καὶ δυστυχῆς· ἔκανε τὸν κυνηγὸν γιὰ νὰ ζήσῃ, καὶ, μὴν ἔχοντας ποῦ νὰ ξενυχτίξῃ, ἔκτισε μιὰ μικρὴ καλύβα σιμὰ ἔς ἐκεῖνο τὸ δάσος. Ἐκεῖ ἐζοῦσε μὲ τὴ γυναικὰ του πολλὰ πτωχικὰ, καὶ πολλὰ τιμημένα. Κάθε τάχῃ ἐπήγαινε ἔς τὴν πολιτείαν, ὅπου δὲν ἦτανε πολὺ μακρὰ ἀπὸ τὴν καλύβαν του, νὰ πουλήσῃ τὸ κυνήγι του, ἀμμὴ πολλὰ ὀλίγ' ἄσπρα ἔφερονε ἔς τὸ σπητάκι του, ἐπειδὴ τὰ περισσότερα τὰ μοίραζε ἔς τοὺς

Царевичъ съ изумленіемъ увидѣлъ посреди этой поляны великолѣпный дворецъ. Подобно человѣку, который, томясь жаждою, спѣшитъ къ водѣ, устремляется онъ къ тому мѣсту, приближается ко дворцу — и первый человѣкъ, котораго увидѣли его глаза, была дѣва, сидѣвшая у окна. Казалось, будто она разговаривала съ голубкомъ, котораго держала на рукахъ своихъ и частѣхонько гладила. Черезъ двѣнадцать царствъ проѣзжалъ доселѣ Царевичъ, но нигдѣ не видалъ такой прелестной дѣвицы; ея красота омрачила его умъ и плѣнила его сердце. Дѣва исчезла въ одинъ мигъ, какъ скоро замѣтила приближающихся двухъ чужеземцевъ. Царевичъ послалъ своего человѣка спросить: не позволятъ ли остановиться тамъ двумъ проѣзжимъ. Слуга не успѣлъ еще исполнить воли Царевича, какъ уже изъ дворца вышелъ человѣкъ, среднихъ лѣтъ, подошелъ съ скромнымъ видомъ къ Царевичу и вѣжливо сказалъ ему: «Судя по твоей одеждѣ, я догадываюсь, что ты чужеземецъ, и потому прошу тебя отдохнуть въ моемъ домѣ.» Царевичъ поблагодарилъ его и съ радостнымъ сердцемъ послѣдовалъ за незнакомцемъ. Этотъ незнакомецъ былъ отецъ той прелестной дѣвы, которую Царевичъ завидѣлъ у окна. Сначала онъ былъ бѣденъ и несчастливъ, занимался охотою, чтобы доставить себѣ пропитаніе и, не имѣя безопаснаго мѣста для своего ночлега, выстроилъ онъ себѣ неподалеку отъ того мѣста, небольшую хижину. Тамъ-то онъ жилъ съ своею женою весьма бѣдно, но зато и весьма честно. Каждое утро ходилъ онъ въ ближній городъ продавать паловленную добычу, но возвращался въ свою хижину съ весьма малымъ количествомъ денегъ, потому-что большую

πτωχούς και δυσχεῖς, όπου ἀπυτουῦσε ἔς τὸ δρόμο του. Δυὸ χρόνους ἐξήσανε μόνοι και μοναχοὶ ἔς ἐκείνη τὴν ἐρημιά· τὸν τρίτο χρόνο, ὁ Θεὸς τοὺς ἐχάρισε κόρη. Τὴν τρίτην νύχτα μετὰ τῆ γέννησί της ἔπρεπε νὰ ῥθουν ἡ Μοῖραις νὰ τῆνε μοιράνουν. Ἡ μητέρα δὲν ἐκοιμούντανε ἐπρόσμενε ν' ἀκούσῃ, τί εἰχαῖς θὰ δώσουνε τῆς κόρης της ἡ Μοῖραις. "Ὅτι τσάκιδανε τὰ μεδάνυχτα, νὰ κ' ἡ Μοῖραις κ' ἐρχονται. Ἐκάθησανε ἔς τὸ τραπέζι, όπου γι' αὐταῖς εἶχ' ἐτοιμάσει ὁ πατέρας τῆς νεογεννημένης κόρης· πρῶτα ἐφάγανε, ἔπειτα ἐδοκιμάσανε τὸ κρασί, και τὸ ἤρσανε πολὺ καλὸ ὕψερ ἄρχισανε νὰ εὐχωνται τὸ μωρὸ, καθεμιὰ μὲ τὴν ἀράδα της. Ἡ πρώτη εἶπε· «Τῆς χαρίζω κάλλη ἀγγελικά·» ἡ δεύτερη «Σὰ γελᾶ, δυὸ δροσερὰ τριαντάφυλλα νὰ πέφτουν ἀπὸ τὰ μάγουλά της·» ἡ τρίτη «Σὰν κλαίῃ, νὰ τρέχουν μαργαριτάρι ὑπὸ τὰ μάτια της.» Ἐπειτα, κ' ἡ τρεῖς σύμφωναις, ἀφῆσανε και χάρισμα γιὰ τὴν νεογεννημένη κόρη, τ' ἀπόδωσανε ἔς τὸ τραπέζι, ἐμουρμούρισαν αὐτὰ τὰ λόγια «Νὰ τῆνε φυλάγῃ ἀπὸ κάθε κακὸ» κ' ἔγειναν ἄφανταις. Ἡ μητέρα ὅλα τὰ ῥκουσε. Ὅταν ἐφυγαν ἡ Μοῖραις, ἔφεξ' ὄλ' ἡ καλύβα, σὰν νὰ καιόντανε πληθὸς λυχνάρια. Ἡ γυναῖκα ἐξύπνησε τὸν ἄνδρα της νὰ ἰδῆ τί τρέχει. Ὁ ἄνδρας της ἐσηκώθηκε, και τί νὰ ἰδῆ! — τὸ τραπέζι ἄσφαρτε κί ἀκτινοβολοῦσε. Τὸ χάρισμα, όπου ἄφησαν ἡ Μοῖραις, ἦταν ἓνα δακτυλίδι, όπου ἡ πέτρας του ἐφέγγανε, σὰ φλόγα λαμπερή. Τὴν ἴδια ὥρα τὸ μωρὸ ἄρχισε νὰ κλαίῃ ἡ μητέρα τὸ ᾗρηε ἔς τὰ χέρια της νὰ τὸ ἡμερώσῃ, κί ὥσε νὰ τὸ βάλῃ ἔς τὸ βυζί της, τὴν ἐρῶσανε μὲ μαργαριτάρια κί ἀπὸ κείνη τὴν ἡμέρα ὁ πτωχὸς μας κνηγὸς ἔγεινε πλούσιος ἄνθρωπος. Ἀπ' ὅλους τοὺς

часть ихъ онъ раздавалъ нищимъ и несчастнымъ, которыхъ встрѣчалъ на дорогѣ. Два года жили они въ этомъ захолустьѣ одни-однихоньки: на третій — Богъ послалъ имъ дочь. Въ третью ночь, послѣ ея рожденія, должны были притти Парки, чтобы опредѣлить ея будущую судьбу. Мать не спала: она томилась ожиданіемъ той минуты, когда она выслушаетъ опредѣленіе Парокъ и узнаетъ, чего онѣ пожелаютъ ея дочери. И вотъ, лишь только полночь перекатилась за свою черту — какъ и явились Парки. Онѣ сѣли за столъ, приготовленный для нихъ отцемъ новорожденной; сперва онѣ закусывали, а потомъ стали отвѣдывать и вина, которое имъ показалось весьма отменно, и наконецъ каждая изъ нихъ, по-очереди, стала опредѣлять судьбу новорожденной. Первая сказала: *«Дарую ей ангельскую красоту;»* вторая: *«Каждый разъ, когда она станетъ улыбаться, пусть двѣ живыя розы ниспадаютъ съ ея ланитъ;»* третья: *«Каждый разъ, когда она начнетъ плакать, пусть жемчугъ катится изъ ея глазъ»*. Послѣ этаго всѣ три Парки согласились оставить еще подарокъ новорожденной дѣвѣ. Онѣ оставили его на столѣ и, прошептавъ надъ нимъ слова: *«Сіе да хранитъ еѣ отъ всякаго зла»* — исчезли. Мать всему этому внимала; и когда ушли Парки, то вся изба мгновенно озарилась такимъ свѣтомъ, какъ-будто въ ней горѣло множество свѣтильниковъ. Жена разбудила своего мужа, чтобы узнать о причинѣ такого явленія. Тотъ всталъ, и какъ вы думаете, что представилось его глазамъ? — освѣщенный столъ бросалъ яркое сіяніе. Подарокъ, который оставили Парки, былъ перстень, въ которомъ камни сіяли какъ живое пламя. Дитя въ тотъ

τόπους ἤρχοντανε ν' ἀγοράζουνε μαργαριτάρια. Καθεμιά αὐξαίνανε τὰ πλούτη του δὲν ἄλλαξ' ὅμως τελείως τὴν ἴδια καλὴ καρδιά εἶχε καὶ τώρα, ὅπου ἦτανε πλούσιος, ἔκανε ἀμέτροτα καλά. Ὡς τὸν τόπο τῆς πτωχικῆς καλύβας του ἔβαλε θεμέλια μεγάλα, κ' ἔκτισ' ἓνα ὠραιότατο παλάτι, ὅπου ἔξοῦσ' αὐτὸς μετὴν τὴν γυναῖκά του καὶ μετὴν τὴν ὠραία του κόρη, καμαρώνοντας τ' ἀγγελικὰ κάλλη, ὅπου τῆς ἐχάρισαν ἡ Μοῖραις. Καὶ σὲ τοῦτο τὸ παλάτι ἐμβαίνει τώρα τὸ βασιλόπουλό μας, ὅπου τὸ ἐπροσκάλεσ' ὁ πατέρας τῆς κόρης, καὶ τὸ ἐδέχθηκε μετ' ἀνοιχτὴν καρδιά, ὡς παιδί του. Ἐμβαίνοντας ἔς τὸ παλάτι, τὸ βασιλόπουλο εἶδε δυὸ γυναῖκες, ὅπου ἤρχοντανε πρὸς ἀπάντησί του ἢ μιὰ ἦταν ἡ ὠραία κόρη, καὶ ἡ ἄλλη — ἡ μητέρα της. Ὅταν ἐσίμωσαν, τὸ βασιλόπουλο τῆς ἐχαιρέτησε πολὺ εὐγενικά. Ἡ κόρη χαιρετῶντας, γλυκὰ ἐχαμογέλασε, κ' ἐν τῷ ἅμα δυὸ ὠραία καὶ δροσερὰ τριαντάφυλλα ἔπεσαν ἀπὸ τὰ δυὸ τῆς μάγουλα. Τὸ βασιλόπουλο ἦταν ἔξω τοῦ ἑαυτοῦ του, βλέποντας τέτοι' ἀγγελικὰ κάλλη, καὶ τέτοιαις ἀνήκουσαις χάρισι τῆς κόρης καὶ ἦταν ἔτοιμο νὰ τῆνε ζητήσῃ εὐθὺς τοῦ πατέρα της γιὰ τὴν γυναῖκά του, ἂν κάθε στιγμή δὲν εἶχε ἔς τὸν νοῦ του τὸν ἄρρωστο πατέρα του, καὶ ὁ ζοχισμὸς αὐτὸς δὲν τοῦ καταλίπναινε τὴν καρδιά. Ὡς τὸς ὁ πατέρας τῆς κόρης ἔδειξε τοῦ βασιλόπουλου μεγάλη φιλοξενία ἐδιώρισε νὰ ἐτοιμάσουν ἓνα πλουσιοπάροχο τραπέζι. Ὡς τὸν καιρὸ τοῦ γεύματος τὸ βασιλόπουλο ἐδιηγήθηκε διάφορα περιστατικά, ὅπου τοῦ εἶχαινε συνέβει ἔς τὸ ταξίδι του, καὶ τέλος πάντων, ὅτι πηγαίνει νὰ φέρῃ τ' ἀθάνατο νερὸ, γιὰ νὰ προφθάσῃ τὸν πατέρα του, ὅπου κινδυνεύει ν' ἀποθάνῃ. Ἡ κόρη ἔδινε μεγάλη προσοχὴ

же часъ начало плакать; мать взяла его на руки, чтобы унять плачь; но пока она прижимала его къ груди, была вся осыпана жемчугомъ — и съ того дня нашъ бѣдный охотникъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ: со всѣхъ концевъ приходили къ нему покупать жемчугъ. Богатство его съ каждымъ днемъ возрастало, но самъ онъ нисколько не перемѣнился, онъ остался съ тѣмъ же добрымъ сердцемъ; и нынѣ, когда сдѣлался богачемъ, онъ, по прежнему, не переставалъ творить людямъ добро безъ счету. На мѣсто бѣдной своей хижины, онъ положилъ большое основаніе и выстроилъ богатѣйшій дворецъ, въ которомъ и сталъ жить да поживать съ своею женою и ненаглядною своею дочерью, любуясь ея ангельскою красотою, которою одарили еѣ Парки. Въ этотъ-то дворецъ вступаетъ теперь нашъ Царевичъ, куда его пригласилъ отецъ видѣнной имъ дѣвицы и гдѣ онъ принялъ его съ такимъ радушіемъ, какъ принимаетъ отецъ роднаго сына. При входѣ во дворецъ, онъ замѣтилъ двухъ женщинъ, которыя, повидимому, шли къ нему на-встрѣчу: одна изъ нихъ была та прекрасная дѣвица, а другая — ея мать. Когда онъ приблизился къ нему, то Царевичъ весьма вѣжливо ихъ привѣтствовалъ. Дѣва отвѣчала на его привѣтствіе скромною улыбкою, и въ ту же минуту двѣ прекрасныя розы ниспали съ ея ланитъ. Царевичъ былъ внѣ себя отъ восторга при видѣ такой красоты и такихъ неслыханныхъ ея прелестей. Онъ немедленно рѣшился бы просить ея руки у отца, если бы каждую минуту его воображеніе не представляло ему большаго родителя и если бы эта горестная картина не отравляла его внезапной радости. Между-тѣмъ, отецъ дѣвицы

ἔς τὴν ὁμιλία τοῦ βασιλόπουλου· τὰ λόγια του τῆς ἐφαίνοντανε πολὺ φρόνιμα καὶ πολὺ νόσιμα καὶ ὅσο περισσότερο ἐπρόσεχε ἔς τὴν ὁμιλία του, τόση περισσότερη εὐχαρίστησι ἠύρισκε ν' ἀκούη καὶ νὰ βλέπη τὸ βασιλόπουλο. Ὅταν ὅμως τὸ βασιλόπουλο ἐφανέρωσ' ὅτι βιάζεται νὰ κινήσῃ ἔς τὸ δρόμο του, ἡ κόρη κατάκαρδα ἐλυπήθηκε μετὰ τὸ γεῦμα ἔγεινε πολλὰ μελαγχολικὴ, καὶ ἔπεσε σὲ μεγάλη συλλογὴ· ἔπειτα ἐζύγωσε ἔς τὴ μητέρα της, ἐπῆρε τὰ χέρια της, τὰ ὄφισε καλὰ — καλὰ, τὰ φίλησε κάμποσαις φοραῖς, καὶ ἀγάλλι ἀγάλλια ἔτσι τῆς εἶπε «Μητέρα μου! ἐγὼ πολλὰ λυποῦμαι, ὅπου τὸ βασιλόπουλο θὰ φύγῃ.» Δὲν ἐπρόφθασε νὰ πῆ αὐτὰ τὰ λόγια, καὶ τὰ γλυκὰ ματάκια της ἐγέμισανε δάκρυα, ὅπου εὐθὺς ἔγεινανε μαργαριτάρια, καὶ ἐκυλήσανε ἔς τὴν ποδιὰ τῆς μητέρας της. Ἡ μητέρα ἔχαμογέλασε αὐτὴ ἐκατάλαβε, τί εἶχ' ἡ κόρη της.

Ὡς τόσο, τὸ βασιλόπουλο εἶχε ἀρματωθῆ, καὶ ἦταν ἔτοιμο ν' ἀκολουθήσῃ τὸ ταξείδι του· ἔξωφρυ ὅμως ἐσηκώθηκε μία κακοκαιρία ἀνήκουστη μεγάλη ἀνεμοταραχὴ, ἔπειτα βρονταῖς, ἀστραπαῖς· ἐφαίνοντανε, σὰν νὰ καίοντανε καὶ ἐφλογίζονταν οἱ οὐρανοὶ μέσα ἔς ὠκεανούς ἀπὸ φωτιαῖς· δὲν ἐπέρυσσε πολλὴ ὥρα, καὶ βροχαῖς, σὰν πολλὰ ὀρηκτικὰ ποτάμια, ἐπέφτανε. Ὁ πετέρας τῆς κόρης ἐπαρκαλέσε τὸ βασιλόπουλο νὰ ἡσυχάσῃ ἐκεῖνη τὴν νύχτα, καὶ μὲ τὸ καλὸ ξημέρωμα νὰ κινήσῃ ἐμπρός. Ἄλλοτε τὸ βασιλόπουλο οὔτε μιὰ σιγμὴ δὲν ἠθέλε ν' ἀργοπορήσῃ ἀπὸ τὸ ταξείδι του, ἀμμὴ τώρα εὐκολὰ ἐσρεξε νὰ ξενυχτίσῃ ἐκεῖ· ἡ νύχτα ὅμως ἐκεῖνη τοῦ ἔφάνηκε χρόνος. Μεγάλῃ ἀγρυπνίᾳ ὑπόφερε· ἂν ἐσφάλιζ' ὀλίγο τὰ μάτια του, εὐθὺς τοῦ παρασαίνοντανε ἔς τ' ὄνειρό του, ἢ ὁ ἄρρωστος πατέρας του

оказалъ Царевичу пышное гостепрѣимство и велѣлъ приготовить для гостя богатѣйшій столъ. Во время обѣда Царевичъ разсказалъ о своихъ дорожныхъ приключеніяхъ и объявилъ, наконецъ, что онъ ѣдетъ за безсмертною водою, для исполненія своего отца, который находится на краю гроба. Красавица слушала Царевича съ особеннымъ вниманіемъ; его рѣчи казались ей весьма умными и пріятными и, чѣмъ болѣе внимала она его разсказамъ, тѣмъ пріятнѣе ей было слушать и смотрѣть на Царевича. Но когда Царевичъ примолвилъ, что долженъ спѣшить къ отъѣзду, то она сердечно опечалилась; послѣ стола предалась унынію и какой-то думѣ; потомъ подошла къ матери, взяла её за обѣ руки, пожала ихъ болѣе обыкновеннаго, поцѣловала ихъ и почти шепотомъ сказала: «Матушка! мнѣ очень жаль, что Царевичъ долженъ уѣхать отъ насъ.» Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ уже ея прелестныя глазки наполнились слезами, которыя въ тотъ же мигъ обратились въ жемчужины и покатались на колѣна ея матери. Въмѣсто отвѣта, мать улыбнулась: она поняла, что происходило въ сердцѣ ея дочери.

Между-тѣмъ Царевичъ успѣлъ одѣться въ полное вооруженіе и былъ уже готовъ продолжать свой путь, какъ вдругъ поднялась неожиданно ужасная непогода: забушевали вѣтры, ударилъ громъ, заблестала молнія. Казалось, что небеса, раскрываясь, представляли собою огненный океанъ, затѣмъ дождь пролился рѣкою. Хозяинъ просилъ Царевича остаться у него на ту ночь и отправиться въ счастливый путь уже съ первымъ разсвѣтомъ. Въ другое время Царевичъ не промедлилъ бы ни одной минуты въ своей дорогѣ, а

★

κοιτάμενος ἔς τὴν κλίνη του, ἢ ἡ ὠραία κόρη, ὅπου τὸν ἀποχαιρετοῦσε. Ἀπὸ τῆ μεγάλης του ξενοχωρία ἐξυπνοῦσε πάλι τὸν ἔπαιρ' ὁ ὕπνος, καὶ πάλι τὰ ἴδια ἐβλεπε ἔς τ' ὄνειρό του. Μὴ σοχασθῆτε ὅμως, ὅτι σὲ τοῦτο τὸ ὠραῖο παλάτι μόνο τὸ βασιλόπουλό μας ἐπέρασε τούτη τὴν νύχτα τόσο ἀνήσυχα. Ἦταν ἐδῶ κ' ἐν ἄλλο χαριτωμένο πλάσμα, ὅπου ὑσερήθηκε τὸν ἥσυχο καὶ γλυκὸν ὕπνο· ἐδῶ ἦτανε κ' ἡ ὠραία κόρη, ὅπου πρώτη φορὰ ἐδοκίμασ' ἀνησυχία ἔς τὴν καρδιά της. Ἐκείνη τὴν νύχτα σιμά της ἐπλάγιασ' ἡ μάννα της, καὶ πολλὰ ἥσυχ' ἀποκοιμήθηκε, κατὰ τὸ συνειθισμένο της· ἐπειδὴ εἶχε ὅλα τὰ ἀγαθὰ της τίποτε δὲν τὴν ἐπείραζε· καὶ θεὸς νὰ ἐπερνοῦσε πολλὰ ἥσυχα κ' ἐκείνη τὴν νυχτιά, ἀνίσως δὲν ἐδυσκολεύονταν ὁ ὕπνος της ἀπὸ σωροὺς μαργαριτάρια, ὅπου ἀγάλι ἀγάλια ἐκυλοῦσαν ἀπὸ τ' ἀγγελικὰ μάτια τῆς ἀκριβῆς της. Τὰ σενδόνια ἐσκεπάσθησαν ἀπὸ μαργαριτάρια, καὶ ἡ μητέρα, μὴν εὐρίσκοντας μαλακὸ τὸ σρωμά της, ἐξύπνησε· δὲν ἐχρειάσθηκε ὅμως πολλὴ ὥρα νὰ καταλάβῃ τὴν θέσι τῆς κόρης της· ἄρχισε νὰ τὴν παρηγορῆ. «Μὴ πικραίνεσαι, φῶς μου, τῆς ἔλεγε, τὸ βασιλόπουλο γλίγωρα θὰ γυρίσῃ πίσω.» — «Ὁχι, μητέρα μου, ἀποκρίθηκ' ἡ κόρη, δὲν ἤμπορεῖ νὰ γυρίσῃ πίσω, ὑσερ' ἀπὸ τόσα κακὰ, ὅπου τὸ προσμένουνε. Ἐφτὰ ἕμερῶνε δρόμο ἔχει ἀκόμη νὰ πάρῃ, μέσ' ἀπὸ τρομεροὺς τόπους, γεμάτους ἀπὸ ἄγρια καὶ φαρμακερὰ θηρία. — «Ἐννοια σου, κόρη μου, τῆς ἀποκρίθηκ' ἡ μητέρα της, κ' ἐμεῖς εὐρίσκομε τρόπο νὰ τὸ βοηθήσωμε. Ἐγὼ πολλαῖς φοραῖς σοῦ εἶπα, ὅτι τὸ δακτυλίδι, ὅπου φορεῖς ἔς τὸ μεσινό σου δάκτυλο, σ' τὸ χάρισαν ἡ Μοῖραις. Αὐτὸ τὸ δακτυλίδι, ὅποιος τὸ φορεῖ, εἶναι φυλαγμένος ἀπὸ

теперь легко согласился провести тамъ цѣлую ночь; но эта ночь показалась ему цѣлымъ годомъ: онъ страдалъ безсонницею. Если онъ и закрывалъ глаза на нѣсколько секундъ, то ему представлялись во снѣ: или его больной отецъ, распростертый на ложѣ, или прекрасная дѣва, которая будто бы съ нимъ прощалась. Отъ сильнаго стѣсненія сердца онъ просыпался, потомъ опять засыпалъ и снова являлись ему тѣ же сновидѣнія. Но не подумайте, что въ этомъ прекрасномъ дворцѣ одинъ только нашъ Царевичъ провелъ эту ночь такъ безпокойно; нѣтъ! было еще одно милое созданіе, которое лишилось пріятнаго, тихаго сна, и это — была прелестная дѣва, которая впервые испытала душевное безпокойство. Въ ту ночь возлѣ ея легла мать и, по обыкновенію, спала очень спокойно, потому-что она, имѣя у себя всѣ блага, не имѣла ни въ чемъ недостатка; ничто не возмущало её; она провела бы такъ же покойно и эту ночь, если бы ея сонъ не былъ потревоженъ кучами жемчуга, который тихо катился съ ангельскихъ глазокъ ея дорогой дочери. Весь постельный покровъ покрылся жемчугомъ — и мать, не чувствуя мягкости своего ложа, проснулась. Не долго ей нужно было думать, чтобы понять положеніе дочери. «Не печалься мой свѣтикъ, такъ она стала утѣшать её, Царевичъ скоро возвратится.» — Нѣтъ, матушка, отвѣчала она, воротится ли онъ послѣ опасностей, ему угрожающихъ? Отъ насъ ему еще останется дороги на семь дней ѣзды, чрезъ страшныя мѣста, наполненныя дикими и ядовитыми звѣрями. — «Успокойся, дитя мое, отвѣчала мать, мы найдемъ средство помочь ему. Я не разъ тебѣ говорила, что перстень, который ты носишь на среднемъ

κάθε κακό ἄπ' τὸ θέλημά σου κρέμεται, παιδί μου, νὰ τὸ δώσης τοῦ βασιλόπουλου· κ' ὕστερα μὴ σὲ μέλλει ἄλλο, γιατί, ὡσεὶ ποῦ τὸ φορεῖ, κακὸ δὲν παθαίνει.» Ἡ κόρη ἄπ' τὴ χαρὰ της δὲν ἤξευρε ποῦ εὐρίσκειται τῆς ἐφάνηκε πῶς ἐξαναγεννήθηκε. Ἐθαύμαζε τὴ γνώσι τῆς μάννας της, ὅπου σὲ μιὰ στιγμή ἦρε τρόπο νὰ βοηθήσῃ τὸ βασιλόπουλο. Ἔτσι παρηγορημένη κί ἀναπαυμένη, ἡ κόρη ἀποκοιμήθηκε ἄπάνω ἔς τῆς χρυσαῖς φτερούγαις τῆς ἐλπίδας. Μόλις ἐγλυκοχάραξε, τὸ βασιλόπουλο ἐσηκώθηκε, ἐξύπνησε τὸν ἄνθρωπό του, καὶ τὸν ἐπρόσβαξε νὰ ετοιμασθῇ γιὰ νὰ κινήσουνε ἔς τὸ δρόμο τους. Ἀγκαλιὰ καὶ ἡ κόρη, ὕστερ' ἀπὸ τόση ἀγρυπνία, ἀποκοιμήθηκε πολὺ γλυκὰ, γλίγωρα ὅμως ἐξύπνησε κί αὐτὴ. Ἐν ὄνειρό της εἶδε, ὅτι τὸ βασιλόπουλο εἰτοιμάζοντανε νὰ φύγῃ καὶ δὲν ἐγελάσθηκε. Ὅτι ἐξύπνησε, ἄκουσε τὴν ταραχὴ τῶ(ν δούλωνε, ὅπου ἔτρεχαν ἀπάνω — κάτω. Ἡ κόρη ἐκαρδιοχτύπησε. Εὐθὺς ἐξύπνησε τὴ μητέρα της, κ' ἔτσι τῆς εἶπε «Μητέρα μου! τὸ βασιλόπουλο φεύγει, καὶ δὲ θὰ προφθάσωμε, οὔτε ν' ἀποχαιρετηθοῦμε.» Ἡ μητέρα παρενδὺς ἐσηκώθηκε, ἐνδύθηκε, ἐξύπνησε καὶ τὸν ἄνδρα της, κ' οἱ τρεῖς μαζί ἐπήγανε νὰ εὔρουνε τὸ βασιλόπουλο, ὅπου ἀπὸ πολλῆς ἦτανε σηκωμένο, καὶ τοὺς ἐπρόσμενε ν' ἀποχαιρετηθῇ. Ὅτι τοὺς εἶδε τὸ βασιλόπουλο, ἔτρεξε νὰ τοὺς ἀπαντήσῃ. Ἐκείνη τὴν ὥρα αἰσθάνθηκε, σὰν νὰ σηκώθηκ' ἓνα βάρος ἀπὸ τὴν καρδιά του. Ἡ κόρη ἐκράτει ἔς τὰ χέρια της τὸ δακτυλίδι δυὸ φοραῖς ἠθέλησε νὰ τὸ προσφέρῃ τοῦ βασιλόπουλου· ἀμμὴ ἡ ἀναπνοὴ της ἐπιάνουντανε, τὸ πρόσωπο της ἐκατακοκκίνιζε, μιὰ ξεχωριστὴ ἐντροπὴ τὴν ἐκυρίευε, καὶ δὲν ἤμποροῦσε νὰ προσφέρῃ λόγο. Ὅσ' ὅπου ὁ πατέρας ὠμίλουσε μὲ τὸ

пальцѣ, былъ подаренъ тебѣ Парками. Этотъ перстень предохраняетъ отъ всякаго зла того, кто его носитъ; отъ тебя, милая моя, зависить, дать его Царевичу. Послѣ этаго не безпокойся уже болѣе за него, потому-что, пока его онъ будетъ носить, до-тѣхъ-поръ никакое зло не будетъ властно надъ нимъ.» Отъ радости, дочь не знала гдѣ она; ей казалось, что она переродилась. Она удивлялась находчивости своей матери, которая въ одну минуту придумала средство помочь Царевичу. Такимъ образомъ утѣшенная и успокоенная, дѣва заснула на золотыхъ крыльяхъ надежды. Лишь-только занялась заря, Царевичъ всталъ, разбудилъ своего слугу и велѣлъ готовиться въ дорогу. Хотя дѣва, послѣ долгой бессонницы, заснула сладкимъ сномъ, но она скоро проснулась. Она видѣла во снѣ Царевича, который будто собирался ѣхать. Она не обманулась; и лишь-только пробудилась, какъ услышала топотъ слугъ, которые, въ суматохѣ, бѣжали взадъ и впередъ по всему дому. Сердце у ней забилося. Она тотчасъ разбудила мать. «Матушка! сказала она ей, Царевичъ уѣзжаетъ и мы не успѣемъ даже и проститься съ нимъ.» Мать встала, одѣлась, разбудила своего мужа и всѣ трое пошли искать Царевича, который уже давно былъ на ногахъ и ожидалъ только хозяевъ, чтобы съ ними распрощаться. Завидѣвъ ихъ, онъ бросился къ нимъ на-встрѣчу. Въ ту минуту почувствовалъ онъ внезапное облегченіе; ему показалось будто огромная тяжесть спала съ его сердца. Красавица держала въ рукахъ перстень; два раза она пытается поднести его Царевичу, но дыханіе ея стѣсняется, лице ея вспыхиваетъ румянцемъ: какой-то стыдъ препятствуетъ ей намѣренію, и она не можетъ произнести ни

βασιλόπουλο, ἡ κόρη ἐσίμωσε ἔς τὴ μάνα της, καὶ ἔτσι τῆς εἶπε «Μητέρα μου! ἀκριβὴ μου μητέρα! ἐγὼ δὲν ἠμπορῶ νὰ προσφέρω τὸ δακτυλίδι δόσε το μόνη σου.» — Καλὰ, παιδάκι μου — εἶπ' ἡ μητέρα, καὶ παίρνοντας τὸ δακτυλίδι, ἐξύγωσε ἔς τὸ βασιλόπουλο, καὶ ἔτσι τοῦ μίλησε. «Παιδί μου! πολὺ πικραίνουμασθε, ὅπου ἔτσι γλίγωρα μᾶς ἀφίνεις· ἀμμή δὲν ἠμπορεῖς νὰ κάνης ἀλλέως· τὸ χρέος σου πρὸς τὸν πατέρα σου εἶναι μεγάλο· σύρε ἔς τὸ καλὸ, καὶ ἔς τὴν καλὴ τὴν ὥρα! καταδέξου ὅμως νὰ λάβης γιὰ ἐνθύμησι τοῦτο τὸ δακτυλίδι, καὶ μὴ ξεχάσης, ὅτι σ' ἀγαποῦμε, σὰν παιδί μας.» Λέγοντας αὐτὰ τὰ λόγια, ἐπῆρε τὸ δεξιὸ χέρι τοῦ βασιλόπουλου, καὶ τοῦ ἐφόρεσε τὸ δακτυλίδι ἔς τὸ μικρὸ του δάκτυλο. Κι ἂν ἡ μάνα ἀποσιώπησε τίνος ἦταν τὸ δακτυλίδι, τὸ βασιλόπουλο ὅμως εὐθύς τὸ ἠγνώρισε, ὅπου ἄσραφτε ἔς τὸ δεξιὸ χέρι τῆς χαριτωμένης κόρης, ἀπὸ τὴν ὥρα, ὅπου τὴν εἶδε· τὸ βασιλόπουλο ἐσήκωσε τὰ μάτια του νὰ τὴν εὐχαρισήσῃ, ἀμμή ἡ κόρη ἐχαμήλωσε τὰ ἴδικά της, καὶ ἔδειξε μεγάλη σεμνότητα.

Ὁ καιρὸς δὲν ἐσυγχωροῦσε τοῦ βασιλόπουλου ἢ ἀργοπορῆ ἄλλο· τοὺς εὐχαρίστησε, τοὺς ἐξαναχαιρέτησε, ἐκάθησε ἔς τ' ἄλογό του, καὶ ἐκίνησε ἔς τὸ δρόμο του. Τ' ἄλογό του εἶχε ξεκουρασθῆ καλὰ, καὶ τώρα ἔτρεχε, σὰν πῶς πετᾷ τὸ πουλί. Γλίγωρα ἐφθάσε ἔς ἐκείνους τοὺς τρομεροὺς τόπους, ὅπου ἦταν κατοικημένοι μόν' ἀπὸ ἄγρια θηρία. Τὸ βασιλόπουλο ὀλότελα δὲν ἐδείλιασε· αἰσθάνουντανε μιὰ δύναμι ξεχωριστὴ ἔς τὸ δεξιὸ του χέρι, ὅπου ἐπερνοῦσε ἔς ὅλο του τὸ σῶμα. Τὰ πλέον τρομερὰ θηρία μὲ πρῶτο χτύπημα τοῦ σπαθιοῦ του ἐπέφτανε σκοτωμένα· ἄλλα ἐφεύγανε, καὶ τοῦ ἐδίωνανε

одного слова. Пока отецъ говорилъ съ гостемъ, она подошла къ матери. «Матушка! дорогая моя матушка! сказала она ей, у меня нѣтъ силъ поднести перстень Царевичу; отдай ты его сама.» — Хорошо, дитя мое — сказала мать, и взявъ перстень, подошла къ Царевичу съ этими словами: «Добрый сынъ! мы очень сожалѣемъ, что ты такъ скоро насъ оставляешь; но ты иначе и не можешь поступить: твой долгъ къ отцу великъ; побъжай съ Богомъ, — въ добрый часъ! но не откажись принять отъ насъ, на-память, этотъ перстень и не забудь, что мы полюбили тебя какъ роднаго сына.» Сказавъ это, она взяла Царевича за правую руку и надѣла ему перстень на мизинецъ. Хотя она и умолчала о томъ, чей именно былъ перстень, но Царевичъ тотчасъ догадался, что это тотъ самый перстень, который сверкалъ на правой рукѣ молодой красавицы, съ той самой минуты, какъ онъ впервые её увидѣлъ; онъ поднималъ глаза, чтобъ взоромъ выразить всю свою благодарность, но дѣва склонила свои взоры и показала большую скромность.

Время не позволяло ему долѣ медлить. Онъ поблагодарилъ хозяевъ, простился еще разъ съ ними сѣлъ на коня и отправился въ путь. Его конь, послѣ порядочнаго отдыха, съ новыми силами летѣлъ быстрѣе птицы. Скоро онъ достигъ тѣхъ страшныхъ мѣстъ, которыя были населены только дикими звѣрями. Царевичъ нисколько не оробѣлъ. Онъ чувствовалъ въ правой рукѣ какую-то особенную, непостижимую силу, которая мало-по-малу проникала все тѣло. Однимъ ударомъ своего меча онъ повергалъ за-мертво самыхъ страшныхъ звѣрей, а другіе бѣжали сами отъ него, открывая ему

δρόμο νὰ περάσῃ. Ἐφτὰ ἄλλοις, τοῦ ἔλεγε, ὅτι δὲν φθάνουν ὡς ἐκεῖ, ὅπου τρέχει τ' ἀθάνατο νερὸ, καὶ τώρα δὲν ἐπέρασαν οὔτε τρεῖς ἡμέρας, καὶ τὸ βασιλόπουλο ἔφθασε ἔς τὰ δυὸ βουνά, χωρὶς νὰ πάθῃ τὸ παραμικρὸ κακό. Ἐδῶ ἔμειν' ἐκστατικὸ, βλέποντας ἐκεῖνα τὰ ὑψηλότατα ὄρη ν' ἀνοίγουνε καὶ νὰ σφαλοῦν ἀκιτάπαυσα. Δὲν ἐδείλιασ' ὅμως ὀλότελα ἢ καρδιά του ἦτανε γεμάτη ἀπὸ ἀνδρεία ἢ γνώμη του ἀπὸ μιᾶς ἀρχῆς ἦταν ἀποφασιστικὴ, γιὰ τοῦτο δὲν ἐχρειάσθη πολλὴ ὥρα νὰ σοχασθῇ, τί ἔπρεπε νὰ κίνη. Ἐχτύπησε τ' ἄλογό του τὴν ἴδια σιγμὴ, ὅπου τὰ βουνὰ ἐχάραζαν ν' ἀνοίξουν. Ποτὲ τ' ἄλογό του δὲν ἐδείξε τέτοια γλιγωράδα τοῦ φαίνοντανε σὰν νὰ πετᾷ· πρὶν ὅμως νὰ φθάσῃ ἔς τὰ μισὰ τοῦ δρόμου, τὰ βουνὰ ἄρχισαν ἀπὸ λίγο — λίγο νὰ σφαλοῦνε, ἄρχισε νὰ σκοτεινιάζῃ, — καὶ τούτῃ εἶναι ἡ τρομερὴ σιγμὴ, ὅπου ἐχάνονταν οἱ ἥρωες· ἐπειδὴ τ' ἄλογά τους δὲν ἐβλέπανε ἔς τὸ σκοτάδι, ἐχτυπούσανε ἔς τῆς πέτραις, καὶ ἐκεῖ τοὺς ἐπλάκοναν τὰ βουνά, καὶ μ' ἓνα τέτοιο φορικτὸ θάνατο ἐτελειόνανε τὴ ζωὴ τους! . . . . .

свободный путь. Ему говорили, что семи дней мало будетъ, чтобъ пробраться между звѣрями и достигнуть того мѣста, откуда истекаетъ безсмертная вода, а теперь не прошло и трехъ сутокъ, какъ онъ, не претерпѣвъ ни малѣйшаго бѣдствія, уже увидѣлъ предъ собою тѣ двѣ недоступныя горы — цѣль всѣхъ своихъ желаній. Онъ остановился, смотря съ изумленіемъ на двѣ высочайшія громады, которыя безпрерывно то раздвигались, то смыкались между собою; но ужасъ былъ недоступенъ его мужественному сердцу. Съ самаго начала предпріятія намѣреніе его было рѣшительно, и потому ему нечего было и теперь думать, какъ приступать къ дѣлу. Онъ припустилъ своего коня въ то самое мгновеніе, когда горы лишь-только начинали расходиться и показали между собою едва-едва замѣтную щель. Никогда еще конь его не стремился съ такою быстротою, какъ въ эту рѣшительную минуту: казалось, что онъ летѣлъ подъ сѣдокомъ своимъ; но прежде нежели онъ доскакалъ до половины пространства, заключеннаго между горами, эти горы уже начали мало-по-малу сближаться, стало темнѣть, — и это была та страшная минута, въ которую такъ много героевъ погнбло. Несчастные! они не могли видѣть во мракѣ и ударялись объ утесы, при которыхъ горы сдавливали ихъ. Такъ ужасно оканчивали они свою жизнь! . . .

Здѣсь, къ сожалѣнію нашему, господинъ Амарантъ прервалъ свой разсказъ, по причинѣ поздней поры; но обѣщавъ на другой день снова продолжать. Съ такимъ лестнымъ ожиданіемъ каждый изъ насъ удалился, чтобъ предаться пріятному сну, который на морскомъ пути такъ рѣдко бываетъ непрерываемо безпрестаннымъ качаніемъ корабля.

(Κεφ. Β'.)

Τὸ βασιλόπουλό μας δὲν ἔμεινε ἔς τὸ σκοτάδι τὸ δακτυλίδι, ὅπου ἐφοροῦσ', ἄσραφτε, κὶ ἀπὸ χιλιάδες ἀκτῖνες, ὅπου ἔχυνε, ἔφεγγε σὰν ἡμέρω καὶ τούτη εἶναι ἡ μεγαλήτερη βοήθεια, ὅπου τὸ βασιλόπουλο ἔλαβε. Ἐν τῷ ἅμα ἐγύρισε τ' ἄλογό του πρὸς τὰ δεξιά, ὅπου ὁ δρόμος ἦτανε τὸ μισὸ ἕλιγότερος, κὶ ὡσεὶ νὰ γυρίσῃς νὰ ἰδῆς, ἐπετάχθηκ' ἔξω ἀπ' τὰ βουνά, κ' εἰρέθηκε κατὰμπροσθα ἔς τ' ἀθάνατο δένδρο. Ἐκεῖ ἐσάθηκε ὀλίγο νὰ ξανσεάνῃ αὐτὸς καὶ τ' ἄλογό του, καὶ, χωρὶς νὰ χάσῃ περισσότερον καιρὸ, ἐγέμισε τὸ λαγῆμι του ἀθάνατο νερὸ, ἐφύλαξε πάλι τῇ σιγμῇ, ὅπου ἐχάραζαν ν'

На другой день, очень рано, мы окружили г. Амарантоса, въ полномъ ожиданіи, что онъ, по обѣщанію своему, будетъ продолжать сказку; но, къ удивленію и къ неудовольствію нашему, онъ сталъ отказываться, подъ предлогомъ, повидимому, самымъ благовиднымъ. Онъ говорилъ, что въ Греціи не водится, чтобы сказки утромъ рассказывали. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ правъ; это обыкновеніе намъ было извѣстно; но кто не испыталъ скуки морскаго пути, и въ особенности при такъ называемой на языкъ мореплавателей мертвой погоды, тотъ только удивится тому, что мы не во-время приставали къ г-ну Амарантосу съ просьбою о продолженіи сказки. Однакожъ, г-нъ Амарантосъ всё-таки продолжалъ отказываться, и до-тѣхъ-поръ, пока и наши спутницы-дамы не приступили къ нему съ тою же просьбою. Тогда мой Амарантосъ уступилъ общимъ неотступнымъ просьбамъ. Онъ былъ учтивый малый, и потому, не заставляя дамъ повторять просьбу, началъ продолженіе сказки слѣдующимъ образомъ:

(ГЛАВА II.)

Нашъ Царевичъ не остался во мракѣ; перстень, который сіялъ у него на рукѣ тысячью лучей, свѣтилъ ему, какъ солнце въ ясный день: этотъ-то свѣтъ рѣшилъ его судьбу. Въ одинъ мигъ онъ повернулъ коня вправо, гдѣ дорога казалась ему вдвое ближе, и въ тотъ же мигъ онъ вышелъ въ горы и очутился предъ безсмертнымъ деревомъ. Тамъ онъ не много пріостановился, чтобы дать себѣ и своему коню собраться съ силами, и, не теряя времени, наполнилъ сосудъ безсмертною водою. Послѣ этаго онъ снова, подмѣтивъ то мгновеніе, когда горы чуть-чуть лишь начали расходиться,

ανοίξουν τὰ βουνά, κι ἀπὸ τὸν ἴδιο δρόμο, καὶ μὲ τὸν ἴδιο τρόπο ἐπέρασε πίσω, χωρὶς νὰ χάσῃ οὔτε τρίχ' ἀπ' τὸ κεφάλι του. Ἐδῶ ἦρε τὸν πισὸ τοῦ δούλου, ὅπου δὲν ἐπρόσμενε πλέον τὸ βασιλόπουλό του, οὐτ' εἶχ' ἐλπίδα νὰ τὸ μεταῖδη. «Τρέχα, τοῦ φωνάζει τὸ βασιλόπουλο, τὸ λαγῆνι μου δὲν εἶναι πλέον ἄδειο· εἶναι γεμάτο ἀπ' ἀθάνατο νερό!» Τόσο μόν' εἶπε, κ' ἔκοφτε δρόμο σιωπῶντας, ἐπειδὴ, ἀπὸ τὴ μεγάλη του χαρὰ, δὲν ἠμπόρει νὰ προφέρῃ ἄλλα λόγια. Ἀκόμη γλιγωρότερα ἐπέρασε τώρα τοὺς τρομεροὺς τόπους. Τὰ θηρία, ὡσὰν πλέον νὰ ἐγνώριζαν τὸ βασιλόπουλο, τ' ἄφιναν νὰ περνᾷ ἐλεύθερα. Ὅταν ἐπέρασε τὰ σύνορα τοῦ ὑπερινοῦ βασιλείου, ἠθέλησε νὰ τραβίξῃ δρόμο τὰ ἴσα ἔς τὸν πατέρα του, ἀμμὴ ἐσοχάσθηκε γιὰ μεγάλο ἄδικο νὰ προσπεράσῃ τὸ σπῆτι ἐκεινῆς, ὅπου τοῦ ἐπροξένησ' ὅλη τὴ χαρὰ, ὅπου εἶχε ἔς τὴν καρδιά του τὸ βασιλόπουλο τώρα πλέον ἐκαταλάβαινε καλὰ τὴ δύναμι τοῦ δακτυλιδιοῦ. Ἔτσι συλλογιζόμενο ἐγύρισε τ' ἄλογο του πρὸς τὸ παλάτι, ὅπου ἐξοῦσ' ἡ ὡραία κόρη. Ἐκείνη τὴν ὥρα, ἡ κόρη ἐκάθονταν ἔς τὸ ἴδιο παράθυρο, ὅτε πρώτη φορὰ εἶδε τὸ βασιλόπουλο· ὄχι ὅμως χαρούμενη, καθὼς ἐτότε· τώρα ἦτανε μόνη της, χωρὶς τ' ἀγαπημένο περισεράκι της· ἦτανε βυθισμένη σὲ μεγάλη συλλογῆ, κ' ἐτσι θλιμμένη εὐρίσκοντανε ὡς ἐκείνη τὴ στιγμή, ὅπου σηκόνοντας τὰ μάτια της, εἶδε τὸ βασιλόπουλο. Ἡ κόρη ἀπὸ μακρὰ τὸ ἔγνώρισε τῆς ἐφάνηκε πῶς ἀνασήθηκε· δὲν ἤξευρε τί νὰ κάνῃ ἀπ' τὴ χαρὰ της· ἤθελε νὰ ἴβῃ νὰ τ' ἀποδεχθῆ, κ' ἐκίνησ' ὡς ἓνα διάσημα· ἐπειτα ὅμως ἤλθε ἔς τὸν ἑαυτὸ της, κ' ἐσοχάσθηκε ὅτι δὲν ἔχει τὸν τόπο του, κόρη νὰ ἴβῃ μοναχῆ. Ἐγύρισε τὸ λοιπὸν, κ' ἔτρεξε ἔς τοὺς

тою же дорогою и съ тѣмъ же средствомъ промчался назадъ, не потерявъ даже волоска съ головы. При выѣздѣ пзъ горъ, онъ нашель своего вѣрнаго слугу, который уже не ожидаель своего Царевича: онъ, не надѣялся видѣть его болѣе. «Бѣги!» кричалъ ему Царевичъ, «сосудъ нашъ уже непусть, онъ наполненъ безсмертною водою!» Отъ радости, Царевичъ не могъ произнести ничего болѣе и быстро по-скакаль по дорогѣ. Еще скорѣе онъ проѣхалъ тѣ страшныя мѣста: звѣри, какъ-будто уже знакомые, не мѣшали ему пробираться по этой опасной дорогѣ и давали ему свободный проходъ. Миновавъ край послѣдняго царства, онъ хотѣль направить свой путь прямо къ родителю, но счель за большую обиду не заѣхать въ жилище той, которая была причиною всей его радости. Царевичъ теперь ясно понималъ всю силу перстня. Такъ разсуждая, поворотилъ онъ къ дворцу, въ которомъ жила та дѣвица. Она сидѣла въ то время у того же окна, гдѣ и въ первый разъ завидѣль её Царевичъ; но теперь она уже не была такъ весела и сидѣла одна, безъ своего млага голубка. Она была погружена въ глубокую задумчивость и уныніе до той минуты, когда, поднявъ глаза, завидѣла Царевича. Она узнала его издали. Ей казалось, что она воскресла; отъ радости не знала что дѣлать; хотѣла выйти къ нему на-встрѣчу, даже прошла нѣсколько шаговъ, но потомъ, опомнившись и подумавъ, что дѣвицѣ не прилично выходить одной, воротилась, побѣжала къ родителямъ и съ ними вмѣстѣ вышла на-встрѣчу къ Царевичу, который уже не былъ такъ уныль, какъ при первомъ пріѣздѣ. Онъ радовался

γονεῖς της, καὶ μαζί τους ἐβγήκε κι ἀποδέχθηκε τὸ βασιλό-
 πουλο, ὁποῦ δὲν ἦτανε πλέον ἔτσι μελαγχολικὸ, καθὼς πρῶτα.
 Τώρα χαίρουντανε, σὰ μικρὸ παιδί. Ἐχαιρέτησε τοὺς γονεῖς,
 εἰμίωσε ἔς τὴν κόρη, ἐλεύθερα τὴν ἐπῆρ ἀπὸ τὸ χέρι, τὴν
 εὐχαρίστησε, δείχνοντάς της τὸ δακτυλίδι. Ἀρχισαν ἔπειτα τῆς
 ὁμιλίαις, ἐμβήκανε ἔς τὸ παλάτι, ἐκάθισαν ὀλίγο, ὕψερα
 ἐκατέβηκαν ἔς τὸ περιβόλι, ἐπεριπάτησανε κάμποσο, καὶ
 πάλι ἀνέβηκαν ἔς τὸ παλάτι. Ὅλα, ὅσα ἔμιλησαν, εἶναι νόστιμα
 γιὰ τοὺς ἐρωτευμένους· ἐμᾶς ὅμως μᾶς φθάνει νὰ ἤξεύρωμ
 ὅτι τὸ βασιλόπουλο ὑποσχέθηκε τῆς κόρης, νὰ ζητήσῃ τὴν
 ἄδεια τοῦ πατέρα του, καὶ νὰ γυρίσῃ νὰ τὴν πάρῃ γυναικῶ
 του.

Ἡ ὁμιλία τοῦ βασιλόπουλου μὲ τὴν κόρη τελειωμὸ
 δὲν εἶχαν. Ἐξαφνα ὅμως τὸ βασιλόπουλο ἦλθε ἔς τὸν ἑαυτὸ
 του· ἐθυμήθηκε ὅτι ὁ καιρὸς τοῦ ἦτανε πολλ' ἀκριβός. Ὁ
 σκοπὸς του ἦτανε νὰ ἐμβῃ, νὰ εὐχαριστήσῃ, κ' εὐθὺς ν'
 ἀκολουθήσῃ τὸ δρόμο του, χωρὶς νὰ χύσῃ τόσαις ὥραις!
 Ἐσηκώθηκε λοιπὸν ν' ἀποχαιρετηθῇ. Ἡ κόρη τότες ἐπῆρε
 τὸ βασιλόπουλο ἀπ' τὸ χέρι, τοῦ ἔδειξε τὸ τραπέζι, ὁποῦ
 ἦτανε ξρωμένο, καὶ τὸ παρακάλεσε νὰ μείνῃ ἔς τὸ γεῦμα.
 Τὸ βασιλόπουλο ἠθέλησε νὰ εἰπῇ τὸ «Ὅχι» ἀμμὴ δὲν
 ἠμπόρεσε νὰ τὸ προφέρῃ· ἔμεινε λοιπὸν καὶ ἔς τὸ γεῦμα.
 Ἐντὸν αὐτὸ τὸν καιρὸ τὸ βασιλόπουλο ἐδιηγήθηκε, ἀπὸ ἓνα —
 ἓνα, ὅλα, ὅσα τοῦ συνέβηκαν, ὥσε νὰ φθάσῃ ἔς τ' ἀθάνατο
 νερό. Μετὰ τὸ γεῦμα, τὸ βασιλόπουλο ἐβυθίσθηκε πάλι ἔς
 ἀτελείωταις ὁμιλίαις μὲ τὴν ὡραία κόρη ἠθέλησ' ὅμως καὶ
 δεύτερη φορὰ ν' ἀποχαιρετηθῇ, ἀμμὴ ἢ κόρη, μὲ τὰ γλυκὰ
 λογάκια της, πάλι δὲν τὸ ἄφησε. Εἶχε πλέον νυχτώσει, καὶ

теперь, какъ маленькое дитя. Окончивъ привѣтствіе родителямъ, онъ подошелъ къ дочери, взялъ её смѣло за руку и, указывая на перстень, выражалъ предъ нею свою благодарность. Затѣмъ они начали взаимный между собою разговоръ, въ продолженіе котораго вошедши во дворецъ, посидѣли немного, потомъ сошли въ садъ, походили нѣсколько и опять возвратились въ покои. Всё, что имъ говорили они, можетъ доставить удовольствіе однимъ влюбленнымъ, для насъ же достаточно знать только то, что Царевичъ далъ дѣвицѣ обѣщаніе просить позволенія у отца и, возвратившись, получить ея руку.

Бесѣдѣ Царевича съ красавицею конца не было; но онъ вдругъ пришелъ въ себя и вспомнилъ, какъ дорого для него время. Цѣль его была только войти, поблагодарить и немедленно продолжать путь, а теперь онъ потерялъ столько часовъ! Онъ всталъ съ своего мѣста, чтобы проститься. Тогда красавица, взявъ его за руку, указала ему на столъ, который былъ уже накрытъ и просила его остаться отобѣдать. Царевичъ хотѣлъ сказать — *нѣтъ*, но онъ не могъ уже произнести этаго слова. И такъ, онъ остался обѣдать. За столомъ Царевичъ разсказалъ подробно всё, что съ нимъ случилось до того времени, пока онъ дошелъ до безсмертной воды; послѣ обѣда снова начались безконечные разговоры юныхъ собесѣдниковъ Царевичъ всталъ и принялся было во второй разъ за прощанья, но красавица снова удержала его своею очаровательною привѣтливостію. Время уже клонилось къ вечеру, стало темнѣть, и наипъ Царевичъ

τὸ βασιλόπουλο ἔσραξε νὰ ξεφυχτίση ἐκεῖ. Ὅταν ὁμως ἔμεινε μόνου του, ἄρχισε νὰ μελαγχολῇ· ἐθυμήθηκε τὸν ἄρρωστο πατέρα του, ἄρχισε νὰ μαλόνῃ τὸν ἑαυτό του, καὶ ἔς τὴν καρδιά του εἶχε μεγάλη ξενοχωρία. Τώρα τοῦ θάμβονανε τὸν νοῦ τα κάλλη τῆς κόρης, τώρα ἡ καρδιά του ἐκλαιε, ἐπειδὴ τοῦ φαίνοντανε σὰν νὰ ἴβλεπε τὸν ἄρρωστο πατέρα του κοιτάμενο, σὰν νεκρὸ, ἔς τὴ χρυσοῦ κλίνη του τοῦ φαίνοντανε, σὰν ν' ἄκουε καὶ τὴν ἀδυνατισμένη του φωνὴ νὰ μουρμουρίζῃ τοῦτα τὰ λόγια «Παιδί μου! ξεφυχῶ! ποῦ εἶναι τ' ἀθάνατο νερό!» Καὶ τοῦτος εἶναι ὁ μεγαλύτερος ἀγῶνας, ὅπου ὑπόφερε τὸ βασιλόπουλο, κλωνιζόμενο μεταξὺ σὲ δυὸ αἰσθηήματα, καὶ τὰ δυὸ δυνατὰ, — δυνατὰ καὶ ὠραῖα αἰσθηήματα, ὅπου ἴμοιάζουνε μὲ δυὸ ὠραίους Ἀμαζόνους, καὶ σοῦ φαίνεται, σὰν νὰ τῆς βλέπῃς νὰ πολεμοῦνε. Κ' ἡ δυὸ ἔχουν ὀνόματα τῆς ἀγάπης· τὸ ὄνομα τῆς μιᾶς — ἀγάπη ἔς τὰ κάλλη, τὸ ὄνομα τῆς ἄλλης — ἀγάπη ἔς τοὺς γονεῖς. Δὲν ἐβγῆκαν νὰ παλεύσουν ἔς τὰ μαρμαρένι ἁλώνια, ἀμμὴ ἐμβῆκαν νὰ πολεμήσουν ἔς τὴ μεγάλη καρδιά τοῦ βασιλόπουλου· γερὰ ἐπιάσθησαν, σὰν παλληκάρια ἐχτυπήθησαν. Κ' ἡ δυὸ ὠραίους κοπέλλαις, κ' ἡ δυὸ Ἀμαζόνους — ἠρώϊσσαις· ἤθελα κ' ἡ δυὸ νὰ νικήσουνε, ναί! τὸ ἤθελα, ἀμμὴ δὲ γίνεται νὰ νικήσουνε κ' ἡ δυὸ· ἡ μιὰ πρέπει νὰ πέσῃ. Καὶ μοῦ φαίνεται, σὰν νὰ τῆνε βλέπω, — ἔπεσ' ἡ μιὰ. Καὶ ποῖα σοχάζεσθε; Ἡ Ἀμαζόνα — ἡ ἀγάπη ἔς τὰ κάλλη ἔπεσε. Ἡ Ἀμαζόνα — ἡ ἀγάπη ἔς τοὺς γονεῖς ἐνίκησε. Τὸ βασιλόπουλο ἀποφάσισε νὰ σηκωθῇ πολλὰ πρωῖ, καὶ νὰ φύγῃ κρυφ' ἀπὸ τὴν κόρη. Ἡ ἀπόφασίς του ἦτανε ξεραὰ, πλὴν νὰ ἴδοῦμε πῶς τὸ κατώρθωσε.

принужденъ былъ согласиться тамъ переночевать. Но оставшись наединѣ съ самимъ собою, впалъ онъ въ большое уныніе: онъ вспомнилъ о своемъ больномъ отцѣ и началъ осыпать себя упреками. Онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ сильное стѣсненіе. То умъ его затмѣвала красота дѣвы, то его сердце разрывалось, когда онъ представлялъ себѣ большого родителя, который, подобно умирающему, лежалъ на богатомъ одрѣ и будто спрашивалъ у него безсмертной воды, говоря, что скоро испуститъ послѣднее дыханіе. Ужасна была борьба, которую долженъ былъ выдержать Царевичъ, колеблясь между двумя чувствами равно сильными — сильными и прекрасными чувствами. Кажется, видишь въ этихъ чувствахъ двухъ сражающихся Амазонокъ: обѣ онѣ носятъ имя любви; имя одной — любовь къ красотѣ, имя другой — любовь къ родителямъ. Онѣ вышли сразиться не на мраморномъ гумнѣ (*), но вступили въ борьбу въ великомъ сердцѣ Царевича: крѣпко схватились онѣ, какъ храбрые бойцы, и стали биться. Обѣ дѣвы — красавицы, обѣ Амазонки-героини; хочется, чтобъ обѣ остались побѣдительницами, но это невозможно; одна изъ нихъ должна пасть. И вотъ уже, кажется, я вижу пала одна. А которая, вы думаете? пала Амазонка — любовь къ красотѣ; Амазонка — любовь къ родителямъ — побѣдила. Царевичъ рѣшился встать утромъ очень рано и удалиться тихоюшко отъ прелестной дѣвы. Онъ твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе; но посмотримъ какъ это ему удалось.

(*) О чистотѣ и ровности гумна въ Греціи прилагаютъ особенное стараніе; потому-то въ народныхъ греческихъ пѣсняхъ герои являются состязавшимися на этихъ мѣстахъ. См. пѣснь подл. № 12.

Μόλις ἐγλυκοχάραξε, καὶ ἡ κόρη εἶχε σηκωθῆ προτῆτερ ἀπὸ τὸ βασιλόπουλο· καὶ αὐτὴ ἀγρυπνοῦσε, δὲν ἐσφάλισε μᾶτι ὅλη τὴν νύχτα, καὶ τώρα, μόλις ἄρχισε νὰ ξημερώνῃ, ἐκατέβηκε ἔς τὸ περιβόλι ν' ἀνεσάνῃ ὀλίγο ἔς τὸν καθαρόν ἀέρου. Τὸ βασιλόπουλο ἀπόρησ' ὅταν τὴν εἶδε χαρὰ καὶ λύπη τὸ ἐκυρίευσε· τώρα ἐκατάλαβ' ὅτι ἦταν ἀδύνατο νὰ φύγῃ κορυφὰ τῆς· καὶ χωρὶς νὰ θέλῃ, ἐκατέβηκε ἔς τὸ περιβόλι καὶ τὴν ἐκαλημίρισε. «Ἐγὼ ἐσηκώθηκα ν' ἀποχωρητηθῶ μαζί σου,» τοῦ εἶπεν ἡ κόρη μὲ μεγάλο παράπονο. Τὸ βασιλόπουλο δὲν ἠμπόρεσε ν' ἀποκριθῆ τίποτε. Κ' οἱ δυὸ ἦτανε κουρασμένοι ἀπὸ τὴν ἀγρυπνιά, ἀπὸ τὴ συλλογὴ καὶ ἀπὸ τὸ παράπονο. Κρατιούμενοι ἀπὸ τὸ χέρι ἑκαμῶν ὀλίγα πατήματα, ἔπειτα ἐκάθησαν ἔς ἕνα μικρὸν ὄχθο, ὁποῦ σιμὰ ἔς τὸ δρόμο τους ἔτυχε μικραῖς καὶ φουντωταῖς κитριαῖς ἔλεγες πῶς εἶχανε σφιχτ' ἀγκυλιασμένον ἐκεῖνο τὸν τόπο. «Ἐγὼ βλέπω, εἶπεν ἡ κόρη, ὅτι ἐξύγως ἡ ὥρα, ὁποῦ πρέπει νὰ μᾶς ἀφήσῃς.» Τοῦτα τὰ λόγια τὰ ἐπρόφερε μὲ τόση δυσκολία, ὁποῦ ἐφαίνοντανε, σὰν νὰ τῆς ἦλθε λιγοθυμιὰ. Τὸ βασιλόπουλο ἔσκυψε νὰ τὴν κρατήσῃ, καὶ ἡ κόρη ἐκλινε τὴν ἀγγελικὴ τῆς κεφαλὴ ἔς τὸ δεξιὸν χέρι. Τούτῃ τὴν ὥρα μεγάλη ἰσχυρία ἐκυρίευε ἔς τὸ περιβόλι, ψυχὴ δὲν ἦταν ἄλλος ἀπὸ τοὺς δυὸ ἐρωτευμένους μας. Ἦτανε πολλὰ πρωῖ. Μόλις τ' ἀηδονάκια ἄρχιζαν νὰ ξυπνοῦνε, καὶ νὰ βγαίνουν ἀπὸ τῆς φωλιαῖς τους, καὶ πηδῶντας ἀπὸ κλαδάκι σὲ κλαδάκι, καὶ ἀπὸ κορυφὴ σὲ κορυφὴ τῆς λεμονιᾶς ἢ τῆς πρωτοκαλλιᾶς, ἄρχιζαν τὰ χαρούμενα τραγουδάκια τους, καὶ μὲ τὴν ἀγγελικὴ τους μελωδία ἐνανάριζαν ἐρωτευμένη κόρη. Τὸ βασιλόπουλο ἐπαρατήρησ' ὅτι ἡ κόρη,

Заря еще не занялась, а ужъ красавица давно встала, и раньше Царевича. Она также провела цѣлую ночь безъ сна; подобно ему, не смыкала ни на минуту глазъ — а теперь едва начало разсвѣтать, какъ она сошла въ садъ, чтобы подышать легче на чистомъ воздухѣ. Примѣтивъ её, Царевичъ удивился. Радость и печаль овладѣли имъ внезапно; теперь онъ видѣлъ невозможность уѣхать тихонько отъ неё; онъ самъ сошелъ невольно въ садъ и привѣтствовалъ красавицу. «Я встала, чтобъ проститься съ тобою,» сказала она ему съ видомъ трогательной горести. Царевичъ не могъ отвѣчать ей ни слова. Они оба были утомлены продолжительною бессонницею и грустью. Рука объ руку прошли они нѣсколько шаговъ и сѣли на покатости ближайшаго къ нимъ пригорка, осѣняемаго тѣнистыми вѣтвями цитронныхъ деревьевъ, которыя такъ близко росли одно къ другому, что, казалось, крѣпко обнимали то мѣсто. «Я вижу, сказала красавица, что время твоего отъѣзда приблизилось.» Она произнесла эти слова съ такимъ усилениемъ, что, казалось, дыханіе стѣснилось въ ея груди. Царевичъ нагнулся, чтобы поддержать её, и дѣва склонила свою ангельскую головку на его правую руку. Въ эту минуту въ саду царствовала глубокая тишина, ни одной души въ немъ не было, кромѣ двухъ нашихъ влюбленныхъ. Было еще очень рано. Чуть-чуть только начинали пробуждаться соловушки, которые вылетали изъ своихъ гнѣздъ и, порхая съ вѣтки на вѣтку, съ вершины на вершину лимоннаго или апельсиннаго дерева, уже начинали свои веселыя пѣсенки и своєю очаровательною мелодією ублаживали влюбленную красавицу. Царевичъ замѣтилъ, что

ἀκουμβῶντας ἔς τὸ χέρι του, ἀποκοιμήθηκε. Ἐς τὸν ἴδιον καιρὸν ἐμάτιασε τὸν δούλο του, ὁποῦ ἔμβαινε ἔς τὸ περιβόλι καὶ ἐσίμωνε κάτι νὰ τοῦ εἶπῃ. Τὸ βασιλόπουλο τοῦ ἔκανε νεῦμα νὰ πλησιάσῃ ἀγάλια. Ὁ φρόνιμος καὶ πιστὸς δούλος ἐσίμωσε μὲ μεγάλη προσοχή, καὶ ἐφάνερωσε τοῦ βασιλόπουλου ὅτι ὅλα ἦταν ἔτοιμα γιὰ τὸ ταξίδι τους. «Καλά!» τοῦ εἶπε τὸ βασιλόπουλο, καὶ παρενθὺς τὸν ἐπρόσβαξε νὰ ἐτοιμάσῃ ἓνα προσκέφαλο, καὶ νὰ τὸ γεμίσῃ τριαντάφυλλα, ὁποῦ τὸ περιβόλι ἦταν γεμάτο. Ὁ δούλος, ὥστε νὰ γυρίσῃς νὰ ἰδῆς, τὸ ἐτοίμασε. Ἐτότες τὸ βασιλόπουλο ἀγάλι ἀγάλι ἀπόθεσε ἔς τὸ προσκέφαλο τῆ χαριτωμένη κεφαλὴ τῆς κόρης, ἔπειτα ἔβγαλ' ἀπὸ τὰ δάκτυλά του ὅλα τὰ βασιλικά του δακτυλίδια, τ' ἀκριβὰ χαρίσματα τῆς μάννας του καὶ τοῦ πατέρα του, καὶ τ' ἀπόθεσε ἔς τὸ ἴδιο προσκέφαλο ἀπέκει σιγὰ—σιγὰ ἐτραβίχθηκε, ἐβγήκε ἀπ' τὸ περιβόλι καὶ ἀπὸ τὸ παλάτι, ἐπήδησε ἔς τ' ἀλόγο του, καὶ ἔγειν ἄφαντο.

Ὁ ὕπνος τῆς κόρης δὲν ἦταν πολὺς· ὀλίγα λεπτὰ ἐπέρσανε, καὶ ἡ κόρη ἐξύπνησε. Τοῦ κάκου τὰ γλυκὰ ματάκια τῆς ἐγύρευανε τὸ βασιλόπουλο. Σηκόνεται, τρέχει, προσπειρᾷ ὅλα τὰ δένδρα, ὁποῦ τὴν ἐμποδίζανε νὰ ἰδῇ μακρότερα, ἀναιβαίνει ἔς τὸν πλέον ὑψηλὸ τόπο τοῦ περιβολιοῦ, ἀμμη πουθενὰ δὲν ἐφαίνονταν τὸ βασιλόπουλο. Ἡ κόρη ἄρχισε ν' ἀπελπίζεται, τὰ ματάκια τῆς ἐθάμβωσαν, ἡ καρδιά τῆς ἐγέμισ' ἀπὸ παράπονο. Ἀνέβηκε ἔς τὸ παλάτι, δὲν ἄφηκε τόπο ἀγύρισο, ἔπειτα ἦλθε πάλ' ὀπίσω ἐκεῖ, ὅπου εἶχε ἀποκοιμηθῆ, καὶ τότε μόλις ἐπαρτήρησε τὸ προσκέφαλο καὶ τὰ χρυσᾶ δακτυλίδια, ὁποῦ τῆς ἄφησε τὸ βασιλόπουλο. Ἐκεῖ ἔς τὸν ἴδιον τόπο ἐκάθησε πάλι, ἐπῆρε τὸ προσκέφαλο,

она, опершись на его руку, заснула. Въ это самое время онъ увидѣлъ своего слугу, который вошелъ въ садъ и приближался къ нему. Царевичъ махнулъ ему рукою, давая знакъ, чтобы онъ подходилъ къ нему тише. Умный и вѣрный слуга подошелъ съ большою осторожностію и доложилъ ему, что все готово къ отъѣзду. «Хорошо!» сказалъ ему Царевичъ и немедленно послалъ его приготовить подушку и наполнить её розамц, которыхъ въ саду было въ большомъ изобиліи. Приказаніе было исполнено въ одно мгновеніе. Тогда Царевичъ съ величайшею осторожностію склонилъ прелестную головку своей милой на подушку, потомъ снялъ съ рукъ всѣ свои царскіе перстни, дорогіе подарки своего отца и матери, и положилъ ихъ также на подушку возлѣ головки красавицы; послѣ этаго онъ молча сталъ отходить отъ нея, вышелъ изъ саду и изъ самаго дворца, вскочилъ на коня — и исчезъ.

Сонъ красавицы былъ очень не продолжителенъ; прошло немного минутъ и она проснулась. Напрасно ея прелестные глазки ищутъ Царевича. Она встаетъ, бѣжитъ, пробѣгаетъ всѣ деревья, которыя мѣшали ей смотрѣть въ даль, взбѣгаетъ на самое возвышенное въ саду мѣсто, но Царевича нигдѣ не видно. Она пачала отчаяваться, ея глаза затмилась, ея сердце уже переполнилось грустью. Она вошла во дворецъ, обходила всѣ его мѣста, опять возвратилась въ садъ на то мѣсто, гдѣ она было заснула и тогда только замѣтила подушку и золотые перстни, которые оставилъ ей Царевичъ. Тамъ она опять сѣла, взяла подушку и не успѣла еще положить её къ себѣ на колѣна, какъ съ ея прелестныхъ

καὶ δὲν ἐπρόφρασε νὰ τ' ἀποδέσῃ ἔς τὰ γόνατά της, κί ἀπὸ τὰ γλυκὰ ματάκια της, ἔτρεξαν βρούβαις μαργαριτάρια. Ἔτσι ἐπέρασ' ἀκριτὴν ὥρα, ὡσεὶ ποῦ ἄλφρωσ' ὀλίγο ἡ καρδιά της· ἐπειτ' ἄρχισε νὰ μαλόνη τὰ τριαντάφυλλα, νὰ μυλόνη τὰ δακτυλίδια, καὶ κυττάζοντάς τα μὲ παράπονο, λυπητερά τὰ τραγουδῆσε·

“Ρόδα μου καὶ τριαντάφυλλα!

Χρυσᾶ μου δακτυλίδια!

Γιατί μ' ἀποκοιμήσετε,

Κ' ἐπῆρτε τὸν καλὸ μου,

Τὸν ἀκριβὸν ἀετό μου;”

Κάμποσαις φοραῖς ἐδευτέρωσε τοῦτο τὸ τραγουδάκι ἔς αὐτὸ ἡῦρε τὴ μόνη παρηγοριά της· γλίγωρα ὅμως ἐπαρηγορήθηκε καλύτερα, ἐθυμῆθηκε τὴν ὑπόσχεσι τοῦ βασιλόπουλου, ὅπου τῆς εἶχε πεῖ, ὅτι δὲν θ' ἀργήσῃ νὰ γυρίσῃ, καὶ ἤλιψε πολὺ ἔς τὴν ὑπόσχεσί του. “Ὅλ' αὐτὰ ἐγείνανε, ὡσεὶ ποῦ κοιμοῦνταν οἱ γονεῖς τῆς κόρης. Τώρα κί αὐτοὶ ἐξύπνησαν, ἔμωθαν ὅτι τὸ βασιλόπουλο ἔφυγε, κ' ἤλθαν νὰ παρηγορήσουνε τὴν ἀκριβὴ τους μὲ τὰ χαιῖδιά τους. Ἡ μητέρα μάλισα ἔτσι τῆς ἔλεγε· “Κόρη μου! γιατί λυπᾶσαι, ἐσὺ ἔπρεπε νὰ χαιρέσαι, βλέποντας τέτοιαις χάραϊς, καὶ τέτοιαι καλὴ καρδιά, ὅπου ἔχει τὸ βασιλόπουλο. Γιὰ τὴν ἀγάπη πρὸς τὸν πατέρα του ἔφυγε κρυφά σου γιὰ τὴν ἀγάπη πρὸς τὸν ἴδιον ὑπόφερε τόσους κινδύνους. Ἡ κόρη ἐκατάλαβ' ὅτι ἡ μητέρα της ἔλεγε ἀλήθεια. Μέρα τὴν ἡμέρ' ἄρχισε νὰ παρηγοριέται δὲν ἐπανσ' ὅμως νὰ τραγουδῇ τὸ

глазокъ жемчугъ ручьями покатился. Въ такомъ положеніи она провела нѣсколько времени, до-тѣхъ-поръ, пока почувствовала немного облегченіе; потомъ начала она бравить и розы и перстни, и бросивъ на нихъ горестный взглядъ, уныло запѣла:

«О розы мои, *триандафли* мои, (*)
И перстни мои золотые!
Зачѣмъ усынили меня, роковые,
Любезнаго друга лишили,
Орла моего дорогаго?»

Нѣсколько разъ повторила она эту пѣсенку: она находила въ ней единственное утѣшеніе; но скоро въ самомъ дѣлѣ утѣшилась, вспомнивъ слова Царевича, который сказалъ, что немедленно къ ней возвратится, а ея сердце очень-очень вѣрило этимъ словамъ. Всѣ это происходило въ то время, когда родители ея еще спали. Теперь они проснулись, узнали, что Царевичъ уѣхалъ и пришли утѣшить свою дорогую дочь нѣжными ласками. «Милая дочь» говорила ей мать, «о чемъ тебѣ печалиться? ты, напротивъ, должна радоваться, видя въ Царевичѣ такія рѣдкія достоинства и столь доброе сердце. Изъ любви къ своему отцу онъ ушелъ тихонько отъ тебя; изъ любви же къ нему онъ перенесъ столько опасностей.» Дочь поняла, что мать говорила правду. Съ каждымъ днемъ она стала болѣе утѣшаться, но все-таки

(*) См. замѣч. къ XXII пѣсни.

συνειθισμένο τραγουδάκι της, καὶ νὰ λέγῃ τὰ παράπονά της
ἔς τὰ τριαντάφυλλα καὶ ἔς τὰ δακτυλίδια.

«Ρόδα μου καὶ τριαντάφυλλα!

Χρυσᾶ μου δακτυλίδια!

Γιατί μ' ἀποκοιμήσετε,

Κ' ἐπῆρτε τὸν καλὸ μου,

Τὸν ἀκριβὸν αἰτό μου;»

Ὡς τόσο τὸ βασιλόπουλο, ἔξερ' ἀπὸ τόσους κόπους
καὶ βάσανα, ἔφθασε, τέλος πάντων, ἔς τὸ βασιλεῖο τοῦ
πατέρα του. Καθένας σας σοχάζεται, ὅτι ἐτελειώσανε τῶρα τὰ
καρδιοχτύπια του νὰ ἰδοῦμ' ὅμως τί τοῦ εἶχε ἀκόμη
γραμμμένο ἢ τύχη του.

Τὸ βασιλόπουλο τῶρα ἐξύγνε ἔς τὸ παλάτι τοῦ πατέρα
του, γερά — γερά ἐκρουτοῦσε τὸ λαγῆνι μὲ τ' ἀθάνατο νερό,
μὲ ἀνυπομονησία ἐδιώχνε τ' ἄλογό του ἄμμη ὁ κόσμος,
ὅπου οἱ δρόμοι ἦτανε γεμάτοι, τὸ ἐμπόδιζαν νὰ τρέξῃ
γλίγωρα, καὶ ὅσο ἔζύγνε, τόσο περισσότερον κόσμον ἀπαν-
τοῦσε. Ὅταν ἤλθ' ἀντίκρου ἔς τὸ παλάτι, ἔπρεπε νὰ σαματήσῃ,
ἐπειδὴ ὁ λαὸς ἐσέκουντανε σὰν τείχος. Ὅλοι ὅμως ἄρχισαν
νὰ παραμερίζουνε καὶ νὰ δίνουνε τόπο τοῦ βασιλόπουλου,
ὅπου δυνατὰ ἐκαρδιοχτυποῦσε· ἐπειδὴ δὲν ἤξευρε τί δηλοῖ ὁ
πολὺς κόσμος, ὅπου ἀπαντοῦσε καὶ δὲν ἠθελε νὰ ρωτήσῃ,
ἐπειδὴ ἐφοβοῦντανε νὰ μὴν ἀκούσῃ ἐκεῖνο, ὅπου τοῦ ἔδινε
τόση ἀνησυχία ἀπὸ μιᾶς ἀρχῆς τοῦ ταξιδιοῦ του. Ἀρχισ'
ὅμως, καὶ χωρὶς νὰ θέλῃ, νὰ προσέχῃ ἔς τῆς ἀλλόκοταις
φωναῖς τοῦ λαοῦ, κ' ἐξεδιάλυνε τὰ φορικτὰ τοῦτου λόγια·

продолжала высказывать свои жалобы и на розы и на перстни, напѣвая свою любимую пѣснь:

«О розы мои, *триандафли* мои,
И перстни мои золотые!
Зачѣмъ усыпили меня, роковые,
Любезнаго друга лишили,
Орла моего дорогаго?»

Между-тѣмъ Царевичъ, послѣ великихъ трудовъ и необыкновенныхъ опасностей, пріѣхалъ наконецъ въ царство своего отца. Каждый изъ васъ (*) думаетъ, что теперь уже прекращается тревожное бѣненіе сердца Царевича; но посмотримъ, что еще было ему написано его судьбою.

Царевичъ уже подъѣзжалъ ко дворцу своего родителя, крѣпко-на-крѣпко держалъ сосудъ съ безсмертною водою, съ нетерпѣніемъ погонялъ онъ усталую свою лошадь; но народъ, которымъ наполнены были всѣ дороги и улицы, препятствовалъ ему скоро ѣхать, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ, тѣмъ болѣе встрѣчалъ народа. Поравнявшись съ дворцомъ, остановился онъ, по причинѣ множества народа, который стѣною тѣснился передъ нимъ. Замѣтивъ Царевича, всѣ начали постороняться и давать ему дорогу; но отъ какого-то предчувствія сердце Царевича сильно забилось. Онъ не понималъ, что значитъ такое множество народа,

---

(*) Читатель не забудетъ, что здѣсь Г-нъ Амарантосъ на кораблѣ «*Дельфинасъ*» въ архиепископѣ обращается къ своимъ спутникамъ-пассажерамъ.

«Ἐχάδαμε τὸν πατέρα μας! Ἐχάδαμε τὸ βασιλεῦμα μας!!...»
 Τὸ βασιλόπουλο δὲν ἦτανε βέβαια γυναῖκα νὰ λιγοθυμήσῃ ἀμμή, ὅπως νὰ ἴναι, αὐταῖς ἢ τρομεραῖς φωναῖς τοῦ λαοῦ τόσο τοῦ ἐτάραξαν τὴν καρδιά, ὅπου λίγο ἔλειψε νὰ πάθῃ μιὰ μεγάλη δυσυχία. Τὸ δεξιὸν τοῦ χέρι, ὅπου κρατοῦσε τὸ λαγῆνι μὲ τ' ἀθάνατο νερὸ, εἶχε τόσο κουρασθῆ, ὥστε παρὰ τριχὰ νὰ ματαιώσῃ τῆς λαμπραῖς ἐλπίδαις του· καὶ τὸ βασιλόπουλό μας τώρα θὲ νὰ ἐδοκίμαζε τὴν πλέον μεγάλη πίκρα ἔς τὴ ζωὴ του, ὅπου ἴσως ἐπρομηνοῦσε καὶ ἄλλη μεγαλήτερη, ἂν δὲν ἐπρόφθανε, τὸ γλιγωρότερο, ν' ἀπολύσῃ τὰ χαλινάρια τ' ἀλόγου του, καὶ μὲ τ' ἄριζερὸ τοῦ χέρι ν' ἀδράξῃ τὸ λαγῆνι μὲ τ' ἀθάνατο νερὸ, σχεδὸν ἔς τὸν ἄερα.
 Ἔτσι κατατρομασμένο καὶ καταβαρυσμένο τὸ βασιλόπουλο εὐρέθηκ' ἐμπρὸς ἔς τὸ παλάτι τοῦ πατέρα του ξεπεξεύει, ἄναιβαίνει ἔς τὸ παλάτι, τρέχει ἔς τὴν κάμερα τοῦ πατέρα του — καὶ τί νὰ ἰδῆ! — τὸν πατέρα του κοιτάμενο ἔς τὸ ἴδιο κρεβάτι, ὅπου τὸν εἶχε ἀφήσει, — τὴ μητέρα του ἔς τὸ προσκέφαλό του, καὶ ὄλ' οἱ Μεγιζῶνες τοῦ βασιλείου του ἐξέκουντανε τριγύρω τῆς κλίνης του ἄλλοι ἔκλαιαν, ἄλλοι ἔσφουγγιζαν τὰ δάκρυά τους, καὶ ἄλλοι οὐτ' ἔκλαιαν, οὐτ' ἐδάκρυζαν, ἀμμή συχνὰ καὶ βαρεὰ ἀναξέναζαν. Ὁ βασιλεὺς ἐψυχομαχοῦσε, εἶχε τὰ μάτια του γουλλωμένα καὶ ἀνακατωγυρισμένα. Δὲν ἦτανε πλέον σὲ κατάστασι νὰ γνωρίσῃ τὸν ἀκριβὸ τοῦ υἱόν, ὅπου γι' αὐτόνε πολλαῖς φοραῖς βαρεὰ ἀναξέναζε, καὶ εἶχε πικρὰ μετανοήσει, ὅπου τὸν ἐξεῖλε γιὰ τ' ἀθάνατο νερὸ, καὶ τὸν ἐλογάριαζε πλέον γιὰ χαμένο. Τὸ βασιλόπουλο, βλέποντας τὸν πατέρα του νὰ ψυχομαχᾷ, δὲν τὰ χάνει, ἀδράχνει τὸ λαγῆνι του, ἀδειάζει ἀθάνατο νερὸ ἔς

которое онъ видѣлъ предъ собою, и не хотѣлъ спросить, опасаясь услышать то, что съ самаго начала его великаго предпріятія сильно его безпокоило. Но невольно началъ онъ внимать страшнымъ воплямъ народа, и разобралъ эти ужасныя слова: «Лишились нашего отца! лишились нашего Царя! . . .» Конечно, мы не опасаемся, чтобъ нашъ Царевичъ упалъ въ обморокъ отъ этихъ ужасныхъ словъ, нѣтъ; онъ не слабая женщина! но какъ бы то ни было, эти вопли народные до такой степени поразили его душу, что съ нимъ чуть-чуть не случилось великаго несчастія. Правая рука, которою онъ держалъ сосудъ съ безсмертною водою, ослабѣла, и это едва не отравило всѣ его радостныя надежды, и навѣрно бы нашъ Царевичъ испыталъ теперь новое горе, предвѣщающее, можетъ быть, еще большее, ежели бы вдругъ не опомнился; въ мгновеніе ока онъ выпустилъ поводъ своего коня и успѣлъ лѣвою рукою, почти на лету, подхватить кувшинъ съ безсмертною водою. Въ такомъ испуганномъ и встревоженномъ состояніи Царевичъ вдругъ очутился предъ входомъ въ отцовскій дворецъ; слѣзаетъ съ лошади, входитъ во дворецъ, бѣжитъ въ покои своего отца — и что же представилось его глазамъ? Отецъ его лежитъ распростертый на томъ же самомъ ложѣ: у изголовья стоитъ мать; важнѣйшія особы изъ цѣлаго царства окружаютъ смертный одръ его; одни плачутъ, другіе отираютъ слезы, а шные ни плачутъ, ни слезъ не отираютъ, но частехонько и тяжело вздыхаютъ. Царь въ эту минуту былъ при послѣднемъ издыханіи, его глаза стали закатываться. Онъ не былъ въ состояніи узнать своего дорогого

τὸ ζῶμα τοῦ πατέρα του, καὶ — ὦ τοῦ θαύματος! ὁ βασιλέας ὅλος μὲ μιὰ ἐταράχθηκε καὶ μύτια του, καὶ χέρια του, καὶ ποδάρια του, ὅλα ἔσαν καιρὸν ἐξωντάνευσαν· ἔπειτ' ἀνασηκώθηκε ὀλίγο, ἐπῆρε μόνος του τὸ λαγῆνι μὲ τ' ἀθάνατο νερό, κ' ἔπιε, ἔπιε, ὡσεὶ ποῦ ἔχορτασε καὶ δίνοντας το πίσω τοῦ υἱοῦ του, «Παιδί μου! τοῦ εἶπε, ἐσὺ μ' ἀνάσσεις, κ' ἐγὼ μὲ τί νὰ σ' τὸ πληρώσω;» Σᾶς ἀφίνω τῶρα νὰ σοχασθῆτε, πόσαις φοραῖς ὁ βασιλέας κ' ἡ βασίλισσα ἐφίλησαν τὸ παιδί τους, πόσαις φοραῖς τ' ἀγκάλιασαν, πῶς τὸ ἐβλεπαν, σὰν ἄγγελο, ὅπου ἦλθε νὰ γλυτώσῃ τὸν πατέρα του, πῶς — ὅλο τὸ βασίλειο μονοκοπῆς ἐγέλασε, πόσαις χιλιάδες καρδιαῖς ἐγέμισαν ἀπὸ χαρὰ -- καὶ τί χαρὰ! καὶ ποῖος ἠμπορεῖ νὰ τὴν ἐξηγήσῃ τέτοια χαρὰ; Μικροὶ καὶ μεγάλοι, ἄνδρες καὶ γυναῖκες, νέοι καὶ γέροντες, — ὅλοι ἔτρεχαν ἔς τῆς ἐκκλησίαις νὰ εὐχαριστήσουνε τὸν Θεόν, γιὰ τέτοιο ἀνήκουστο καλὸ, ὅπου τοὺς ἔσειλε.

Ὡς τόσο ὁ βασιλέας ἄρχισε νὰ μιλῇ μὲ τὸν ἀκριβό του υἱόν· τὸν ἀρωποῦσε τὰ περιστατικὰ τοῦ ταξιδιοῦ του, ὅπου ἦτανε τόσα πολλὰ, καὶ τὸ βασιλόπουλο δὲν θὲ νὰ τελειοῦνε ποτές τῆς διήγησάς του, ἂν δὲν ἐβιάζοντανε νὰ περιγράψῃ τὰ κάλλη τῆς ἀγαπημένης του, καὶ νὰ φανερώσῃ ὅτι, χωρὶς τὸ δακτυλίδι τῆς, ποτές δὲν θ' ἀξιόνουντανε νὰ φέρῃ τ' ἀθάνατο νερό. Ἐπειτα ὠμίλησε γιὰ τὴν φιλοξενία, ὅπου τοῦ ἔδειξαν οἱ καλοὶ γονεῖς τῆς, καὶ, χωρὶς νὰ θέλῃ, τοῦ ἔπεσε λόγος, ὅτι ἔφυγε κρυφ' ἀπὸ τὴν κόρη. Δὲν ἐχρειάζοντανε περισσότερο, νὰ καταλάβῃ ὁ γέρος βασιλέας ὅτι ὁ υἱός του ἦταν ἐρωτευμένος, καὶ, χωρὶς νὰ τὸν ἀφήσῃ, νὰ τελειώσῃ τῆς ἀτελείωταις διήγησάς του, τὸν ἐπῆρ' ἀπὸ τὸ χέρι, κ' ἔτσι τοῦ εἶπε

сына, о которомъ онъ не однажды такъ тяжко вздыхалъ и горько раскаявался, что послалъ его за безсмертною водою, считая его уже погибшимъ. Царевичъ, увидѣвъ родителя при послѣднемъ издыханіи, не теряетъ духа, беретъ за свой сосудъ, льетъ безсмертную воду въ уста умирающаго отца, и — о чудо! вдругъ Царь весь потрясся: его глаза, руки, ноги, всё его члены въ одинъ мигъ оживились; потомъ онъ приподнялся немного, взялъ самъ кувшинъ съ безсмертною водою, сталъ пить, и пилъ до тѣхъ-поръ, пока не утопилъ жажды; и отдавая сосудъ своему сыну, сказалъ ему: «Сынъ мой, ты воскресилъ меня; чѣмъ я могу наградить тебя за это?» Оставляю вамъ самимъ думать теперь, сколько разъ Царь и Царица цѣловали своего сына, сколько разъ обнимали его, съ какимъ умилениемъ они смотрѣли на него, какъ на ангела, пришедшаго спасти своего отца, какъ цѣлое царство веселилось и сколько тысячъ сердець исполнилось радостію — и какою радостію! Кто можетъ описать такую радость? И малые и большіе, и мужчины и женщины, и молодые и старые — всё стекались во храмы благодарить Бога за столь великую милость, неожиданно имъ низпосланную.

Между-тѣмъ Царь началъ разговаривать съ дражайшимъ сыномъ и спрашивалъ его о приключеніяхъ, которыя случились съ нимъ во время путешествія и которыхъ было такъ много, что Царевичъ никогда не кончилъ бы своихъ рассказовъ, если бы не поспѣшилъ описать красоту своей возлюбленной и не объявилъ, что безъ ея перстия онъ никогда бы не удостоился счастья принести безсмертной воды; потомъ

«Γιέ μου! ἀπὸ τῆ σήμερον ἡμέρα σου παραδίνω τὸ βασιλείον μου καὶ ἡ κόρη, ὅπου ἡ ἀγάπη της, ἢ τὸ δακτυλίδι της, σ' ἐφύλαξ' ἀπὸ τόσους κινδύνους, γιὰ νὰ φέρῃς τὴ ζωὴ 'ς τὸν πατέρα σου, — ἄς ἦναι γυναικίκα σου, — ἄς ἦναι βασιλίσσα. Ἐπειτα ὁ βασιλέας ἐπρόσβαξε τοὺς πρώτους Συμβουλᾶτορας τοῦ βασιλείου του νὰ συντροφεύσουνε τὸν υἱὸ του τοῦ ἐδῶκ' ἕνα χρυσὸ ἀμάξι, ὅπου παρόμοιο δύσκολο νὰ εὔρεθῆ ἄλλο 'ς ὅλη τὴν Οἰκουμένη. Εἰς αὐτὸ ἔβαλ' ὅλα τὰ πλεόν ὠραῖα καὶ πλεόν ἀκριβὰ χαρίσματα γιὰ τὴν νύφη. Ἡ βασιλίσσα τῆς ἔξελνε, ξεχωριστὰ, τρία λαμπρότατα φορέματα, ὅπου παρασαίνανε τὸν οὐρανὸ μὲ τ' ἄστρα, τὸν κάμπο μὲ τὰ λούλουδα, καὶ τὴ θάλασσα μὲ τὰ ψάρια.

'Σ ὅλο τὸν κόσμον ἠκούσθηκε ὅτι τὸ βασιλόπουλο πάγει νὰ φέρῃ τὴν νύφη του. 'Σ ὅλα τὰ βασίλεια, ὅθ' ἐπεροῦσαν, ὁ κόσμος ἐθαύμαζανε, βλέποντας τέτοια πλούσια χαρίσματα, καὶ τέτοιο ὠραῖο ἀμάξι.

Τώρα εἶναι καιρὸς νὰ θυμηθοῦμε καὶ τὴν νύφη. Ἡ κόρη κάθε πρωτὸ ἀνέβαινε 'ς ἕν' ἀπὸ τὰ πλεόν ὑψηλὰ δώματα τοῦ πατρικοῦ της παλατιοῦ. Ἐδῶ ἄλλοτε ἤρχουντανε νὰ καμαρόνη τὰ ὠραῖα λουλούδια καὶ σπάνια μυριστικά της, ὅπου ἀνθίζανε μὲ τὰ πλεόν ζωηρὰ καὶ λαμπρὰ χρώματα μέσα σὲ μαρμαρένιαις γλάστραις, πλειὸ ἄσπραις κί' ἀπὸ τὸ χιόνι. Ἀμμή τώρα ἀνέβαινε νὰ ξανσεύνη ὀλίγο, ὅταν ἡ μεγάλη λύπη ἐπλάκωνε τὴν καρδιά της. Ἀπὸ τὸ ὑψηλὸ τοῦτο μέρος ἐφαίνονταν ὅλα τὰ περὶχωρα. Κάνεις ἐδῶ δὲν ἤκουε τοὺς ἀνασεναγμούς της, ἔξω ἀπὸ τὸ περισεράκι της. Μιὰν

разсказаль о гостепрїимствѣ, которое ему оказали ея добрые родители и невольно проговорился, что онъ уѣхаль отъ дѣвы тихонько. Старець-Царь тотчасъ поняль, что его сынъ былъ влюбленъ и, не давая ему кончить безконечные разсказы, взяль его за руку и сказаль ему: «Сынъ мой! съ этаго дня передаю тебѣ мое царство, и та дѣва, которой любовь или перстень сохраниль тебя отъ такихъ опасностей, чтобъ возвратить жизнь твоему отцу, — та дѣва да будетъ твоею супругою, — да будетъ Царицею. Вслѣдъ затѣмъ Царь повелѣль первѣйшимъ совѣтникамъ своего царства сопровождать въ дорогѣ сына, далъ ему золотую колесницу, которой подобную трудно было найти въ цѣломъ мірѣ. Въ ней Царь отправиль самые красивые и самые дорогіе подарки невѣстѣ, а Царица послала ей особо три великолѣпнѣйшія платья, на которыхъ изображены были небеса съ звѣздами, поле со всѣмъ царствомъ цвѣтовъ и море со всѣмъ царствомъ рыбъ.

По всему міру разнесся слухъ, что Царевичъ ѣдетъ за своею невѣстою. Во всѣхъ царствахъ, чрезъ которыя проѣзжалъ онъ, уливлялись, смотря на такіе богатые дары и на такую прекрасную колесницу.

Теперь пора намъ вспомнить и о невѣстѣ. Красавица постоянно каждое утро посѣщала одну изъ самыхъ высокихъ террасъ отцовскаго дворца; она прежде приходила сюда любоваться своими рѣдкими растеніями и душистыми цвѣтами, которые, ея заботливостію, росли во всей своей красѣ въ мраморныхъ вазахъ, превосходящихъ своею бѣлизною самый снѣгъ. Въ минуты скорби, ей было легче дышать въ этомъ

ἡμέρα, ἡ κόρη ἀπὸ τῆ μεγάλης τῆς ξενοχωρίας ἄρχισε νὰ τὸ μαλόνῃ, καὶ νὰ τοῦ κἀνὴ χίλιας ἐρώτησας γιὰ τὸ βασιλόπουλό τῆς· τὸ καυμμένο περιξεράκι, σὺν νὰ αἰσθάνοντανε τῆ μεγάλης λύπῃ τῆς κόρης, ἐπέταξε ἔς τὰ χεράκια τῆς, καὶ σκύφτοντας τὸ χαϊδευμένο κεφαλάκι του, τὸ ἔκρυψε ἔς τὸν κόρφο τῆς ὠρείας παρθένου. Βαρῆ ἡ κόρη ἀνεξίναζε, μὴ λαμβάνοντας κάμμιναν ἀπόκρισι ἔς τῆς ἀναριθμηταῖς ἐρώτησας τῆς. Σὲ τέτοια μεγάλη λύπη βυθισμένη ἡ κόρη ἔξαφνα ἐπαρτήρησε πλῆθος ἀνθρώπους, ὅπου ἔβγαιναν ἀπὸ τὸ δάσος, καὶ ἤρχοντανε τὰ ἴσα πρὸς τὸ παλάτι. Τοῦτῃ εἶναι ἡ σιγμὴ, ὅπου ἔφθασε τὸ βασιλόπουλο, καὶ μὴ δίνοντας καιρὸ τῆς κόρης νὰ εἰπῇ τὰ παράπονά τῆς, τῆς ἐπρόσφερε τὸ χρυσὸ ἀμάξι νὰ καθῆσθαι μὲ τῆ μητέρα τῆς, καὶ τὸ βασιλόπουλο ἐκάθησε ἔς τὸ ἴδιό του ἀμάξι μὲ τὸν πατέρα τῆς ἀγαπημένης του. Τὸ ταξεῖδι τοῦτο δὲν ὁμοίωζε τελείως μὲ τ' ἄλλα ταξεῖδια του, ὅπου ἦτανε γεμάτ' ἀπὸ κάθε λογῆς κινδύνους. Τώρα δὲν εἶχε τί νὰ φοβηθῇ πλέον ὁ πατέρας του ἐξουῖσε, ἡ μητέρα του ἐχαίρουσαν, ἡ ἀγάπη του κάθε σιγμὴ ἦταν ἐμπροσθὰ του. Ἡ κόρη εἶχε πάρῃ μαζί τῆς ἓνα πλῆθος μαργαριτάρια, ἀπὸ ἐκεῖνα, ὅπου ἔτρεχαν ἀπὸ τὰ ματάκια τῆς, ὅταν ἔλειπε τὸ βασιλόπουλο, καὶ τώρα ἀπὸ τὸ χρυσὸ τῆς ἀμάξι μὲ τὸ ζωγραφισμένο χεράκι τῆς τὰ ἔσκόρπιζε ἔς τοὺς πτωχοὺς, ὅπου ἐπέφτανε μὲ τὸ κεφάλι, ποῖος νὰ τὰ πρωταρπάξῃ. Ἡ κόρη ἐξεκαρδίζονταν ἀπὸ τὰ γέλοια, — καὶ ῥόδα ἔς τὰ ῥόδα ἐσωριάζονταν ἀπὸ τὰ μάγουλά τῆς. Ἐκεῖ νὰ ἴσους καὶ νὰ ἴδῃς εὐμορφιά! — ὄλοχρυσον ἀμάξι, καὶ μέσα κόρη ν ἡλῖος, νὰ περνᾷ μὲσ' ἀπὸ δώδεκα βασιλεια σρωμένα μαργαριτάρια καὶ τριαντάφυλλα,

удивленномъ мѣстѣ, откуда открывалась ея взорамъ вся окружная страна; здѣсь никто не былъ свидѣтелемъ ея вздоховъ, кромѣ милаго ей голубка. Къ нему однажды она обратилась съ тысячью вопросовъ о Царевичѣ; невинная птица, какъ бы чувствуя сильную печаль дѣвы, порхнула на ея ручки и склонивши свою мленькую головку, спрятала её на персяхъ красавицы. Дѣва тяжело вздохнула, не получая никакого отвѣта на свои безчисленные вопросы. Погруженная въ такую глубокую печаль, внезапно она замѣтила въ дали множество людей, которые выходили изъ-за лѣса и направляли путь прямо ко дворцу. То ѣхалъ Царевичъ съ своею свитою. По пріѣздѣ своемъ, онъ не далъ времени красавицѣ высказать свои жалобы и упреки; онъ немедленно предложилъ ей съ матерью сѣсть на золотой колесницѣ, а на своей самъ сѣлъ съ ея отцомъ. Это путешествіе уже не было похоже на прошедшее, исполненное великихъ опасностей; теперь нѣчего было ему опасаться: его отецъ въ живыхъ, его мать радовалась, его любовь каждую минуту предъ его глазами. Дѣва при отъѣздѣ взяла множество того жемчугу который катился изъ ея глазъ въ отсутствіи Царевича, и теперь она изъ золотой колесницы своею бѣлоснѣжною ручкою разсыпала его нищимъ, которые стремглавъ бросались къ колесницѣ и наперерывъ хватали жемчужины. Красавица помирала со смѣху и розы на розы ниспадали съ ея ланитъ. О еслибъ вы тамъ были, васъ восхитила бы великолѣпная картина! Колесница — вся въ золотѣ и на ней дѣвица, словно солнце, проѣзжаетъ черезъ двѣнадцать царствъ, устилаемыхъ непрерывно то жемчугомъ и

καὶ τριαντάφυλλα καὶ μαργαριτάρια. Ὁλόκληρο βασιλεῖο ἐβγήκε ν' ἀποδεχθῆ τὴν νύφη. Ὁ βασιλεὺς καὶ ἡ βασίλισσα δὲν ἤλπιζανε ποτε τοὺς νὰ ἰδοῦν τέτοιαν ὠραία κόρη αὐτοῦ δὲν ἐπίστανε τὰ μάτια τοὺς, δὲν ἤξευρνε ποιὸν νὰ πρωτοφιλήσουν, ποιὸν νὰ πρωταγκαλιάσουν, τὸν νιό τοὺς ἢ τὴν νέα κόρη τοὺς.

Ἔτσι ἐπέρασαν τὴν πρώτη ἡμέρα, χαϊδεύοντας τ' ἀκριβά τοὺς παιδιὰ. Ἡ ἄλλη ἡμέρα ἐδωκίσθηκε γιὰ τὸ γάμο Ὅλα ἦταν ἔτοιμα. Ἡ κόρη ἐφόρεσε τὸν οὐρανὸ μὲ τ' ἄσπρα, τ' ὠραιότερ' ἀπὸ τὰ τρία φορέματα, ὅπου τῆς ἐχάρισ' ἡ μητέρα τ' ἀγαπημένου της. Ἐφόρεσ' ὅλα τὰ δακτυλίδια, ὅπου τῆς εἶχε ἀφήσει τὸ βασιλόπουλο, ὅταν ἔφυγε κρυφά της. Τώρα τοὺς ἔδωκε μιὰ χαρούμενη ματιὰ, ἐχαμογέλασε, κι ἀπὸ τὰ δυὸ παρθενικά της μάγουλα ἔπιασαν δυὸ κόκκινα — κόκκινα τριανταφυλλάκια, καὶ δροσερὰ — δροσερὰ, σὰν νὰ τὰ ἔκοψες ἐκείνη τῇ στιγμή ἀπ' τὴν τριανταφυλλιὰ. Ἡ κόρη τὰ ἔπῃρε ἔς τὰ ὠραία της χερῶν, καὶ ματιαῖς — ματιαῖς ἔδινε, πότε ἔς τὰ τριαντάφυλλα, πότε ἔς τὰ δακτυλίδια κι ἀναγαλλιῶζοντας ἔτσι τὰ ἐτραγούδησε:

«Ρόδα μου καὶ τριαντάφυλλα!

Χρυσᾶ μου δακτυλίδια!

Νὰ ζῆτε, ἔπου μὲ φέρετε

Ἐς τ'ς ἀγκάλας τοῦ καλοῦ μου,

Τοῦ ἀκριβοῦ ἀετοῦ μου!»

розами, то розами и жемчугомъ. Все царство вышло навстрѣчу невѣстѣ. Царь и Царица, ожидая молодыхъ своихъ дѣтей, и не думали, что увидятъ такую прекрасную дѣвицу; они не вѣрили своимъ глазамъ, не знали границъ своей радости, не знали кого прежде цѣловать, кого обнять прежде: сына или свою новую дочь.

Такъ, лаская своихъ дорогихъ дѣтей, провели они первый день. Слѣдующій день назначенъ былъ для свадьбы. Все было для нея готово. Дѣва надѣла небо съ звѣздами — красивѣйшее изъ всѣхъ трехъ платьевъ, которыя подарила ей мать ея возлюбленнаго. Она надѣла и перстни, которые оставилъ ей Царевичъ, утѣжая отъ нея тихонько. Теперь она бросила на нихъ веселый взглядъ, улыбнулась и изъ ея дѣвственныхъ ланитъ ниспали двѣ ярко-багряныя свѣжѣхонькія, какъ-будто только-что сорванныя съ куста, розы. Дѣва подняла ихъ своими нѣжными ручками и попеременно бросая взгляды то на розы, то на перстни, заплѣла въ восторгѣ:

«О розы мои, *триандафли* мои,
И перстни мои золотые!
Привѣтствую васъ, дорогіе,
За то, что въ объятія мои привели
Любезнаго друга, орла дорогаго!»

Здѣсь господинъ Амарантосъ остановился; мы все поняли, что это конецъ сказки, хотя онъ ни слова не говорилъ о великолѣпнн и торжествѣ свадебныхъ праздниковъ; это онъ, вѣроятно, почелъ весьма обыкновеннымъ

разказомъ; или онъ хотѣлъ заключить свою сказку коралловыми устами своей розоланитной красавицы. Благодарности однь за друими сыпались на него отъ всѣхъ насъ; онъ всталъ и скромно благодарилъ насъ за вниманіе наше къ его сказкѣ и, снявъ свою красную фесу, пожелалъ намъ, за добрыя наши дѣла, удостоиться нѣкогда утолить нашу жажду бѣсмертною водою, подобно тому добродѣтельному Царю.

